

Рудольф Штейнер

Рассмотрение современной истории

Карма неправдивости

Часть вторая

GA 174

12 лекций прочитанных в Дорнахе
С 1 по 30 января 1917 года

Перевод с немецкого А.А. Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

Четырнадцатая лекция, Дорнах 1 января 1917

Карма неправдивости. Действие ядов в высшей человеческой природе. Человек, отставший от эволюции, пропитывает себя ядовитым формо-фантомом, причиной душевной опустошенности, ипохондрии, агрессивных инстинктов. Спиритуальная жизнь предполагает возможность заблуждений. Противобраз имажинации: неправдивость. Зло возникает из-за неправильного употребления высших сил. Кто не принимает спиритуальное, производит яды.

Пятнадцатая лекция, 6 января 1917

Национализм, империализм, спиритуализм. Механико-материальная цивилизация не национальна, и, как тело,

должна получить в качестве души не национальную духовную науку. Национализм как следствие душевного развития, отставшего от материального развития. Полнота идей в немецком идеализме. Власть лозунгов, не соответствующих действительности. Абстрактная идея «вечной жизни». Разоружение: кто должен разоружаться? Британский империализм. Два течения в Англии, пуританское и империалистическое.

Шестнадцатая лекция, 7 января 1917

Трагизм и вина в народных свершениях. Воздействие Народной Души на человека. Человек принадлежит какой-либо нации вследствие кармы. Национальное как кармическое лежит выше логического; национальное как основанное на крови лежит ниже логического. «Право и свобода народов» - понятие, не имеющее смысла. Возникновение и прехождение, построение и разрушение в народных свершениях. Трагическое у Фридриха Геббеля. Джон Сили как писатель британского империализма. Генрих фон Трейчке, Крэмб, Куропаткин.

Семнадцатая лекция, 8 января 1917

Европейская середина между западным и восточным империализмом. Австро-сербский конфликт и Мировая война. Русский и британский империализм. Чтобы удалить Россию от Индии, её направляли на Ближний Восток. Русско-французский союз как инструмент французского реванша. Английское господство в Египте, французское господство в Марокко. Аннексия Триполи Италией. Балканская война. Высокоградуированные ложы как инструмент оккультных импульсов. Наряду с тенденцией к демократии в мире параллельно идет аристократическое течение в ложах. Немецкий идеализм превратил тайны лож в общечеловеческое дело. Духовная жизнь лож имеет своим первоисточником Среднюю Европу: Флудд, ученик Парацельса; Сен-Мартен, ученик Якоба Бёме. Сэр Оливер Лодж: материализация духовного. «Речи к немецкой нации» Фихте как призыв к самовоспитанию. «Рассмотрения во время войны» Польцера.

Восемнадцатая лекция, 13 января 1917

Вильгельм фон Гумбольдт и Генрих фон Трейчке. Симптоматическое рассмотрение истории. Необходимость заботы о чувстве истины. Любовь Трейчке к истине. Сочинение Гумбольдта о границах государств как образец для Трейчке. Французские и английские последователи Гумбольдта: Лабулье и Джон Стюарт Милль. Сочинения Трейчке «Свобода». Трейчке и немецкое начало. Трейчке не является представителем принципа власти. Его цель: стать воспитателем своего народа. К непосредственной современности: нота Антанты Вильсону. Бесмысленность понятия «Чехословакия». Крамарц и Мазарик.

Девятнадцатая лекция, 14 января 1917

Подсознательные душевные импульсы в человеке. К вопросу самопознания. Солнечное сплетение как точка приложения деятельности «я». «Я» как носитель злых сил, которые посредством нервной системы нижней части тела постоянно угрожают. Раскованность, раскрепощение «я» и его последствия: сомнамбулизм, безумие. Точка приложения астрального тела в системе спинного мозга. Раскованность астрального тела: сомнамбулизм, безумие, скачка идей, маниакальные состояния, меланхолия, ипохондрия. Точка приложения эфирного тела в головном мозге. Раскованность эфирного тела имеет преимущественно ариманические свойства: зависть, недоброжелательство, скупость. Психиатрия должна будет научиться различать отклонения от нормы, обусловленные раскованностью, высвобождением разных тел. Воздействие Земли на человека посредством твердого, Ангелов—через жидкое, Архангелов - через газообразное, Народных Духов - через систему ганглий. Воздействие Народных Духов не вступает в сознание и поэтому имеет демоническую природу. Оно используется в оккультных братствах, которые преследуют эгоистические групповые интересы.

Двадцатая лекция, 15 января 1917

Прошлое и будущее Европы. Карма середины. Борьба в пятой послеатлантической эпохе как выражение противоречия между материализмом и спиритуализмом. Спиритуальное мировоззрение шестой послеатлантической эпохи. Последствие третьей и четвертой эпохи в европейских народах: Итало-Испании и Франции. Британское начало как представитель пятого культурного периода, пятой культурной эпохи. Образование коммерчески-индустриального начала. Оно стремится к мировому господству. Противоречия между Востоком и Западом, между западным коммерциальным мышлением и спиритуальными наклонностями русских славян. Среднеевропейские импульсы: Лютер, Гус, Виклеф, Цвингли. Кеплер, Коперник, Галилей, Ломоносов как мост между Востоком и Западом. Среднеевропейское стремление к духовности исходящее из внутреннего мира души: на Западе духовный мир хотели бы доказать путём эксперимента. Бэкон, Шекспир, Якоб Бёме, Якобус Бальде, Иаков Первый, Английский. Материализм, царство, которое хочет быть лишь «от сего мира». Теократии, королевскому началу, индустриально-коммерческому началу должно придти на смену общечеловеческое начало, которое не стремится к господству.

Двадцать первая лекция, 20 января 1917

Разрушительные силы неправдивости при общении между живыми и умершими. Работа живых над духовной наукой позволяет умершим действовать в физическом мире. Оккультные братства содействуют ариманическому бессмертию посредством церимониальной магии, в которой устанавливается неправомерная связь с умершими.

Двадцать вторая лекция, 21 января 1917

Космические влияния на разные части человеческого тела. Гороскоп смерти. Троичное разделение человека на голову, органы груди и конечности в связи с жизнью после смерти. Воздействие умерших на живущих. Материализм как препятствие для здорового отношения между земным и сверхчувственным миром.

Двадцать третья лекция, 22 января 1917

Сновидческое сознание и сознание после смерти. Воздействие отставших духовных существ на умерших. Отставшие Архаи как противники Христа. Оккультный импульс группового эгоизма. Духовное значение Средней Европы.

Двадцать четвертая лекция, 28 января 1917

Мера и число. Платоновский Мировой Год. Учение Гете о дыхании Земли. Связь между речью и ритмом дыхания. Сон и бодрствование в их значении для связи с духовным миром. Итальянская и русская Народные Души. О брошюре Хунгарикуса.

Двадцать пятая лекция, 30 января 1917

История антропософского движения. Сен-Мартен. Древняя мудрость и эфирное ясновидение будущего. Среднеевропейская духовная жизнь в немецком идеализме: Новалис, Шлегель, Шуберт, Трокслер. Карл Христиан Планк. Оба математика Больяй и проблема параллельных. Среднеевропейское начало как представитель общечеловеческого в противоположность к односторонности, вырабатываемой на периферии.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ
Дорнах, 1 января 1917

Если вы обдумаете то, что было сказано вчера относительно так называемых ядовитых веществ, вы почувствуете, я бы сказал, какая же сильная относительность

проявляется во всех импульсах бытия. Вы заметите, что какая-либо субстанция может быть обозначена как яд, однако, с другой стороны именно высшая природа человека внутренне родственна этим ядам, и что, в сущности, эта высшая человеческая природа была бы совсем невозможна без воздействия ядов. Тем самым мы касаемся весьма важной для познания области, которая имеет много разветвлений, и без знания которой вообще нельзя понять некоторые тайны жизни и бытия.

Если мы рассматриваем физическое человеческое тело, то мы должны сказать: если бы это физическое тело не было наполнено высшими сущностями или сущностными членами бытия, эфирным телом, астральным телом, «я», оно не могло бы быть тем физическим телом, каким оно является. В тот момент, когда человек проходит через врата смерти, оставляет своё физическое тело, то есть, когда высшие члены удаляются из физического тела, оно следует совершенно иным законам, нежели в течение того времени, когда в нём находились высшие члены. Говорят, что оно распадается; то есть, оно, умирая, подчиняется физическим и химическим силам и законам Земли.

Таким, каким физическое тело человека является перед нами, оно не может быть построено в соответствие с обычными земными законами, ибо земные законы разрушают его. Только благодаря тому, что в теле действует то, что не является в человеке земным - благодаря его душевно-духовным членам, - тело является таким, каково оно есть. Во всей области физических и химических законов нет ничего, что оправдывало бы существование такого тела на Земле, каким является человеческое тело.

Поэтому мы можем сказать: в соответствие с физическими земными законами человеческое тело представляет собой невозможное существо; оно сохраняется только благодаря его высшим сущностным членам. Здесь в качестве необходимого дополнения выявляется то, что как скоро высшие сущностные члены - «я», астральное тело, эфирное тело - покидают человеческое тело, оно становится трупом.

Из некоторых прежних рассмотрений вы знаете, как то, что дается как схематическое разделение человека, не так просто, как это кому-то хотелось бы. Мы разделяем человека, прежде всего, на физическое, эфирное, астральное тело и на «я». Раньше я уже указывал на то, что всё это сопряжено с дальнейшим усложнением. Во всяком случае, физическое

тело предстоит само по себе, оно является именно физическим телом. Но эфирное тело как таковое, как эфирное тело, является сверхчувственным, невидимым, не воспринимаемым посредством чувств. Как таковое, чувственно не воспринимаемое, оно является в существе человека. Но оно в некотором смысле имеет свой физический коррелят, он отпечатывается в физическом теле. В физическом теле мы имеем не только собственно физическое тело, но также отпечаток эфирного тела. Эфирное тело проецируется в физическом теле; итак, мы можем говорить об эфирной проекции в физическом теле.

Точно также обстоит и в случае астрального тела; мы можем говорить об астральной проекции в физическом теле. Отдельные подробности вам уже известны. Вы знаете, что проекцию «я» в физическом теле надо искать в некоторых свойствах кровообращения, так как «я» проецируется в кровь. Подобным образом проецируют себя в физическое тело и другие члены. Само физическое тело, насколько оно является физическим, представляет собой сложное существо, оно само по себе четверично, четырехчленно. Как не может существовать наиболее главное в физическом теле, если внутри его не находятся «я» и астральное (и эфирное) тела, ибо оно тогда становится трупом, так в некотором отношении обстоит дело и с этими проекциями, ибо все они носят субстанциональный характер: без «я» человека не может быть человеческой крови, без астрального тела не может быть никакой человеческой общей нервной системы. Мы имеем эти вещи в себе в качестве коррелятов, соотносительных элементов высших сущностных членов человека.

Как не может быть настоящей жизни, а только некое трупное бытие у физического тела, если «я», - скажем, возносится, - проходит через врата смерти, так не может при некоторых условиях правильно жить то, что является проекцией.

«я»

Астральное тело

Эфирное тело

Физическое
проекция «я»

эфирная проекция

астральная проекция

Из всех этих членов человеческой природы я хочу обратить внимание только на «я». Я мог бы с таким же успехом обратить внимание и на все три, но я хочу с помощью штриховки показать, что это физическое тело пронизано «я». Другие проекции тоже должны быть известным образом пронизаны. Так я хочу указать на проекцию эфирного тела, которая в существенном фиксирована в системе желез человека; она опять-таки должна быть некоторым образом пронизана и пропитана. Как третье я хочу обозначить то, что главным образом фиксируется в нервной системе; это опять-таки должно быть пронизанным определенным образом некоторыми воздействиями со стороны «я». Само тело «я» тоже должно быть соответствующим образом пронизано.

Мы только что сказали, что человек, когда он проходил следующие один за другим эволюционные периоды, в каждом эволюционном периоде должен был подвергаться влиянию иных импульсов развития. Он должен был некоторым образом принимать то, что требовало от него его время. В первую послеатлантическую эпоху, в древне-индусскую эпоху, человек должен был принять в себя душевно-духовные импульсы, которые делали возможным, чтобы тогда особенным образом формировалось эфирное тело; в период, следующий затем, в древнеперсидскую эпоху формировалось астральное тело; в египетско-халдейскую эпоху формировалась душа ощущающая, в греко-латинский - душа рассудочная или душа характера, в нашу эпоху - душа сознательная. От того, принимает ли человек правильным образом то, что соответствует его эпохе, зависит, понижет ли он правильным образом члены своего тела так, что они так будут пронизаны тем, что требует эпоха, как физическое тело пронизано высшими членами. Допустим, что человек стал бы во всем противиться тому, чтобы что-либо воспринять от пятой послеатлантической эпохи, противиться тому, что необходимо этой пятой послеатлантической эпохе, что он отказывался бы от того, что должно было бы культивировать его душу в соответствии с требованиями пятой послеатлантической эпохи. Какие имело бы это последствия?

Его телесность не позволяет себя ослабить, если он принадлежит к той части человечества, которая в первую очередь призвана принимать в себя импульсы пятой послеатлантической эпохи. Не все призваны к этому; но все белые расы призваны сейчас к тому, чтобы принять в себя

культуру пятой послеатлантической эпохи. Допустим, человек стал бы противиться этому. Тогда определенный член его телесности, прежде всего, кровь, остались бы без того, что входило бы, если бы он не противился. Этому компоненту его телесности недоставало бы того, что правильным образом внедряло бы соответствующие субстанции и их силы. Однако вследствие этого эти субстанции и живущие внутри них силы, - хотя и не в столь высокой степени, когда человеческое тело становится трупом, а «я» уходит, - становятся в своих жизненных силах больными, деградирующими, и человек в некотором смысле несёт их в себе как яд. Итак, отставание от эволюции означает, что человек пропитывает себя неким формо-фантомом (Form-phantom), который ядовит. Если бы человек принимал то, что соответствует импульсам его культуры, он смог бы посредством этого душевного склада растворить этот формо-фантом, который он несет в себе. Но иначе он позволяет ему коагулироваться в теле.

Отсюда происходят болезни, обусловленные культурой, культурный декаданс, всякая душевная опустошенность, взбалмошность, ипохондрия, неудовлетворенность, капризность и так далее, а также все инстинкты, атакующие культуру, агрессивно протестующие против неё. Ибо человек, или принимает культуру эпохи, подстраивается под неё, или развивает соответствующий яд, который оседает, и который может быть растворен только благодаря принятию культуры. Однако вследствие того, что этот яд оседает, развивается инстинкт, направленный против соответствующей культуры. Воздействие яда всегда проявляется в виде агрессивного инстинкта. В народной речи Средней Европы это отчетливо ощущается: во многих диалектах не говорят «человек стал гневен», но «он стал ядовит», что соответствует глубокому ощущению действительного факта. О ком-то гневном в Австрии, например, говорят он стал “gachgiftig”, то есть, он «быстро стал ядовитым», он быстро разгневался. Тут присутствует дифференциация по степеням: это вы можете заметить на примере змеиного яда, который в высшей степени ядовит, и который несет в себе агрессивность. Хотя и в гораздо меньшей степени человек отлагает в себе такое ядовитое вещество, которое может стать очень концентрированным, если он отказывается принимать то, что растворяет яд. Именно в нашу эпоху многие люди отказываются принимать формы духовной жизни, соответствующие нашей эпохе, те формы, которые мы с

давних пор пытаемся характеризовать, и которые мы теперь характеризуем публично.

Дело обстоит так, что именно этот цветок лотоса здесь (во лбу) делает у таких людей очень заметным то, что тут возникает; ибо дело тут доходит до теплового воздействия, и такие люди в некотором смысле извивается, изворачиваются, протестуя против отношений внешнего мира, если в них обнаруживается нечто, что могло бы стать целительным для эпохи. Между нас, несомненно, бродит Мефистофель, то есть черт; но начальное развитие чего-то извивающегося, происходит уже оттого, что человек отказывается принимать то, что уместно в культуре данной эпохи. Итак, он не растворяет яд, но делается частично трупом, он в некотором смысле позволяет формо-фантому коагулироваться в организме.

Продумав это, вы сможете уяснить себе возникновение предрасположенности к некоторой неудовлетворенности жизнью. Ибо нося в себе такой ядовитый фантом, человек становится несчастным. В наше время его назовут нервным или неврастеником; но это может сделать его ужасным, склочным, сделать монистом, материалистом, ибо эти качества часто, - гораздо в большей степени, чем думают, - связаны с этой физиологической причиной: с тем, что яд, вместо того, чтобы выводиться наружу, отлагается в человеческом организме.

Из всего этого вы видите, что общее состояние, общая конституция мира, в котором мы находимся, действительно подвержено своего рода подвижному равновесию между добрым, правильным и его противоположностью, - действию яда. Для того, чтобы с одной стороны могло возникнуть доброе, правильное, должна быть возможность, чтобы было отклонение от правильного, чтобы возникало ядовитое воздействие.

Применяя это в широком смысле, вы скажете себе: сегодня в мире должна существовать возможность, чтобы люди приходили к известной спиритуальной жизни, чтобы они развивали в себе импульсы для свободной, внутренней спиритуальной жизни. - Для того, чтобы отдельный человек мог придти к спиритуальной жизни, должен существовать противоположный образ: соответствующая возможность отклоняться от неё серо-магическим или чёрно-магическим образом. Без этого ничего не получится. Точно так же как вы, как люди, не могли бы держаться стоя, не имея под собой Земли, которая дает вам твердую почву, так и ведение светлой

спиритуальной жизни невозможно без сопротивления, которое приходится допускать и которое неизбежно для высших областей жизни.

Мы указывали на нечто противоречивое, однако поэтому не менее значительное, что на вопрос: кому мы обязаны Мистерией Голгофы? - каждый мог бы ответить: Иуде; ибо, если бы Иуда не предал Христа Иисуса, Мистерии Голгофы не состоялась бы, поэтому надо было бы быть благодарным Иуде, ибо от него возникло христианство, то есть, Мистерия Голгофы. - Однако всё же нельзя быть благодарным Иуде и признавать его за основателя христианства! Всюду, где человек поднимается в высшие области, надо считаться с живыми, а не с мертвыми истинами, а живая истина несёт в себе свой собственный противополообраз, как в физическом бытии жизнь несёт в себе смерть.

Примите это как нечто такое, что я очень хотел бы сегодня погрузить в ваши души, поскольку это позволяет понять многое. Должна существовать возможность помимо спиритуального отлагать полярно противоположный яд. Но если он может быть отложен, он может быть тоже использован, может быть использован во всех областях.

К сказанному можно присовокупить много вопросов. Но сегодня мы хотим коснуться только такого вопроса: как с этим справиться? Разве не подвергаются большой опасности, что приступая к чему-либо в мире, могут тем самым создать нечто противоположное, ядовитое, или, по крайней мере, кто-либо может получить тенденцию стать ядовитым? Такая возможность, конечно, всегда существует. Всё то, что может быть в мире очень хорошим, может обратиться в свою противоположность. Но так и должно быть для того, чтобы развитие человечества могло совершаться в свободе, что соответствует нашему культурному периоду. Именно самые прекрасные импульсы развития нашей эпохи могут в наибольшей степени иметь предрасположение, обратиться в свою противоположность.

Точно так же как для человеческого организма, относится это и к социальной жизни. Из лекций, прочитанных здесь ранее, вы видели, что в наше время хотя бы в зародыше начинают развиваться задатки для развития имагинативной жизни, для образования восходящих вверх мыслей, которые, конечно, отклоняются материалистически мыслящими людьми. В природе нашего времени заложено то, что постепенно должна развиваться имагинативная жизнь. Что является противополообразом имагинативной жизни?

Противообразом имагинативной жизни является сочинительство, вымыслы по отношению к действительности, и связанное с ним легкомыслие при утверждении той или иной вещи. Это то же самое, что я часто в этом рассмотрении описывал как невнимательность по отношению к истине, по отношению к реальности, действительности. Самое прекрасное из того, что человечеством в пятой послеатлантической эпохе было поставлено во главе, - постепенное поднятие из чисто односторонней интеллектуальной жизни в имагинативную жизнь, которая является первой ступенью в духовном мире, - может отклониться в неправдивость, в сочинительство (Erdichtung) относительно действительности. Само собой разумеется, я не говорю: в «поэзию» (Dichtung), - ибо она вполне правомерна, но именно в сочинительство относительно действительности.

В дальнейшем в нашу эпоху должно возникнуть, - с этим мы тоже знакомы из наших рассмотрений, - особо научное, сознающее свою ответственность мышление. Если вы обратите внимание на то, что необходимо в нашей антропософски ориентированной духовной науке, вы скажете себе: если человек действительно хочет понять, что даёт антропософски ориентированная духовная наука, он должен иметь остро очерченные мысли, в которых живёт воля к конкретному исследованию действительности. Острое мышление необходимо уже для того, чтобы принять наше учение, если мы смеем так называть его, необходим, прежде всего, некоторый покой мыслей, а не беглое, поверхностное мышление. Мы должны работать над таким мышлением. Мы должны непрерывно прилагать усилия, чтобы требовать от себя мыслей с четкими контурами, чтобы не предаваться слепо симпатиям и антипатиям, если утверждаем что-то для себя или для других. По отношению того, что мы утверждаем, мы должны искать обоснования, фундаментальной аргументации, иначе мы никогда не сможем правильным образом понять духовнонаучную область. Это мы должны требовать. И мы выполним нашу задачу, если это требование поставим самим себе. Если спрашивают: что должны мы делать в наше трудное нынешнее время? - то мы должны сформировать ответ из вышесказанного. Мы должны ясно сознавать, что в современности каждый человек, который хочет, чтобы эволюция Земли шла дальше здоровым образом, должен по совести и честно искать мыслительной объективности только что описанным образом. Именно в этом

и состоит задача человеческой души в настоящее время. А поскольку это так, то может развиваться также и коррелятивный яд: полная оставленность ясными мыслями, мыслями, которые связаны с реальностью, которые не являются сочинительством, но хотят просто констатировать то, что есть. Потеря стремления к объективности становилась в ходе 19 столетия всё интенсивней и интенсивней. Оторванность совести от того, что мы теперь характеризовали как истину, достигла в 20 столетии высшего пункта в сравнении со всем, что было прежде. Следствия этого становятся самыми плохими тогда, когда люди этого совершенно не замечают; но именно это характеризует наше время.

Я хочу привести вам пару примеров, чтобы вы увидели, что я имею в виду. Я действительно хочу привести эти примеры *sine ira* - без симпатий и антипатий. Есть тут один человек, которого я очень хорошо знаю, он из тех, кого называют приятным, милым человеком. Он участвует в общественной жизни, занимает по праву очень почетное положение в ней, и даже в малейшем не позволяет себе отклониться от того, что называют мыслительной тщательностью при общественных выступлениях. Однако указанный муж недавно смог написать следующее, очень характерное: «это должно быть завершением», - он говорит это в завершении своей статьи, - «не упустить одного, пусть даже краткого обсуждения вопроса...» (*пропуск в тексте*)

Это понятно, что в наше время говорится нечто подобное; я привожу это, поскольку это было сказано действительно серьезным человеком с изрядным, по-настоящему дельным образом мыслей. Но это, если рассмотреть поближе, оказывается настолько лживым, насколько вообще может быть нечто лживым; ибо он не может говорить ничего лживого, а только: «я буду подпевать»: «мы молимся праведному Богу», «Наш Бог есть прочный град» и так далее, с настроением, что это именно молитва, молитва, которую поют, если вообще имеют только ту веру, которую характеризует тут данный человек. Это прямо-таки похвальная речь лживости. Такие похвальные речи лживости вы сегодня найдёте на каждом шагу, и они произносятся, - я мог бы сказать, - по доброй вере; они то и являются коррелятивным ядом по отношению к тому, что должно развиваться как имагинативная, спиритуальная жизнь. И именно у лучших людей может, существовать такое действие яда, будучи более или менее в подсознании. Во всяком

случае, если человек знает, что нечто подобное, пульсируя в социальной жизни, является тем же самым, как если бы в человеческий организм влили каплю яда, он может судить обо всём этом правильным образом. Но если он об этом знает, он будет чувствовать себя обязанным, совершать в жизни нечто такое, что теперь часто характеризуется так: он будет прилагать усилия, чтобы держать глаза открытыми по отношению к фактам, чтобы развивать здоровое наблюдение жизни. Без этого дело сегодня не пойдёт. И карма, о которой я говорил, исполняется; это карма не отдельного народа, но всего европейско-американского человечества 19 века, - это карма неправдивости, это прокравшийся яд неправдивости.

Можно особым образом пережить эту карму неправдивости в движениях возвышенных натур. На своём жизненном пути, там или тут я слышал много ложного; но я должен сказать, мне не приходилось встречать где-либо что-либо более ложное, как там, где основное положение звучит: «Нет религии выше, чем истина». Я могу сказать: с такой интенсивностью лгали только там, где, в то же время имели глубочайшее сознание того, что стремятся лишь к истине и ни к чему иному, как только к истине! - Именно там, где стремятся к высшему, надо быть больше всего настороже. Ибо необходимо хоть однажды обратить внимание на то, что в более ранние культурные эпохи бывали иные возможности отклонений, заблуждений. В наше время большой опасностью является отклонение в сторону неправдивости, которая осуществляется посредством отсутствия жизни с действительностью. Отсутствие жизни с действительностью! У людей с порядочным образом мыслей, как у личности в приведенном мною примере - человек, который написал здесь такую ложь, скорее дал бы отрезать себе язык, чем сознательно сказать неправду, - эти вещи действуют, когда они вливаются в социальную жизнь и становятся социальным ядом. Но конечно, поскольку они должны существовать, они могут отклоняться в противоположную сторону: они могут подниматься в человеческое сознание и обращаться во всевозможные бесчинства, - если не сказать более крепкого слова.

Некоторые из вас, возможно, помнят, какой возник резонанс, когда я в Мюнхене несколько лет тому назад впервые радикально указал на эти обстоятельства, причём в открытой лекции. Тогда я говорил: в ходе человеческой эволюции на физическом плане развиваются импульсы добра

и зла. Вследствие чего развиваются эти импульсы? Вследствие того, что некоторые силы, принадлежащие, в сущности, высшему духовному миру, неправильно используются здесь, внизу, на физическом плане. Если бы воры свои воровские инстинкты, убийцы - свои инстинкты убийства, лжецы - свои инстинкты лжеца, вместо того, чтобы изживать их на физическом плане, использовали для того, чтобы развивать высшие силы, они развили бы весьма значительные высшие силы. Ошибка состоит лишь в том, что они развивают их не на том плане, где надо. Зло, как я говорил, является добром, опустившимся на другой план. Вследствие этого человек, который является вором, убийцей или лжецом, разумеется, не становится лучше: но эти вещи надо понимать, иначе человек не может понять их суть и бессознательно подвергается опасности с их стороны.

Нет никакого чуда в том, что в наше время имеется много людей, которые не постигают, что теперь начинает становиться задачей - заниматься спиритуальными делами. Поэтому они не делают этого, а предаются своим материалистическим инстинктам. Но они развивают в себе яды, которые должны были бы растворяться посредством спиритуального. Что становится следствием? Яды развиваются и становятся в человеке, отклоняющем спиритуальное, силами, которые делают его настоящим лжецом; вопрос только в том, насколько сознательным или бессознательным. Однако те же самые силы могли бы использоваться для того, чтобы прекрасно понять спиритуальную науку.

Вспомните, какое, в сущности, весомое познание мы тут имеем перед собой, и как мы благодаря охвату столь весомого познания можем понять основной нерв в карме нашего времени, если только примем то, что я сказал вчера: нельзя вырывать отдельные подробности из того, что является общечеловеческим. Человечество есть нечто целое. Именно как противоположность спиритуальных стремлений в наше время должно существовать и очевидное зло. Действительно познать это зло в его существе, чтобы познавать его и тогда, когда встретишься с ним в жизни, и мочь правильно бороться с ним - относится к задачам нашего времени.

Когда мы говорим о таких вещах, мы приводим этот значительнейший образ мыслей, связанный с кармой нашего времени в соприкосновение с тем, что живёт в наше время и в самом широком окружении способствует гораздо более худшему. Мы видим на поверхности, как в мощных волнах,

поглощающих значительно больше, чем думают, пульсирует сегодня в мире ложь. Ложь обладает необычайно сильной жизнью. Но благодаря рассмотрению, как проводимое нами сегодня, вы видите, что ложь является лишь коррелятивным противоположением тех спиритуальных стремлений, которые должны были бы иметь место, но не существуют. Я мог бы сказать, Божественно-духовная Сущность мира даёт человеку возможность стремиться спиритуально. Мы имеем в нас яд, который мы должны разрушить; мы именно должны разрушить его, иначе он останется в нас как некий частичный труп.

Позвольте мне привести для таких вещей пример из повседневной жизни, посредством которого мы могли бы одновременно преследовать цель лучшего понимания некоторых вещей, которые сегодня встречаются нам на каждом шагу, и которые связаны с жизнью, со всеми её страданиями, со всем злом современности. Ибо в том, чтобы постепенно подойти к пониманию болезненных событий современности, состоит то, к чему мы стремимся в этих рассмотрениях, насколько они позволяют это нам. Такие вещи я действительно говорю только потому, чтобы в некотором роде формально характеризовать форму и вид действующих импульсов; не чтобы характеризовать людей, а чтобы характеризовать факты на примерах.

Здесь в Швейцарии циркулирует один человек, который много лет тому назад был адвокатом в Берлине, один стихотворец, который из-за всяких содеянных им дел вынужден был пытаться счастья за границей. Год за годом он циркулировал за границей, и теперь, когда разразилась война, он написал книгу «Я обвиняю», которая наделала шуму на периферии. Можно сказать, что всё это дело с книгой «Я обвиняю» относится к наиболее печальным сопутствующим явлениям нашего времени, поскольку она является столь характерным симптомом. «Я обвиняю» - это толстая книга, и некоторые люди, которые познакомились с ней, утверждают, - это приводится только для примера, - что нет ни одной норвежской хижины, в которой нельзя было бы найти эту книгу. Итак, она принадлежит к одной из самых распространенных книг. Весной я читал в Берлине одну статью об этой книге, написанную кем-то, кто кое-что оценил. Он говорит, что Книга «Я обвиняю» была рекомендована ему одним человеком, которого он чрезвычайно ценил. По типу изображения можно заключить, кто этот ценимый им человек: это некто, принадлежащий

большому свету в Голландии, тот, кто, однако, - глядя на дело чисто формально, - был не в состоянии вынести суждения обо всём бульварном характере книги «Я обвиняю». Как раз сегодня можно считаться большим человеком, но в суждении о таких вещах проявлять полную беспомощность.

И вот этот малоизвестный автор книги «Я обвиняю» снова выступил в газете «Юманите» со следующими мыслями - как говорится, это не касается меня лично, речь о том, чтобы характеризовать то, что в наше время возможно всё:

Один депутат от социал-демократов выступал в Берлинском Рейхстаге с речью, в которой развил свои взгляды относительно разных связей в предыстории войны. Можно соглашаться с этим или нет, - дело сейчас не в этом; я хочу показать вам нечто формальное. В своей речи депутат отзывается об одних словах, сказанных сэром Эдвардом Греем 30 июля 1914, которые по смыслу звучат примерно так: если бы Австрия ограничилась тем, что промаршировав до Белграда, удовлетворилась занятием Белграда, и затем стала бы ожидать, какое суждение будет вынесено на европейском конгрессе в связи с отношениями Австрии и Сербии, то можно было бы сохранить мир. Это высказывание сэра Эдварда Грея было хорошо освещено, так как Грей сказал это немецкому послу и, кроме того, написал это английскому послу в Петербурге. Дело было полностью освещено, так что никаких сомнений в том, что сэр Грей это говорил, быть не могло. Однако вследствие того, что этот социал-демократический депутат снова заявил об этом в немецком Рейхстаге, автор книги «Я обвиняю» был разгневан. Что же сделал этот автор книги «Я обвиняю»? Он написал в «Юманите» в высшей степени клеветническую статью, в которой он упрекает этого социал-демократического депутата во лжи, фальшивом цитировании и так далее. Однако дело это было очень хорошо освещено, и депутат не сказал ничего, что не было бы опубликовано в различных книгах, а также как письмо от сэра Эдварда Грея, которое он написал английскому послу в Петербурге. Как же автор книги «Я обвиняю» мог констатировать лживость? Он сделал это так; он говорит: то, что сказал этот социал-демократический депутат не может быть высказыванием сэра Эдварда Грея от 30 июля, это относится к высказыванию Сазонова от 31 декабря; высказывание Сазонова, а не Грея, звучит, однако следующим образом, как я (*то есть он*) цитирую. Итак, депутат от социал-демократии плохо

цитировал Сазонова, ибо высказывание Сазонова таково, и, кроме того депутат утверждает, что это высказывание, сделанное Сазоновым, сделал сэр Эдуард Грей.

Факты были таковы, что указанный оратор ссылаясь на высказывание Грея. Автор «Я обвиняю» хотел побороться с ним и говорил: сказанное относится не к высказыванию Грея, а к высказыванию Сазонова, к тому же неправильно процитированному. Сазонов сказал следующее....; итак, то, что говорилось в Берлинском Рейхстаге, является, мол, фальшивкой. Он, мол, пускает в обращение двойную фальшивку: во-первых фальшиво цитирует, и во-вторых перелагает высказывание на Лондон, в то время как оно было сделано в Петербурге. Значит депутат – лгун.

Примерно такого калибра вся книга «Я обвиняю»; такого рода доказательства приведены там. Но вы видите, как ограничено, как запутано, насколько бессовестно мышление человека, который в состоянии делать нечто подобное. Но чего он тем самым достигает? Большое число людей, читающих в «Юманите» то, что написано этим малоизвестным автором книги «Я обвиняю», само собой разумеется, не проверяли, так ли это; они имели перед собой и верили тому, что рассказал им автор книги «Я обвиняю». Таким образом нельзя было не только доказать, что депутат от социал-демократов лгал, но можно было показать, - это возникает помимо того «доказательства», которым был озабочен автор «Я обвиняю», -- что силы Средней Европы не несут ответственности за тот первый почин, который был дан со стороны сил периферии. Ибо, как говорит книга «Я обвиняю» этот депутат утверждал, что силы Средней Европы реагировали на то, что изошло с периферии; но он имеет в виду Сазонова! Он цитирует высказывание Сазонова! Силы Средней Европы реагировали совсем не на это, известно, что двигало силами Средней Европы: на эти важные вещи они ни разу не отвечали.

То, что действительно цитировал депутат, относится к предложению Грея, предложению, которое Грей передал своему послу по телеграфу, перед тем, как посол сказал об этом Сазонову. Сазонов же извратил в противоположность всю ту историю, переданную ему тогда от Грея, которая не принесла бы ничего плохого. Автор «Я обвиняю» требует, чтобы обратили внимание на то, что было обращено Сазоновым в свою противоположность, после того как сам Сазонов не принял это к сведению. Однако, можно доказать; то, что Грей телеграфировал своему послу в Петербурге,

было донесено Сазонову, но он не принял это к сведению, не принял во внимание. В то же самое время Грей посылает это предложение в Берлин, а из Берлина оно было переслано в Вену. Можно доказать, что между Веной и Берлином велись переговоры, чтобы склонить Австрийскую Империю действительно удержаться в Белграде и затем дожидаться каких-либо европейских переговоров. Это следует из письма, которое сам король Англии передал по телеграфу принцу Генриху. Итак, силы Средней Европы были согласны на предложение Грея. А вот Сазонов не был согласен с предложением Грея! Книга «Я обвиняю», тем не менее, констатирует: силы Средней Европы не ответили, и тем самым навлекли на себя все это страшные вещи.

Это дело не является незначительным, ибо в болезненном вчерашнем документе стоит та же самая фраза. Итак, имеется достойное внимания кровное родство, фамильное родство между всемирно историческим, болезненным документом и человеком, который, поскольку у него на протяжении лет земля горела под ногами, слонялся, чтобы под щегольским титулом «Я обвиняю, - от одного немца» написать всевозможный вздор, который теперь защищают так, как это было сделано в новейшей публикации в «Юманите».

Не надо удивляться, если люди защищаются, как защищался тот немецкий депутат, который в книге «Я обвиняю» был представлен как клеветник, лицемер и лжец. Депутат говорил: в сущности, дело обстоит не иначе, как в случае служанки, которую послали к г. Мюллеру в Долгий переулок 35, чтобы она через два часа вернулась, а она вернулась очень поздно, хотя идти было совсем недалеко. Вернувшись, она сказала: я не смогла его найти! - Как это не смогла? - Да я не пошла в Долгий переулок 35, а в Короткий переулок 85, а там не живет никакого столяра Мюллера, а живет Шульц, но это не столяр Мюллер, а прачка... - Примерно таковы действительная связь - полагал этот депутат - между тем, что говорит книга «Я обвиняю», и тем, что было в действительности.

Этот автор книги «Я обвиняю» - является, конечно, самым плохим примером. Однако манера так обходиться с действительностью есть то, что сегодня является оборотной стороной, коррелятивным противоположением спиритуальных стремлений, и как настоящий яд струится по социальным венам вместо того, что должно струиться там: то есть вместо спиритуальных познаний, вместо пронизания себя

спиритуальным началом. Мы повсюду можем найти подобные вещи, - я привел пример, где проявилась лживость одного человека, которого я хорошо знаю - причем в разнообразнейших вариациях. Мы можем повсюду видеть, что это выступает как в некотором смысле противобраз того, что необходимо в наше время. Если вообще хотят познать нечто верное, правильное, надо познавать спиритуально, ибо всякое прочее познание сегодня, в сущности, отстает от развития. И поэтому уже необходимо, если в Европу должен придти мирный образ мыслей в отношениях между народами, развивать спиритуальные чувства о народах, что может произойти, если народы понимать так, как это имеет место в моём, прочитанном незадолго до войны цикле лекций в Христиании о Народных Духах (см. том 121 GA). Надо решиться таким путём спиритуально приблизиться к Народным Духам; только благодаря этому возможно сделать дух человека настолько активным, чтобы он мог выносить надлежащие суждения о таком групповом начале, как народ. Представьте себе, как сегодня могли бы судить о народах, если бы были достаточно подготовлены к этому в спиритуальном смысле! Но то, что мы видим перед собой как радикально и ошибочно выступающее с той или иной стороны, живет не только в самых худших, но даже в самых лучших. Здесь не следует порицать всё, что было характеризовано. Недостаток тут существует просто оттого, поскольку не желают создать спиритуальных условий, чтобы выносить суждения о больших связях между народами. Судят о них, исходя из симпатий и антипатий, а не из настоящего прозрения.

Весьма характерным примером этого является один знаменитый современный роман, где вполне честно пытаются в сюжетных линиях романа охарактеризовать один народ с его различными представителями, в данном случае - немецкий народ. Однако происходит это как раз ошибочным способом, который вследствие недостатка спиритуальности совершенно не в состоянии придти к настоящим суждениям. Хороший роман я не мог бы привести здесь, поскольку в настоящих произведениях искусства нечто подобное не рассматривают. Но когда роман являет собой нечто тенденциозное, если само изображение носит тенденциозный характер, тогда его следует привести в данной связи. Я ещё раз хочу особо характеризовать то, что я имею в виду: если роман хороший, мы никогда не услышим в нём личность

автора, но личное будут выражаться в таких характеристиках, как: что за народ, что за сословие, что за класс и так далее. И если в одном романе Ганс Мюллер или Иоахим Ейкельхан говорят что-то о немцах, французах или англичанах, это не значит, что тут можно к чему-либо придраться. Но не так обстоит дело в романе, который я сейчас имею в виду; нет, тут видно, что здесь на передний план выступает сам автор и сообщает своё мнение, и что он, характеризуя личности, постоянно хочет высказать своё авторское мнение о немцах. Мы сразу увидим это, если о семье героя говорится следующее:

«Он умел говорить красиво, был хорошо сложен, хотя и немного неуклюж; он был тем типом, который в Германии расценивается в качестве образца классической красоты: широкий, невыразительный лоб, сильные, правильные черты лица, вьющаяся борода - Юпитер с берегов Рейна».

Не правда ли, такое не очень подходит в качестве объективного суждения, хотя в отдельном случае такая оценка может даваться часто. Камерный музыкальный оркестр в Германии характеризуется следующим образом:

«Они играли не очень чисто и не очень-то в такт; они никогда не сбивались и верно следовали данной нотной записи. Они были одержимы той музыкальной поверхностностью, которая довольствуется малым и тем совершенством посредственности, которая превалирует в расе, называющейся в мире музыкальной».

Другая характеристика дяди героя. Тут сказано:

«Он был совладельцем большого торгового дома, который поддерживал связи с Африкой и Дальним Востоком. Он в целом представлял собой тип тех немцев нового стиля, которые с пристрастием старого идеализма с язвительным презрением относятся к расам и, будучи опьянены победой, силой и успехом, исповедуют культ, доказывающий, что им непривычно жить под этими знаками. Но невозможно ведь вдруг изменить многовековую природу народа; этот регрессивный идеализм все снова и снова проявляется в речи, в поведении, в моральных воззрениях, в цитировании Гёте во всех, даже самых ничтожных домашних случаях жизни. Вот так, возникла потребность посредством

причудливых усилий привести в согласие почтенные принципы старого немецкого бюргерства с цинизмом нового рыночного грабежа - странная смесь совестливости и эгоистической корысти, смесь, несущая в себе отвратительный запах лицемерия. Всё это сводится к тому, чтобы из немецкой силы, жажды денег, корыстных интересов создать символ всякого права, справедливости и истины».

О том же самом человеке сказано:

«...ему не доставало того услужливого германского идеализма, который не видит и не хочет видеть того, раскрыть что было бы для него мучительно, не хочет из страха разрушить приятное спокойствие своего суждения и удовольствие от своей жизни»

Далее при таких обстоятельствах, когда автор в некотором смысле, выступает перед рампой, и мы слышим его собственные слова, говорится:

«После немецкой победы (*1871 франко-прусская война - примеч. перев.*) особо деятельно всё, стремящееся заключить компромисс, создать отвратительную помесь новой власти и старых принципов. Не желают отказываться от старого идеализма: это было бы делом искренности, на которое не способны; вот почему удовольствовались тем, что сфальшивили его ради того, чтобы поставить на службу немецким интересам. Следуют примеру Гегеля, явно двуличного шваба, который дожидался Лейпцига и Ватерлоо (*битвы, соответственно окт.1813г и июнь 1815г, где был разгромлен Наполеон - примеч. перев.*), для того, чтобы приспособить мысли своей философии к прусскому государству».

Этот господин - автор - имеет странные понятия об истории философии; тот, кто действительно знает её, знает, что принципы гегелевской философии о феноменологии сознания были написаны в Вене в 1806г под гром канонады, среди грома канонады, когда подошел Наполеон; однако это с некоторым «чувством истины» характеризуется так, что Гегель, якобы, дожидался битвы под Лейпцигом, чтобы подделаться под Прусское государство.

«...и теперь, после того, как интересы у них стали другими, изменились также и принципы. Если бы их побили, то сказали бы, что идеалом Германии является человечество. Теперь же, когда побиты другие, оказывается, что идеалом человечества является Германия.»

Это, несомненно, тонкая фраза!

«Пока другие страны были мощнее, они, вместе с Лессингом говорили, что любовь к отечеству есть героическая слабость, без которой вполне можно было бы обойтись, и называли себя глашатаями мира. Теперь, одержав победу, выражают непомерное презрение к «французской утопии» - миру во всём мире, братству, мирному прогрессу, правам человека, естественному равенству; говорят, что более сильный народ имеет абсолютное право по отношению к другим, в то время как другие народы, как слабейшие, по отношению к нему бесправны».

Видимо, из этой фразы, после того как война закончится, на периферии смогут наделать много передовиц. Фраза эта появилась незадолго перед войной.

«Живым Богом и воплощённым Духом должен казаться тот, чей успех достигнут посредством войны, насилия и принуждения. Священно то, что говорит сила, которую имеют на своей стороне. Сила теперь стала олицетворением всего идеализма, всего разума.»

Приведенная фраза была удалена. Вы знаете, сейчас нелегко получить вещи через границу, а книга была у меня в Берлине.

Но я хочу привести ещё кое-что из той же самой книги, где автор тоже, некоторым образом выступает перед рампой:

«Немцы счастливы снисходительностью в отношении к физическим недостаткам; они справляются с ними тем, что не замечают их: они могут даже зайти так далеко, что с благосклонной, доброжелательной фантазией приукрашивают их, обнаруживая неожиданное соответствие между лицом, которое они хотят видеть и великолепнейшим экземпляром человеческой красоты. Не требовалось

большого дара убеждения, чтобы побудить этого старого филина заявить, что у его внуки нос как у Джуно Людовицы».

Этот нос и это лицо описываются как нечто особенно противное. Это надо отметить.

О Шумане сказано:

«Но именно его пример позволил» - тут называется герой - «Кристофу узнать, что наихудшая фальшь немецкого искусства заключается не в том, что композиторы хотят вызвать чувства, которых сами они не испытывают, а в большей степени в том, когда они выражают чувства, которые испытывают, - и которые сами по себе фальшивы. Музыка есть неумолимое зеркало души. Чем наивнее и доверчивее становится немецкий музыкант, тем больше обнаруживает он слабость немецкой души, её ненадёжную основу, её мягкую сентиментальность, недостаток искренности, её несколько коварный идеализм, её неспособность видеть и мерить самое себя, смотреть себе в лицо».

Затем следует припомнить некоторые приятные вещи из изречений мадам де Шталь:

«Они отбиваются организованно. Они берут на помощь разумные философские основания, для того, чтобы провозглашать в мире то, что наименее философично; уважение перед властью и привычку к страху, который превращает этот уважение в восхищение.»

Автор данного романа добавляет: его герой «находит это чувство» - итак, они отбиваются, преклоняются и боятся -

«...как у самых великих, так и у самых ничтожных немцев - от Вильгельма Теля, осмотрительного мелкого обывателя с натруженными мускулами, который, по выражению свободного еврея Бёрна привёл честь и страх в согласие друг с другом, пройдя мимо столба «любимого господина Гесслера» с опущенными глазами, убеждая себя, что тот, кто не видит шляпы, не является непокорным, - вплоть до почтенного семидесятилетнего профессора Вейсе, одним из наиболее уважаемых учёных города, который поспешно

уступал тротуар и отступал в придорожную канаву, если мимо проходил господин лейтенант. Кровь Кристофа закипала, когда он становился свидетелем таких маленьких доказательств рабского пресмыкательства, которые встречались повседневно. Он страдал от этого, как будто он унизил сам себя. Высокомерное поведение офицера, которого он встречал на улице и его ярко выраженная чопорность повергли его в глухую ярость; с вызовом он показывал, что не сделает ни шагу, чтобы уступить ему дорогу, и, проходя мимо, отвечал его надменному взгляду. Более, чем однажды ему приходилось платиться за это неприятностями; порой казалось, что он искал их. И всё же он был первым, кто видел опасную чрезмерность таких силовых выпадов; но в одно мгновение его здоровое чувство смущалось; постоянное принуждение, которому он подвергал сам себя, его крепкие силы, которые он накопил в себе, не отдавая их во вне, приводили его в ярость. Он был близок к тому, чтобы давать отпор всякой глупости у него было чувство, что он потеряет себя, если останется здесь, хотя бы на год. Он ненавидел грубый милитаризм, чувствуя, что тяготится им; все эти сабли, звенящие о мостовую, эти оружейные пирамиды, пушки, выставленные перед казармами, готовые к выстрелу, которые стояли, направив свои жерла против города».

Такие вещи представляют интерес с разных точек зрения. Я привожу эти вещи не для того, чтобы из каких-либо личных причин характеризовать то, или иное. Но после того, как этот роман был написан, и вызвал большую сенсацию, нашлись, само собой разумеется, люди, которые оценили его как величайшее мировое произведение искусства. Так бывает всегда. Очень мило выглядит суждение одного авторитетного австрийского критика, - об «авторитетности» я говорю в кавычках, - который пишет: «Этот роман есть важнейшее, что появилось с 1871 года, чтобы сблизить Францию и Германию».

Вы видите, сколько истины заключено в этих делах! И при этом мы имеем дело с человеком, который весьма знаменит, против внешней деятельности которого теперь, в военное время, само собой разумеется, не должно быть ни малейших возражений. Однако то, что стоит в этом романе, можно использовать на периферии в качестве лозунгов, в качестве передовиц; ибо тем, что я зачитал вам, вы могли бы - с виноватым респектом перед периферийной писаниной - в любое время восхищаться, читая передовицы. Вещи эти была

написаны, - как выразился австрийский критик: ради сближения Франции и Германии, - задолго до войны: они помещены в роман Романа Роллана «Жан Кристоф».

Тут вы имеете пример того, как некто, исключая спиритуальное, не желая обладать им, приступая к современным отношениям, не в состоянии увидеть существенное. Ибо, что может знать о немецкой сущности человек, который так пишет об этом? Как говорить, ему вольно так писать, ибо здесь субъективные суждения автора облекаются в дурное написание романа. Но это всего лишь моё частное мнение, то, что роман - один из наихудших; некоторыми он считается лучшим, что вы уже видели из суждения венского критика. Даже в международной критике он расценивается как один из лучших. Если не стоят на той, сегодня в некотором отношении несколько несправедливой точке зрения, что хвалимое критикой должно быть греховным, можно даже чувствовать уважение по отношению к тому, что рассматривается современной критикой как величайшее достижение времени. Но в культурно-историческом смысле именно в таких вещах мы видим, как человеку современности невозможно подступиться к тому, что как задачу ставит перед человечеством пятая послеатлантическая эпоха. Поэтому и должна исполняться карма. Но наша задача состоит в том, чтобы непредвзято размышлять над этими вещами. Мы, прежде всего, должны не принимать без критики и обсуждения то, что говорят в материалистическом мире, но пытаться прийти к собственному суждению на эти темы.

То, что я зачитал вам, было написано много лет тому назад, и в последнее время в прессе Антанты могло чудесно послужить в качестве лозунгов для передовиц. Имеется целая тенденция в направлении этой страшно антинемецкой книги, но это неважно, так как каждую точку зрения можно понять. Однако значило бы странным образом исказить суждение, если книгу, написанную сколько-то лет назад, оценивают так, будто бы она только что появилась, хотя последний том действительно появился недавно. Получаешь своеобразный опыт от того, что, например, всё снова цитируют высказывание якобы Ницше, Трейчке и других. У Трейчке вы вообще стали бы напрасно искать эти высказывания, у Ницше они имеют совершенно противоположное значение, нежели то, которое придается им в прессе Антанты.

Когда я был дружен с издателем Ницше и кое-что обсуждал с ним, один человек, который перевел всего Ницше на французский язык, по четным дням писал из Парижа письма этому издателю; тогда он считал Ницше прямо-таки богом. Сегодня же он грубо ругается по его поводу. Удивительный опыт получаешь с подобными вещами. Было бы напрасно искать у Ницше или Трейчке приведенное в той книге, если не вырывать такие вещи из контекста; их даже не только пришлось бы вырвать из контекста, но, - как это теперь делают, - вырвать середину, то есть процитировать начало фразы, выпустить середину, и снова процитировать конец. Названных писателей можно цитировать только в том случае, если делают так.

Но Ромена Ролана можно цитировать. Я зачитал вам на пробу только небольшие отрывки из его романа. Вы не должны судить о нём только по этим пробам, которые могут быть умножены бесчисленными другими. Особенным образом могли бы вы вынести суждение о романе в соответствии с тем, что высказано в конце, где вы можете увидеть, что весь роман проникнут тем духом, который обнаруживается в указанных цитатах. Дело тут не в том, чтобы осуждать эту личность; но необходимо со всей остротой указать на то, что как яд по каплям вливается в нашу современную жизнь.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ Дорнах, 6 января 1917г.

В последних рассматриваниях я повторно указывал на то, что именно в связи с устремлениями антропософски ориентированной духовной науки надо знать о том, что для сегодняшнего рассматривания мира, и вообще для сегодняшнего мировоззрения необходимы иные, более широкие горизонты, нежели те, что доступны человечеству в материалистическую эпоху, характеризованную нами с разных точек зрения. Более широкие горизонты - это значит, что человек хочет и должен понять сегодня мир, особенно мир человеческих событий, находя себе прибежище в понятиях, происходящих из духовной науки. Со всей кармой нашего времени связано то, что большая часть человечества

до сих пор отклоняет такие более широкие понятийные горизонты во всех областях жизни и познания.

Если мы хотим с этой точки зрения особым образом характеризовать подосновы одной стороны нашей жизни, то можно сказать, что люди 19 и 20 столетий, насколько продлилось оно до сих пор, переросли объективное развитие, выросли «выше головы». События времени самым интенсивным образом указывают на это «перерастание выше головы», на чрезмерность. К ярко выраженным событиям материалистической эпохи относится материалистический прогресс, поступательное движение по отношению к тому, что, так сказать, было инсценировано в мире посредством материальных средств. Наука материалистической эпохи тоже служит этому материалистическому прогрессу. Особо характерным для этой науки является то, что она развивает всё меньше и меньше интереса к духовному миру, что она всё больше и больше хочет быть некой суммой понятий и идей, которые применимы во внешних материальных событиях.

Этот ход развития особенно выражен в наиболее внешних материальных событиях; в событиях на механическом уровне. То, что мы можем назвать промышленностью, индустрией, машиностроением, в эту материалистическую эпоху достигло большого совершенства. И вполне естественным образом успех в этой области не несёт национального характера, этот всемирный прогресс не имеет национального характера, он, можно сказать, интернационален. Ибо, строится ли железная дорога, или тому подобные объекты в Англии, в России, в Китае или Японии, законы, по которым это происходит, познания, которые при этом требуются, повсюду те же самые, поскольку всё это осуществляется лишь с механической, эмансипированной от человека точки зрения; так что на самом деле в этой области захватывает место интернациональный принцип, причём самым широчайшим образом. В ходе наших духовнонаучных рассматриваний по отношению к той или иной точке зрения часто говорилось: для того, чтобы это произошло, мы имеем на Земле в некотором смысле тело, некое тело, простирающееся по всей Земле. Это тело нуждается в душе, и эта душа точно так же должна быть интернациональной. В качестве такой души надо рассматривать духовную науку, поскольку эта наука на самом деле, как это и должно быть, является познанием, которое не связано с каким-либо групповым или индивидуальным началом на Земле, познанием, которое предоставляет возможность быть понятным каждому, где бы

он ни был, быть понятным так, как может быть понятно им материальное начало во внешней материальной культуре: строительство железной дороги, локомотива или чего-то подобного. Часто отмечалось, что благословение, исцеление для человеческого развития может наступить только тогда, если развитие вещественного, телесного начала будет в указанном смысле дополнено развитием душевно-духовного начала. Однако для этого было бы необходимо, чтобы люди ради понимания духовных закономерностей прилагали столько же усилий, сколько приходится им прилагать по принуждению внешних обстоятельств, - которым они подчиняются охотнее, нежели тому, где им предоставлена свобода, - приходится прилагать ради понимания потребностей материального прогресса. До сих пор этого не происходило, но, само собой разумеется, должно произойти в ходе человеческого развития; пусть даже это ещё долго будет происходить в замедленном темпе, но это всё же должно будет произойти. Пусть даже выявится ещё много неблагоприятной кармы вследствие того, что люди не хотят решаться на нечто подобное, это всё же должно произойти. Ибо то, что должно произойти, произойдёт.

Из-за того, что материальный успех в некотором смысле обгоняет добрую волю к духовному познанию, от внимания людей ускользает всё, проистекающее из этого успеха, прогресса в отношении страстей, душевных импульсов. Это наиболее наглядно обнаруживается внешне посредством того, что приоритет приобретают не те идеи, которые нацелены на гармоническую социальную жизнь людей на Земле; нет, происходит эскалация таких идей, которые раздробляют человечество и ведут назад в те культурные эпохи, о которых можно было бы думать как о давно преодоленных. То, что в 19 веке среди живущих друг с другом национальностей национализм сможет расцвести так, так он расцвёл, является мощной, сильной аномалией; она обнаруживает, что люди в своём душевном развитии не поспевают за материальным развитием.

Если люди будут принимать духовную науку в более широком диапазоне, эта духовная наука станет не только теорией, но наполнением общего душевного начала; тогда она по необходимости должна будет получить иные понятия. И вследствие таких иных понятий она сможет обозреть связи, которые совершенно не в состоянии обозреть материалистическое мышление современности. Некоторые взаимосвязи можно обозреть только в том случае, если для

этого имеют правильные идеи. Но идеи должны прорасти столь же живо, как и нечто другое, а значит, вы должны иметь почву, на которой они могли бы расцвести. Однако почвой, на которой могли бы расцвести эти идеи, может быть только такой образ мыслей души, который подготавливается духовной наукой. Если же материалистическое развитие продлится и дальше так, как происходило оно в ходе 19 столетия, люди станут в отношении идей всё более нищими. Выражаясь тривиально: людям не придёт в голову, что надо понимать мир. Они будут указывать на то, что всё, что они думают о мире, может быть побуждено только лишь экспериментом, проведённым перед их глазами. Эта заикленность на эксперименте в новое время есть результат идейной нищеты. Это случается, когда развитие продвигается так, что человечество становится всё более нищим относительно идей. Тут необходима известная интенсивность духовной жизни, ибо человек должен развить духовные импульсы до известной степени силы; если эти импульсы не притекают к нему из материала идей, он должен взять эти импульсы из иного места.

Если вы хотите отыскать период, когда эти идеи были ключом, когда возрастали настоящие идеи, то таким особо характерным, плодотворным периодом явится тот, который охватывает время от Лессинга до немецкой романтики, до Новалиса, и даже далее, до идеалистической философии, к которой помимо Гегеля, а также Шеллинга и даже Шопенгауэра мы можем причислить тех, кого я привёл в моей книге «О загадке человека» как существующих в материалистическую эпоху философов уходящего мира. Истинное богатство идей существует тут. Отсюда и большое пренебрежение, которое проявляют по отношению именно к этому периоду современности! Но вы только посмотрите на этот период, столь богатый и плодотворный относительно идей, исходящих из намерения понять природу и историческое развитие человека! Я хочу всего лишь напомнить о том, насколько близко подходит к тому, что сегодня мы можем извлечь из духовного мира о человеческой эволюции через различные послеатлантические эпохи с их характерными импульсами - что уместно лишь для нашей сегодняшней эпохи, - насколько близко подходит к этому та плодотворная идея, которая выступала у Шеллинга, Гегеля, Новалиса, у Франца Баадера, и которая в качестве своего первоисточка имела Якоба Бёме; что человеческая эволюция на отрезке времени, который можно обозреть без средств

духовной науки, проделала ту первую эпоху, в которую в некотором смысле господствовал принцип Бога-Отца, эпоху, которая характеризуется как Ветхий Заветом в Библии, так и языческими религиями. Те, кого я привёл выше, называли её эпохой Отца. Она завершилась эпохой Сына, в которую в человечестве должна была прижиться идея Мистерии Голгофы. А в качестве идеала для будущего они рассматривали эпоху Духа, Святого Духа, которую они также называли эпохой Иоанна. Они полагали, что только тогда смогут осуществиться великие импульсы Евангелия от Иоанна.

Сколь бесконечно значительной является такая идея в сравнении с нищей, бесплодной болтовнёй об общей эволюции человечества, которая является всего лишь абстрактной идеей, которая присоединяет последующее к прошедшему как очередное звено цепи. Как бесконечно глубоко то, что, примыкая к Якобу Бёме, развил Шеллинг в своей «Теософии»! Эта «Теософия» Шеллинга восходит на высоты, в сравнении с которыми мысли позднейшей теологии представляли собой глубокий упадок. Шеллинг пришёл к убеждению, что в христианстве дело не в учении, как это представляла себе новейшая прогрессивная теология, - как будто бы Христос Иисус был всего лишь учителем, - нет, дело в том, что Мистерия Голгофы должна рассматриваться, прежде всего, как некий факт, что следует поднимать свой взор к тому, что произошло, смотреть вверх на факт, совершившийся благодаря жизни, стремлениям и Воскресению Христа Иисуса.

Так можно изучать всю сумму превосходных, широкомасштабных идей этого периода. Но с чем же связано это существование таких широкомасштабных идей? У тех, кто выступал с подобными идеями вы не найдёте одного: национальной ограниченности. Вы повсюду найдёте то, что тогда в тех кругах называли космополитической позицией - другой вопрос в том, насколько понимают это слово теперь, после того, как столь многие слова стали всего лишь фразой. Насколько далёким от всякой национальной ограниченности был, например, такой мыслитель, как Гёте. Насколько далека от любой национальной ограниченности такая поэма, как «Фауст»! Дело тут не в первоначальном её источнике. Само собой разумеется, что «Фауста» можно представлять себе лишь как произошедшего из средневропейской культуры, однако по отношению к тому, чем стал «Фауст» в поэме Гёте, было бы несомненным абсурдом запрашивать метрическое

свидетельство Фауста. Однако этот абсурд стал в наше время реальностью, стал фактом. В сущности всё, что происходит в современности, является явным отрицанием того, до чего, например, возвысилось человечество благодаря поэме о Фаусте. Но отсюда мы видим, что в человечестве наличествуют все задатки к тому, чтобы продвинуться дальше, чем оно есть сегодня, и, тем более, чем оно будет в ближайшее время.

Однако я говорил о том, что человеческая душа нуждается в некоторой интенсивности своих импульсов. Если она не в состоянии подняться к идеям, то она обретает эту интенсивность в ином месте; она берёт её в темных, подсознательных силах души, из того, что, поднимаясь, пульсирует из духа крови. По существу национализм является ничем иным, как результатом безыдейности. Первое, в чём нуждается человечество, - это воля подняться к идеям. Но можно сказать: это относится к достижению только что указанного понимания того, что по отношению к духовному миру можно назвать благодатью, милостью. Ибо духовный мир не позволяет достигать себя, если человек исходит из определённой узко ограниченной суммы предубеждений: нет, он позволяет достигнуть себя лишь тогда, когда человек оставляет душу открытой для того, что должно внедриться в неё, если человек хочет не только судить, но ежедневно обогащать свою способность к суждению.

И, прежде всего, необходимо достичь понимания, познания людей. Мы находимся в периоде, когда надо обрести душу сознательную. Этот период должен стремиться к пониманию. Однако понимание может быть достигнуто только в идеях, охватывающих весь мир, может быть достигнуто только при пронизании всей действительности идеями. Именно в отношении самых ближайших событий наше время совершенно неспособно воспринимать идеи. Абстрактные понятия, будучи логичными, будучи просветляющими, не являются идеями. Идея должна быть порождена живой действительностью. В наше время мы видим, что идеи еле-еле возникают, и тем более находим мы стремление к абстрактным понятиям. Идеи, несомненно, могут становиться даже лозунгами, но в этом случае они не приносят особого вреда, поскольку человеческие души не особенно хорошо приводятся в действие лозунгами, если последние являются коррелятом идей; абсурдность выступает слишком явно. Не так обстоит дело с

абстрактными понятиями. Абстрактные понятия могут становиться лозунгами с большей интенсивностью; они столь убедительны, поскольку они, в сущности, указывают на самое ближайшее, так что жадно схватываются людьми, которым противна дальновидность. Однако абстрактные понятия не базируются на действительности. Хотя мы и видим сегодня повсюду большое число абстрактных понятий, но для того, кто прозревает действительность, они выявляют свою всё большую беспомощность.

Давайте возьмём какую-либо из многих абстрактных идей, которые господствуют сегодня. Такой абстрактной идеей является, например, идея вечного мира. Так, как её используют сегодня, она является абстрактной идеей, которая не охватывает реальность жизненно, но всё же представляется чем-то само собой разумеющимся для тех людей, которые не хотят иметь дело с более широкими горизонтами. Говорится: различные государства, - при этом не думают, однако, насколько это слово - «различные государства» вообще представляет собой реальность, - образуют межгосударственную организацию, нечто, распространённое по всему миру и построенное по образцу отдельных государств; она должно, как говорят, санкционировать «международное право». Идея прекрасная, и потому очевидна для каждого. Различные государства должны быть обязаны сохранять мир, должны основывать свои обоюдные интересы на известных правовых нормах. Всё весьма прекрасно! Но несомненно, что было прекрасно также и то, если бы мы, чтобы иметь тёплую комнату, не нуждались бы в отоплении, но довольствовались развитием абстрактного понятия теплоты. В случае какой-либо идеи речь идёт не о том, прекрасна она, или нет, убедительна она, или нет; ибо что может быть убедительнее мысли, что наша потребность в печах или чём-то подобном означает страшную деспотию со стороны природы!

Дело не в том, соответствует ли идея чувству, которое люди выражают такими словами, как: это прекрасная, гуманная идея, - или говорят иначе; нет, дело в том, выросла ли эта идея из действительности. Если бы стали исходить из идей, выросших из действительности, то в любом случае пришлось бы, прежде всего, изучать саму эту действительность. Любой узкоголовый, - простите меня за такое выражение, - может предлагать прекрасные программы, о том, что в будущем должны будут делать государства, чтобы установить мир, - но он не может придти

к идеям, соответствующим действительности, рождённым из действительности. По отношению к духовному миру отсутствует чувство, что он представляет собой действительность со своими законами, чувство, которое, само собой разумеется, имелось по отношению к материальному миру; но полагали, что можно парой фраз упорядочить весь мир, не чувствуя при этом, что мир есть реальность, в которой обоюдно контрастируют чисто реальные импульсы. Однако вследствие того, что опьянялись программами, состоящими из абстрактных идей, мир удерживался от того, чтобы понять действительность.

Порой плодотворная, действенная идея на словах звучит совершенно одинаково с жизненной идеей: речь тут только о том, что понимать под жизненностью. Сегодня, однако, дело обстоит так, что жизненность зачастую кажется людям чем-то в высшей степени парадоксальным. Так в ходе 19 столетия и 20 столетия в разных местах мира приходили к так называемой идее разоружения, к идее по ограничению милитаризации. Это прекрасная идея, но она не должна оставаться абстрактной, если ей суждено быть плодотворной! Она должна считаться с действительностью. Но для этого надо изучать самую действительность. Собраться где-то и определить: государства должны разоружаться, - это можно; это очевидная идея. Но или все они не будут этого делать, или отдельные из них не будут этого делать; но даже если бы и все они делали это, они вскоре снова начнут вооружаться, если дело не исходит из действительно плодоносных импульсов. Но как только сегодня указывают на плодоносный импульс, подвергают опасности, что сказанное покажется большинству людей страшной глупостью, ибо именно наиболее разумное сегодня считают самым глупым. - Под «разумным» я имею в виду в этой связи то, что соответствует действительности.

Я говорил: конечно, мысль о разоружении, мысль о постепенном уменьшении милитаризации есть прекрасная мысль. Но она никогда не сможет осуществиться в результате решения, принятого в каком-либо комитете государств. Она может стать реальностью лишь тогда, если станет соответствовать какой-либо реальности. Что это значит? Как можно прийти к разоружению? Тут необходимо говорить очень конкретно. В самые разные времена в 19 веке имелись возможности приблизиться к мысли о разоружении, сделать её действенной идеей. Как, например?

Скажем, кто-либо имел такую идею перед 1870 годом (*начало франко-прусской войны - примеч. перев.*). Как можно было бы реализовать её? Именно перед 1870 годом можно было бы сделать шаг в сторону мысли о разоружении, который был бы весьма плодотворным для человечества. Теперь, однако, речь пойдёт о том, что в настоящее время, несомненно, должны были бы расценить как нечто наиболее глупое: никогда не удалось бы подступиться к мысли о разоружении при посредстве союза государств! Это настолько же неплодотворно, насколько прекрасно. Плодотворным могло бы стать, если бы одно государство, именно то, которое это могло, начало бы разоружаться, если бы оно могло осуществить это разоружение. Но при этом надо быть в состоянии считаться с действительностью.

Возьмём пару государств Европы только для того, чтобы выявить действительное. Может ли разоружаться Россия? Очевидно, нет, без дальнейших последствий, ибо за ней находится Азия; если бы Россия разоружилась, она никогда не смогла бы иметь заслона против агрессивных народностей Азии, которые наверняка не стали бы разоружаться; итак, об этом не может быть и речи. А то, что существовало тогда в Средней Европе - Германской Империи ведь ещё не было до 1870 года, - могло ли оно разоружаться? Оно, по крайней мере, на Востоке, граничило с государством, которое не могло разоружаться; следовательно, и оно не могло разоружаться, это было исключено. - Но одно государство могло бы разоружаться; оно подало бы прекрасный пример, вследствие которого в новое время в существенном могло бы реализоваться то, о чём это государство всегда трубило по миру - это Франция. Перед 1870 годом Франция могла бы благополучно разоружаться, вследствие чего война 1870 года никогда бы не состоялась. И с той поры Франция в отношении европейских обстоятельств - но не колониальных дел - во всякое время была в состоянии приступить к разоружению. Тогда было бы положено начало, и это дело могло бы продвигаться по направлению к Востоку.

Конечно, каждый, кто думает абстрактно, возразит: ведь Франция должна была бы подвергнуться опасности нападения со стороны Германии? Она никогда не подверглась бы такой опасности; ибо причина, из-за которой одна страна попадает в войну, всегда состоит лишь в том, что она может вести войну, то есть, она милитаризована. Страна может вести войну: но, ни одна страна, если она не милитаризована, не подвергнется нападению при

обстоятельствах, когда соседние страны не имеют ни малейшего интереса нападать на эту страну. Само собой разумеется, что, например, Швейцария никогда не была бы в состоянии развивать милитаризм. Итак, не следует одно переносить на другое. Не следует абстрактно возражать, что Германия при всех обстоятельствах хотела бы обладать Эльзасом и Лотарингией. Это бессмыслица. Почему она должна была бы хотеть при любых обстоятельствах обладать Эльзасом и Лотарингией? Обладать Эльзасом и Лотарингией, поскольку в Эльзасе живут немцы, ещё Бисмарк называл досадной и безумной профессорской идеей фикс! - Речь всегда шла о создании военной безопасности; ибо поскольку Франция имеет вооруженные силы и владеет Эльзасом, из Франции можно попасть в Штутгарт быстрее, чем из Берлина. Не было никакой иной причины присоединять Эльзас к Германской Империи, как только эта: иметь военную защиту в направлении Запада. Это сначала кажется совершенно парадоксальной идеей, но сегодня реальности для нашего абстрактного мышления, - этого близнеца материализма, - таковы, что кажутся парадоксом.

Если вы представите себе, что Франция уже перед 1870 годом приступила бы к разоружению, вы придёте к понятию о том, что могло бы быть предотвращено всё, если бы тогда мыслили в соответствии с действительностью; по отношению к такой идее могло бы весьма распространиться мышление, соответствующее действительности. Конечно, идеи соответствующие действительности не всегда осуществляются по той простой причине, поскольку им противостоят другие импульсы. Но это не говорит против действительности. Если цветок растёт в соответствии с законами своей действительности, то это и есть его истинные законы, по которым он растёт; если же по нему проедет колесо машины, он не будет развиваться. В нашем мышлении должно существовать нечто соответствующее действительности; доказательством недействительности идеи не является то, что эта идея в какую-либо эпоху не осуществилась.

Это касается насыщения идеи действительностью. Не имеет смысла обладать прекрасной идеей какой-либо машины, не владея познаниями в механике и не умея конструировать машины; также нет никакого смысла и в том, чтобы предлагать государственные или тому подобные идеи, если человек не в состоянии увидеть реальные импульсы, которые в данном случае можно получить только

посредством духовного начала, посредством духовного мира. Итак, мы, прежде всего, имеем первое, на что мы должны обратить внимание: насыщение идеи действительностью.

Вторым является широта горизонта, воля к обозрению более обширного горизонта. В последний раз я зачитывал вам некоторые рассуждения о немецкой сущности, рассуждения одного знаменитого человека из одного объёмного романа, который вызвал большую сенсацию. Но все эти рассуждения проистекают из узкого горизонта, происходят из образа мыслей, который не желает видеть дальше, чем на пару вершков от своего собственного носа. Однако жить с таким узким горизонтом - значит создавать дисгармонию в мире. Тогда можно распространять прекрасные идеи о мирном сосуществовании народов, - если подумать над этим, придёшь к выводу, что эти прекрасные идеи есть ничто, и действуют в высшей степени разрушительно; ибо то, что человек думает в действительности, развивает прямо противоположное тому, что он говорит своими прекрасными идеями. Подступаться к действительности, - вот в чём тут дело. Действительность, которую мы имеем до сих пор перед нами, есть то, что по небрежности в словоупотреблении называют современной войной. Ибо в действительности это больше не война; это можно известным образом лишь сравнить с теми событиями, которые в прошлом обозначали как войну. Само собой разумеется, существуют самые разные импульсы, из которых развилась эта война, но и здесь тоже необходимо придти к понятиям соответствующим действительности, если мы хотим достичь понимания.

Сегодня мир переживает время, которое он должен использовать, чтобы придти к идеям соответствующим действительности, показав тем самым, что в последнее время оказалось забытым всё происходившее в истории человечества перед наступлением этих трагических событий современности. Само собой разумеется, при наличии таких событий было бы проявлением мелочности говорить о всевозможных ужасах, мерзостях и тому подобном. В соответствие с опытом, который можно было получить в истории человечества, это нечто само собой разумеющееся. Не следует оглушать себя этим по отношению к более глубоким вещам, которые имеются в наличии, и познание которых единственно может привести человека в плодотворное состояние.

Позвольте сегодня обнародовать то, что, возможно, известно каждому, кто внешним образом охватывает связи на физическом плане, или выступает в ещё более ярком свете, будучи проникнут идеями, которые мы получили из цикла о Народных Душах (том 121). К всевозможным причинам, приведшим к этим болезненным событиям, относятся и вещи, которые могли бы стать всё яснее и яснее даже для внешнего мира, но только при желании действительно расширить горизонт. От населенной суши Земли Британская Империя обладает одной четвертью; Британская Империя вместе с Францией и Россией - половиной. При создании коалиции между Россией, Францией, Британской Империей и Америкой, она охватывала бы примерно три четверти населенной Земли; оставалась бы еще одна четверть. Сами по себе эти числа уже должны сказать многое тому, кто видит действительность. И всё же мы рассмотрим ту четверть Земли, которая объединена как британская мировая Империя.

Тут мы, прежде всего, имеем три относительно маленькие области: Англию, Шотландию и Ирландию. Говоря об Англии, Шотландии и Ирландии как таковых сегодня, вообще не имеют в виду то, чем является Британская Империя. В гораздо большей степени, говоря об Англии, Шотландии и Ирландии, имеют дело с теми из областей мира, которые породили великого Шекспира, несравненного мыслителя, откуда в более ранние времена произошли великие государственные мужи. Касаются лишь хорошего. Прикасаются к тому, что в высшей мере предназначено играть роль в пятой послеатлантической эпохе. Однако того, чем является сегодня Британская Империя, не касаются, ибо эта Британская Империя сегодня представляет собой три островные области, включенные в Европу, и то, что в самом широком охвате может быть названо их колониями. В ближайшее время, в особенности, всё развитие этой Британской Империи происходило под влиянием импульса, определяемого посредством отношений митрополии к колониям. Можно исследовать, как в ближайшее время пытались соответственным образом установить эти отношения между митрополией и колониями.

То, к чему стремилась Британская Империя, состояло в удержании тесной связи между митрополией и колониями. И когда я говорил вам о применении оккультных сил, это применение состояло в том, что такие силы использовались ради достижения этой цели. Если человек допускает

действие этих оккультных сил в их собственной области, они никогда не станут вредными. Но если стремятся к чему-то эгоистическому, будь то для отдельного человека, будь то для группы, эти силы могут действовать лишь вредным образом. Было нелегко установить эти отношения между митрополией и колониями. Тот, кто верит сегодня, что можно установить мир во всём мире используя программы международных организаций, тот, конечно, не имеет понятия о том, как надо обращаться с действительностью, если необходимо осуществить нечто подобное тому, как: британскую митрополию сплавить, накрепко соединить с колониями в единое целое, желанное для Британской Империи. В основе такого стремления лежит то, что там называют империализмом. Это то, чего всегда добивались в самое ближайшее время; добивались, исходя из целиком и полностью материальных импульсов. С известной точки зрения находили, что все средства хороши, если они будут служить этой идее. Британская Империя должна была придти к тому, чтобы достичь тесных взаимоотношений с колониями. Для этого требовался импульс, который бы так излучался в человеческие сердца, чтобы они пошли на то, с чем они в ином случае не соглашались. С этим связано то, что Европа должна была вести войну для того, чтобы из настроений этой войны извлечь импульс, необходимый для Британской Империи, чтобы объединить её колонии с митрополией. Для изучения процессов на физическом плане не просто интересно, но и в высшей степени значительно изучать, как все абстрактные рассуждения заблуждались относительно того, что я только что сказал.

Прочтите литературу, написанную «умными» людьми, - умными в том смысле, как я часто употребляю это слово, - особенно написанное при приближении этой войны. Все они рассчитывали: если придёт война, она пойдёт на убыль, она прекратится, она прекратится. Ничего такого не произошло; наступило прямо противоположное этому. Мысля в соответствие с действительностью, должны были бы сказать: если Британская Империя хочет сблизиться со своими колониями, если она хочет создать импульсы, подходящие для того, чтобы объединить колонии с митрополией, тогда она нуждается в войне, тогда эта война становится средством для достижения высшей так называемой государственной цели. А всюду, где так думают, цель оправдывает средства.

Теперь наступил тот момент времени, когда люди особенным образом наталкиваются на этот факт. Если мы

рассмотрим эволюцию Британской Империи, то нам будет надо, - я говорю о современности, - всегда принимать к сведению наличие двух потоков, которые значительны: первый носит более или менее пуританский характер, - это обозначение несколько одностороннее, но правильное, - он проявляется в том, что является отличительным качеством британской народности. Пуританское течение, доходя до начала девятнадцатых годов 19 столетия, господствовало в британской политике. В девятнадцатых годах произошло изменение; тогда империалистическое течение стало больше и значительнее пуританского течения.

На подходе империализма имелся хороший инстинкт. Достоинство внимания, насколько хорош был этот инстинкт. Я хочу обратить ваше внимание на один курьёзное явление, поскольку оно наглядно показывает связь этих вещей. Когда мы, примерно перед основанием Немецкой секции Теософского Общества, были в Лондоне, миссис Безант ещё долго не была той, кем она стала позднее. Она всегда становилась той, которой должна была быть вследствие влияния, под которым она находилась. Она была исключительно популярной в том кругу, который тогда в Лондоне называли теософами. Она имела разные стороны. Тогда, - это происходило в начале столетия, она прочла лекцию о теософии и империализме. Империалистический инстинкт развивался там очень быстро. Миссис Безант выступала, в сущности, против империализма, и можно было видеть: с этих пор её популярность совсем упала в Лондоне, упала даже среди тех, кто тогда был теософом. Несколько личных друзей ещё оставалось у неё, но популярность упала, так как она отважилась сказать нечто против империализма. В таких делах обнаруживаются силы, которые, в случае, когда их проникают, ведут человека к познанию крупных связей.

Вплоть до совсем недавнего времени нечто пуританское ещё действовало в Англии. Даже у ведущих паяцов, марионеток, политиков, - даже в этих марионетках - в *Асквифе в Грее* - было нечто пуританское. Это должно было исчезнуть, ради осуществления импульсов, о которых я говорил; а то, что пришло после носило всецело марионеточный характер. Но всё пуританское исчезло. С одной стороны мы видим нечто негативное: циничное отклонение мыслей о мире с лицемерной мотивировкой, что эти мысли отклоняют потому, что хотят мира. Однако сегодня можно безнаказанно говорить глупейшие вещи, без

того, чтобы в дальнейшем за них пришлось поплатиться. Позитивным было событие возможно мыслимой важности: созыв министров колоний, что относится к первому действию того человека, который оригинально-негативным образом смог взойти на первый пост в мире. Сейчас об этом уже говорят в обществе. Но общественность лишь впервые натолкнулась своим носом на то, что уже с давних пор должно было быть ясно для того, кто живёт в настоящих идеях. Человек не может разобраться в действительности, если не имеет склонности воспринимать настоящие идеи. Только тогда сможет он смотреть на внешний мир таким образом: человек видит нечто и считает это незначительным; он видит это ещё раз и ещё раз, и всё же не считает важным; в четвертый, в пятый раз он уже считает это важным, ибо это - значительный симптом, указывающий на предстоящие события. Не всё имеет одинаковую важность, но для того, что важно, надо иметь некое чутьё, чувство, обладать которым можно только, получая в душе импульсы, даваемые только на духовнонаучной основе.

Впрочем, мне на днях попалась очень интересная статья весьма популярного британского писателя, который теперь является журналистом, служит в армии, и по всему написанному им, обнаруживает, что как он связан с этими плетущимися нитями. То, что он кратко описал в «Лондонском журнале», довольно значительно. Мне это, как говорится, передали случайно. Но случайности в этом нет. Интересно то, что этот военный писатель, который, как говорят, связан с нитями, управляющими событиями, пишет о нынешнем положении:

«Английский народ всегда имел волю к завоеваниям (the will to conquer) и имеет её даже сейчас. Благодаря это высокому пониманию мы будем вести войну до конца. Мысль о нашей непоколебимой решимости победить есть самое благородное из того, что мы можем оставить нашим потомкам, сынам и дочерям Англии и её славным необозримым областям... При заключении мира мы будем иметь в своих руках миллионы квадратных миль немецких колониальных областей. Мы будем тогда иметь в распоряжении миллионы мужчин, участвующих в войне. Наше превосходство на море будет больше, чем когда-либо. Мы предоставим миру неопровержимые доказательства того, что наша мировая Империя едина и неделима, что наш дух неукротим, и что военные качества нашей страны достойны

нашего славного прошлого. В настоящее время на Англию в никогда ранее невиданном масштабе налагается моральная и материальная печать власти. Как будем мы вести себя при заключении мира? Объединив армию, флот, вспомогательные средства, мы будем первой военной силой в мире».

Как-то странно воздействует то, когда предлагают проникновенно верить в необходимость борьбы с «милитаризмом», но в качестве высшего идеала предлагают стать первой военной силой в мире!

«Нас должны признать хребтом Антанты».

Это нечто, что следовало бы прочитать во Франции.

«Нам предназначена ведущая роль в Антанте, и водительство в Европе принадлежит нам по праву».

Тут он присваивает себе слова Киплинга, которые гласят: «Мы имеем людей, суда и деньги».

«Парламент должен сейчас на годы вперед выдвинуть на первое место потребности военной машины и затем продлевать это положение в течение неопределенного времени».

В таких делах высказываются импульсы, инстинкты, связанные с нитями, которые манипулируют всем. Эти дела надо рассматривать со всей объективностью, избегая партийного подхода в том смысле, когда вполне добропорядочные, но недалёковидные патриоты встают на сторону партии. Почему же нельзя увидеть эти вещи? Они являются объективными фактами! Ибо то, что живёт в импульсах человечества, является объективными фактами, которые и порождают исторические события.

Насколько далеко должны мы отстоять от партийного подхода к тому или иному, настолько важным является, когда мы говорим в лекциях о том, что пытаемся говорить об этих вещах со всей объективностью. И вы увидите, что как скоро о вещах говорят с полной объективностью, сами факты предоставляют доказательства.

Нельзя достичь понимания мира, если нет воли к тому, чтобы входить в факты. Ведь эта так называемая ответная

нота Антанты, этот «рождественский подарок» для Земли - да, мои дорогие друзья, в тексте, составленном так, едва ли можно найти обзор исторического развития, общие выводы, обоснованные в соответствие с его композицией. Можно сказать: то, что написано здесь, то, что будет иметь тягчайшие последствия, лучше всего читать так, если разбирать по каждой фразе в отдельности. Тогда станет ясно: дело вообще не в том, что здесь написано! - Дело в том, что за этим стоит характеризованное мною, стоит то, чего хотят. Само собой разумеется, будут соблюдать то, что сказано в ноте. Но если спросить: достигнуто ли это путём переговоров? - то следовало бы, конечно, ответить: «нет». Само собой разумеется, что это было бы недостижимо путём мирных переговоров. Это было бы достижимо лишь тогда, когда были бы созданы гарантии, а гарантии заложены в господстве; гарантии состоят в том, что тот, кто хочет иметь эти гарантии, должен один определять все, тогда как все другие больше не определяют; это достигается лишь соотношением сил. Но достичь этого ещё долгое время не удастся. Однако предаваться иллюзиям о том, что к этому надо стремиться, было бы поистине безответственно по отношению к тому, что человек должен иметь как чувство истины.

Никто не может предполагать, что сказанное мною направлено против британского народа, ибо я хотел провести различие между этим британским народом и теми, кого я называю тривиальным выражением «закулисных заправил», теми, кто стоит за происходящим, как это уже было достаточным образом характеризовано. Также нет необходимости в том, чтобы идентифицировать себя с такими импульсами, несмотря на то, что в мою задачу, разумеется, не входит удерживать каждого от идентификации с такими импульсами. Он только должен говорить правду, а не говорить, что он идентифицируется с идеалом права малых наций на самоопределение, и тому подобным; нет, ему должно быть ясно, что его воля направлена на то, чтобы завладеть миром, господствовать над миром. Тогда человек поймёт себя в своей истине, а это то, в чём тут дело. Мы пойдём дальше, если люди будут правдивы. Если они скажут то, что есть на самом деле, тогда мы пойдём дальше. Пусть то, что истинно, - плохо, мы с ним продвинемся дальше, чем с неистинным. Вот то, что мы должны особым образом записать в своих сердцах: тем самым мы продвинемся дальше, чем с неистинным, неправдивым.

Конечно, было бы глупо считать, что посредством всевозможных добрых уговоров или всяких предложений можно удержать какую-либо мировую державу от того, чтобы она преследовала свои цели. Конечно, было бы глупо морализировать и прилагать всевозможные моральные мерки. Именно потому я читал вам лекцию об истории опиумных войн, чтобы вы отказались от приложения этих моральных мерок. Но дело в том, чтобы говорить правду, говорить истину. Для мира было бы гораздо лучше, - даже если не для тех, кто рассматривались как закулисные заправилы, - если бы сухо и цинично сказали: этого хотят.

Пусть же в этой специальной области появится то, что должно быть путеводной нитью и целью для нас: «Мудрость заложена только в истине».

ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дорнах, 7 января 1917

Именно нынешние рассмотрения событий времени позволяют по настоящему придти к осознанию того, чего мы можем достичь для нашей души благодаря тому, что пытаемся вжиться в духовнонаучное познание. Часто подчеркивалось, что духовнонаучное познание не остаётся теорией, оно должно оживать благодаря тому, что оно проникается свойственными для него целительными чувствами, ощущениями и иными импульсами, которые дают нашей душе известный подъем, известное настроение. Мы, будучи духовными исследователями, присоединяемся к общечеловеческим связям иначе, нежели те, кто делает это, не будучи духовнонаучным исследователем.

Мы приводили различные соображения о принадлежности человеку к той или иной народности, или, как говорят также в новое время, к той или иной нации или национальности. Существует общечеловеческое начало, то есть то, что несёт в себе каждый человек, без того, чтобы индивидуализировать, подразделять себя на ту или иную народность; оно полностью доводится до сознания посредством духовной науки, поскольку всё то, что является

главным содержанием антропософски ориентированной духовной науки, представляет ценность для каждого человека, без каких-либо групповых различий. Если человек рассматривает национальные различия, национальную дифференциацию с точки зрения духовной науки, он тоже рассматривает её иначе, нежели в случае не антропософской точки зрения, он объективно учитывает то, на чём основана эта дифференциация. Эти вещи надо рассматривать объективно.

Мы сознаём, что наша душа дифференцирована на душу ощущающую, душу рассудочную или характера и душу сознательную; эти три члена наполняются, одухотворяются, оживляются посредством «я»-начала (Ichheit). Душа ощущающая является тем, что особенно подчинено влиянию итальянской Народной Души, если силы и импульсы Народной Души воздействуют на отдельную человеческую душу. Душа рассудочная или характера особенно восприимчива в отдельном человеке в случае французской Народной Души, душа сознательная - в случае британской Народной Души; «я» - в случае средневропейской Народной Души, тогда как Самодух особо восприимчив к Народным Душам славянских народов. Если мы знаем об этом, прониклись этим, мы не должны больше соблазняться и выносить суждения так, как они часто выносятся в наше время.

Каждый, кто слышит эти вещи, до некоторой степени впадает в ярость по той причине, что он слышит: немецкий народ с точки зрения антропософски ориентированной духовной науки интерпретируется так, что его Народная Душа воздействует в «я». - Ошибка тут состоит в том, что такой человек считает это «я» чем-то более высоким, чем как если бы влиянию Народной Души подвергалась душа сознательная. Такие у него задатки! В духовной науки эти вещи рассматриваются одна наряду с другой во всей своей объективности. Народные Души имеют свои задачи, которые и состоят в этом воздействии. Но при этом воздействии Народной Души в человеческой душе мы должны всецело уяснить себе, что именно в нашу пятую послеатлантическую эпоху должно происходить определённое развитие. И в качестве первого члена этого развития должны были бы чувствовать себя те, кто имеет склонность к антропософски ориентированной духовной науке.

Посредством чего, собственно, воздействует Народная Душа на человеческую душу, нрав, характер? Если мы

рассмотрим то, что происходит в этом отношении с человечеством, каким оно является теперь, мы должны сказать: воздействие Народной Души в индивидуальной человеческой душе, прежде всего, бессознательно, оно поднимается вверх в сознание лишь частично. Человек чувствует свою принадлежность к тому или иному народу; главным образом воздействие Народной Души на индивидуальность человека осуществляется на окольном пути, связанном с материнским принципом. Материнский принцип вырастает в народную душевность (Volksseelementum). То, что человека, как физически-эфирное природное существо, в наибольшей степени вырывает из группового начала, является воздействием отцовского импульса. Я часто говорил вам на эту тему в предшествующие годы. Для христианского мировоззрения это выражено ещё в Евангелиях. Об этом тоже говорилось в прежние годы. В существенном, в соответствии с тем, как обстоят эти вещи сегодня, воздействие на человека производится, прежде всего, через кровь народа и посредством того, что в эфирном теле соответствует крови. Конечно, здесь мы имеем дело в большей или меньшей степени с животным импульсом; он остается на животном уровне для очень большой части современных людей. Человек принадлежит к определенному народу по своей крови. Какие таинственные силы и импульсы действуют в крови, было бы тяжело излагать в подробностях, поскольку эти импульсы чрезвычайно многообразны, многогранны. Но они заложены под поверхностью сознания.

Гораздо более осознано человек живёт во всём том, что живёт в нём как общечеловеческое без различия национального. Вот почему тот пафос, страсти, аффекты, сопровождающие у человека чувство его национальной принадлежности, выступают с известной стихийной силой. Человек не пытается придать цену логическим обоснованиям или суждениям, если речь идёт о том, чтобы определить или почувствовать свою принадлежность к его национальности. Кровь и сердце, которое находится под влиянием крови, соединяют человека с его национальностью, позволяют ему жить внутри национального. Импульсы, выявляющиеся здесь, бессознательны; многое достигнуто даже тем, если человек осознаёт этот бессознательный характер. Именно в этом отношении важно, если человек, подступающий к духовной науке, сам проделывает некое развитие, если он по отношению к таким вещам чувствует себя иначе, нежели

остальное человечество. Если человек, не связанный с духовной наукой спрашивает, как он связан со своей национальностью, то мы должны будем сказать: через кровь! Это единственная идея, которую они могут создать относительно принадлежности к своей национальности. Сторонник духовной науки должен постепенно подходить к тому, чтобы давать себе не этот ответ, но другой. Если он не сможет постепенно развить себя к такому другому ответу, значит, он воспринял духовную науку лишь теоретически, а не в собственном смысле практически и живо. Если тот, кто не является последователем духовной науки может дать себе только такой ответ: через мою кровь связан я с моей национальностью, благодаря крови обороняю я то, что живёт в национальном, благодаря моей крови чувствую я обязанность идентифицировать себя с моей национальностью, - последователь духовной науки даст себе другой ответ: из-за моей кармы я связан с этой национальностью, ибо она есть часть моей кармы. - Как скоро человек вводит понятие кармы, он одухотворяет все отношения такого рода. И в то время как у того, кто не является приверженцем духовной науки, относительно всего, что он делает как принадлежащий определенному народу, кровь вызывает пафос, импульсивность, тот, кто проделал духовнонаучное развитие, будет чувствовать себя связанным с тем или иным народом посредством своей кармы.

Тем самым это дело одухотворяется. Внешне может происходить то же самое, внешне человек может, если он чувствует одухотворение, делать то же самое; но внутренне вещи будут одухотворены, и он будет чувствовать совершенно иначе, нежели тот, кто чувствует свою принадлежность лишь на животном уровне.

Тут вы видите тот пункт, в котором принадлежность к духовной науке делает душу несколько другой, вносит в душу иное настроение. Одновременно вы видите, насколько далеко общее сознание эпохи идёт позади того, что могут осознать прислушивающиеся люди. Общее сознание эпохи не может понять ничего другого, как только принадлежность человека к национальности посредством крови, или посредством того, что хотя и очень мало связано с кровью, но организуется в связи с кровью, и на основе того же воззрения на кровь. Если же все эти дела рассматриваются как обстоятельства, связанные с кармой, имеет место значительно более свободное понимание этого дела. Тогда всплывают более тонкие понятия для того, кто более сознательным образом

примыкает к той или иной национальности, благодаря этому происходит перемена направления кармы.

Но поскольку мы принимаем вещи так, - будь это в несовершенной форме, в которой может их чувствовать сегодня большая часть человечества, будь то в более совершенной форме, в которой можно их почувствовать, будучи принадлежащим к духовной науке, - остается в силе то, что вследствие общих мировых условий человечество сегодня дифференцировано на группы. И ничего не может быть для нас более, как доводить до сознания то современное обстоятельство, что эта групповая дифференциация сегодня ещё существует, причём в высшей мере. При этом такая групповая дифференциация смешивается с совершенно другими отношениями и фактами, затрудняя для человеческих душ внесение ясности в вопрос: почему столь болезненное противоречие столь болезненная дисгармония наступила для человечества, как это имеет место теперь.

Короче, в том, к чему мы прикоснулись, заложено нечто трагическое; тут нельзя иметь дело с обычной логикой, с внешними поверхностными суждениями; понимаем ли мы эти вещи как связанные с кровью, или с кармой - кровь лежит внизу, а карма - поверх логического. Поэтому вследствие того, что бросается в глаза, в общественной жизни людей с необходимостью следуют конфликты, и эти конфликты надо понимать как нечто необходимое. Верить в то, что судить об этих конфликтах можно, используя те же самые понятия, которые правомерны между отдельными людьми, ведет к большим ошибкам; большая ошибка заключается в том, что сегодня в широчайшем объёме о конфликтах между народами говорят так, как будто это конфликт между людьми, как будто речь идёт о конфликте между человеческими индивидуумами. Я уже обращал внимание на это: такие понятия как право и свобода применимы по отношению к отдельным человеческим индивидуальностям: применять их в качестве программных пунктов для народов заранее означает ничего не знать об особенностях народного элемента, не иметь воли для усвоения отличительных особенностей народности.

Для тех, кто видит эти вещи, кто на основе духовного познания в состоянии замечать конкретные природные необходимости, вера, которая сегодня выявляется во многих публикациях, совершенно подобна вере акулы, которая говорит: я хочу заключить соглашение с маленькими

рыбками, которых я обычно пожираю! Ведь это бесчеловечно, негуманно – пожирать маленьких рыбок; надо с этим завязывать! Тем самым акула подписала бы себе смертный приговор, ибо в мире так уж устроено, что акулы пожирают маленьких рыбок!

Надо как можно более основательно почувствовать, что нельзя понять мир, если не видеть в реальности необходимость конфликта, который ведёт к трагическим событиям в мире. Это одновременно означает, что особенности физического мира вообще нельзя понять, если считают, что внутри физического плана может быть нечто подобное раю. Рай существует не на Земле. Непонимание с необходимостью должно господствовать у тех, кто хочет на физическом плане сделать реальностью новый Иерусалим как некую утопию, или в качестве социал-демократа хочет установить какое-либо иное удовлетворяющее всех состояние. Существует один глубинный закон, что человек, пока он живёт здесь, на физическом плане, может прийти к удовлетворительному пониманию мира только тогда, если он осознает, что есть высшие миры, что он со своей душой связан с этими высшими мирами. Только если мы знаем, что являемся гражданами высших миров, возможна удовлетворённость. Поэтому с погашением духовного сознания человечества наступило время, когда не могут больше понять, почему здесь в этом мире, так много бед, так много конфликтов. Разрешить эти конфликты можно будет лишь тогда, когда человек будет живо чувствовать себя не только в физическом, но и в духовном мире. Тогда начнут понимать: как не может человек быть всё время молодым, но должен стареть, так должно сноситься то, что построено, что одновременно сопряжено здесь с возникновением конфликтов, разрушений. Если это понимают, то понимают и то, что между группами людей должны возникать конфликты. Эти конфликты вносят трагизм в мировую историю, и, как нечто трагическое они должны пониматься.

Для того чтобы правильным образом поставить перед вашей душой живое понятие, живую идею, как я себе её представляю, мне хотелось бы вспомнить одно горькое высказывание, сделанное поэтом *Фридрихом Геббелем*. Геббель был гением несколько тяжеловесного вида, который продуцировал с трудом, несмотря на богатый мировой юмор. Я уже сообщал вам, что он не очень далеко отстоял от духовнонаучного понимания мира. Он, например, как сюжет в своей записной книжке поместил такую запись:

перевоплощённый Платон сидит как ученик в гимназическом классе, где учитель разбирает именно Платона; ученик ничего не понимает в том, что содержится у Платона, из-за чего возникает столкновение с профессором. Эту идею Геббель хотел обыграть драматически. Это ему не удалось; но видно, что его влекло воспроизведение идеи реинкарнации в виде драмы.

Геббель был знаком с Грильпарцером, который был его современником. Геббель был, как сказано, несколько тяжеловесным, «тяжелокровным» гением; просмотрев драмы Грильпатцера «Золотое руно», «Горе тому, кто лжет!», «Мечта жизни» и другие, он говорил, - и это самое интересное: «Грильпатцер изображает трагические конфликты, но такие, при которых всегда можно сказать, что если только человек весьма умен, если он видит ситуацию насквозь, конфликт, в конце концов, может быть заглажен, уравновешен». По Геббелю у Грильпатцера трагизм возникает оттого, что люди недостаточно умны, чтобы увидеть этот трагизм. Однако настоящий трагизм состоит не в этом; настоящие трагические отношения между людьми могут возникнуть и тогда, когда участники умны и осмотрительны насколько это можно, но, ни их ум, ни осмотрительность им не помогает; конфликт должен состояться.

То, что рассматривает Геббель как драматург, то, что он называет по существу трагическим, мы должны в качестве категории, в качестве понятия ввести в человеческую эволюцию, в собственно человеческое начало, иначе люди будут всегда приходить к ограниченным суждениям, где то или иное отрицается. Разве можно отрицать такие вещи, если они приводят к таким конфликтам, как современный? И вся демагогия о понятии вины, смещаясь, исключается в случае проникновенных суждений.

Рассмотрения, которые мы проводили в последние недели и дни, я предпринимаю для того, чтобы стало ясным, что даже по отношению к таким явлениям, как опиумная война (*война, которую Англия вела с Китаем в 1840-41г за право ввозить в Китай огромное количество опиума, что привело к социальной деградации в Китае, см. том 173 - примеч. перев.*) не следовало бы говорить в смысле вины, как говорят о вине в отношениях человека к человеку, отдельного человека к отдельному человеку. Ибо эти понятия: вина, свобода и так далее, которые можно употреблять по отношению к отдельному человеку, неприменимы по

отношению к душам, живущим на других планах, а Народные Души живут не на физическом плане, но лишь действуют на физическом плане посредством индивидуальных душ; они имеют своё местопребывание в других сферах, на других планах.

Эти вещи сегодня будут чувствоваться отдельными людьми. Однако этих вещей не понимают, если с теми понятиями, которые сегодня в ходу, хотят судить о событиях, а не пытаются рассматривать фактическое положение дел. В том, что выставляют себя сегодня как представителя какой-либо национальности, а о других национальностях судят так, как можно судить лишь об отдельном человеке, выявляется ни что иное, как отсталость в способности вырабатывать суждения. Правда то, что в наиболее страшных исторических документах, вызвавших бесконечные потоки крови, говорит невежество, отсталость, известные государственные деятели стоят за этой отсталостью; сегодня можно признать в этом историческую необходимость. Но, с другой стороны приходит то, что для желающих слышать всё снова и снова следует подчёркивать: для того, чтобы идти дальше ради прогресса и блага человечества, надо извлекать суждения из спиритуальной жизни.

Однако кое-где чувствуют, что необходимо сейчас для суждений. Только довести до сознания это не удаётся. Ведь духовная наука только тогда перейдёт в нашу духовную плоть и кровь, если мы будем с точки зрения духовной науки рассматривать внешнюю повседневную действительность; вот пример. В Англии в семидесятые, восьмидесятые годы 19 столетия действовал историк, профессор Сили — (*Seeley, Джон Роберт, 10.IX.1834 13.I.1895 англ. историк; один из первых представителей английской имперской историографии - примеч. перев.*) Его учение во многом определило то, что позднее жило в душах многих людей. Сили, возможно, является первым английским империалистом на уровне истории, - историк в качестве империалиста, империалист в качестве историка. Ведь он рассматривал британскую историю в её развитии на протяжении столетий, рассматривал с той точки зрения, что она имела тенденцию к основанию великого всемирного британского государства, которое сегодня занимает одну четвертую часть населенной Земли. В его лекциях, которые были напечатаны в семидесятые годы, и выдержали много изданий, - были годы, когда каждый год появлялось новое издание, - он исходит из того, чтобы сопоставить все

отдельные факты, вследствие которых Британская Империя стала тем, чем она является сегодня. Он видел нечто подобное Божественному Промыслу в том, что отдельные части соединялись по причине тех или иных импульсов. Он ставит вопрос: как, в сущности, всё это произошло? – и настоятельно отвечает: не было таких людей, которые решали бы всё это, которые в определенное время делали бы нечто, чтобы присоединить к Британской Империи ещё один кусок с намерением создать Империю самого большого размера, – таких людей не было; но всё это происходило в более ранние времена на инстинктивном уровне. Все эти отдельные части инстинктивно соединились, и в этом соединении, – по мнению Сили, – заложен божественно-духовный порядок. Сейчас, говорил он, нашей задачей является: то, что до сих пор происходило инстинктивно, поднять в сознание, и то, что создавалось инстинктивно, округляя, достроить до прочной, никогда ещё в мире не существовавшей Империи. Свою задачу как империалистического историка он видел именно в том, чтобы проникнуть сознанием то, что объединялось бессознательно. Сили, в некотором смысле, хочет поднять до современного сознания пятой послеатлантической эпохи то, что содействовало возникновению британского империализма, исходя из ещё атавистических сил в соответствии с законами четвертой послеатлантической эпохи. Однако мы указывали на то, что тут имеет место не только рассудочное, разумное мышление, которое охватывает это инстинктивное слияние частей. Нет, я должен был сказать вам, что в последние десятилетия 19 века некоторые тут принадлежали к оккультным течениям; они подходили к построению этой Британской Империи не с обычным сознанием, но с оккультным сознанием. Они перед своими душами, перед своими слушателями, перед своими учениками выставляли географические карты, которые показывали, что должно возникнуть, когда Британская Империя будет излучать свои силы на весь мир. В этих оккультных кругах сознательно была представлена идея: пятая послеатлантическая эпоха принадлежит людям, говорящим на английском языке. И в соответствии с этой точкой зрения предпринимались всякие подразделения, и организовывались всякие детали. Конечно, «имперский профессор» этого не увидел; но зато это увидели другие и сознательно направляли свои импульсы.

Об этом видении мы ещё поговорим; но то, что не увидели, проникает в человеческую натуру, в душу,

некоторым образом творит там. Так в наше время возникает достойное внимания взаимодействие того, что, в некотором смысле, прокрадывается на оккультном уровне в подосновы и тянет за ниточки, и того, что, не будучи осведомлено об этих вещах, живёт впереди, на арене событий физического плана. Человек должен знать об этом, чтобы быть в состоянии правильным образом составлять суждение. Я уже сообщал вам в последнее время отдельные знаменательные факты, вещи из «Альманаха мадам де Тэб» и сходные с ними; вспомните, что я сообщал об этих вещах. Не затрагивая с какой-либо стороны партии, но чисто объективно: разве это не странная вещь, которая для тех, кто просто думает, даёт повод для размышления, а для тех, кто принимает к сведению спиритуальные связи, но требует большего, чем простое размышление, требует осмысления, принятия предмета в свои импульсы, - разве это не странно, что ещё в девяностые годы 19 века появилась одна английская книга, авторами которой были три редактора «Таймс», книга под заглавием: «Война в 189...»? Временной промежуток, бросающийся в глаза, был установлен тут несколько дилетантски. Имелась в виду нынешняя война, только её хотели назначить несколько раньше. В этой книге допущена маленькая ошибка, а именно там рассказывается, что война должна была начаться из-за покушения на болгарского князя Фердинанда, и вследствие этого возник европейский мировой пожар. О деталях этого европейского мирового пожара говорится с удивительным провидением, говорится так, что главный ход событий, которые разыгрались, подтверждает это. Можно лишь сказать, что самой большой ошибкой этой книги является то, что болгарский князь Фердинанд перепутан с австрийским эрцгерцогом Францем Фердинандом, и дело происходит не в Софии, но перенесено в Сараево. Однако я полагаю, не следует недооценивать значительности того, что книга эта появилась в 1892 году и таким удивительным образом отобразила грядущие события. Если пытаются не строить абстрактных суждений, но строить свои суждения на основе того, что есть, только тогда приходят к тому, чтобы развить способность немного заглядывать в конфигурацию этого дела.

Конечно, те, кто мог кое-что видеть относительно событий, которые должны были произойти, в отдельных подробностях сдвинули то или иное, - так всегда происходит, когда говорят о таких вещах. Не всегда всё видят точно. Однако наводит на размышление то, что все-таки имелись

люди, имевшие столь много побуждений заниматься такими вещами, и даже доходить до публикаций на эту тему. Я хочу предоставить это вам лишь для того, - причем именно в той связи, в которой мы находимся, - чтобы вы могли заострить на этом способность суждения. Действительно надо иметь волю к тому, чтобы видеть факты, видеть факты в связи друг с другом. В более ранних рассматриваниях, проведенных здесь, я говорил: человек правильным образом идет в ногу с пятой послеатлантической эпохой только тогда, если он с одной стороны, стремится к имажинации, а с другой стороны позволяет фактам говорить себе. Все предвзятые суждения будут все в большей и в большей степени становиться чистыми фразами, будут обречены на то, чтобы все больше и больше становиться чистыми фразами. Но менее всего посредством чисто абстрактного мышления, не допуская мышления связанного с фактами, можно выносить суждения о трагическом конфликте в мире, о трагической взаимной игре импульсов, которые действуют так, как я это характеризовал перед этим.

Сегодня, - можно сказать, - всемирно исторический трюк состоит в том, чтобы говорить очевидные вещи, действующие с убеждением на многих людей, но, в сущности, совершенно не показывать того, что дало бы основу для правильного суждения. Возьмём одно из таких суждений, которое часто высказывается: правители Британской Империи не хотели войны. - При этом приводятся соответствующие корреспонденции, телеграммы, письма и так далее, касающиеся всевозможных предложений на конференциях и чем-то подобном. Люди, судящие абстрактно, не в соответствие с действительностью, могут при таких обстоятельствах даже быть убеждены в этом, поскольку это дело в соответствие с существующим материалом, может быть представлено со всей убедительностью. Но в случае суждения речь не идет лишь о том, насколько оно убедительно, насколько оно с абстрактной точки зрения правильно, но о том, уживается ли оно с действительностью. То, что правители Британской Империи, - или, возможно, некоторые правители, которых это касалось, - не хотели войны, можно при случае очень легко доказать и произвести этим доказательством величайшее впечатление на весь мир периферии. Доказывая это, надо, - я говорю «доказывая», - дело не идет о непосредственной, заведомой неправде, хотя реальная ложь, всё же остаётся. Почему? Именно потому, что это правда, и

может быть доказано как правда, эта правда не стоит даже мишуры, не в ней дело. Человек может быть убеждённым в том, что правители Британской Империи даже препятствовали конфликту, насколько Британская Империя участвовала в нём. Однако то, чего хотят они достичь теперь посредством войны, они со всей энергией хотели и раньше, - то есть те, о которых идет речь. Если бы этого можно было достичь без войны, для них, разумеется, это было бы гораздо приятнее; заранее не исключалось достижение этой цели другими средствами, нежели война. Только для этого, перед тем, как пришла война, должны были создаваться какие-либо суррогаты международных учреждений, нечто такое, где представители разных государств принимали бы решение об известных делах. Заранее позаботившись о приобретении большинства в таком союзе, можно было добиться своей цели без войны, если меньшинство шло на это.

Итак, вы видите: речь совсем не о том, хотел ли кто-либо вести войну или препятствовать ей; речь о том, что хотел кто-либо вообще. А то, чего хотели, будет ясно объективному наблюдателю; оно проистекает из различных пояснений, - это всегда лишь пояснения, - которые я делал. Но я всегда прошу вас при этом обращать внимание на то, что я не морализирую, но бросаю на чашу весов понятие трагичности; когда люди развязывают конфликт друг с другом, когда льётся много крови, это происходит из трагичности конфликта. Во всяком случае, здесь, если хотят рассматривать эту трагедию на внешнем уровне, надо иметь волю к тому, чтобы подходить к этому делу иначе, нежели подходят обычно.

Как часто звучит нам навстречу: виновными в этой войне являются те суждения, ощущения и чувства, которые распространили в немецком народе такие люди, как, например *Трейчке и Бернгарди*. - Для примера возьмём гротеск: как часто мы слышим, что эти имена называются как имена отъявленных авантюристов, слышим даже от людей, честнейшим образом убеждённых, что надо быть правдивыми. Порой иногда добавляется ещё и Ницше, иногда некоторые другие. Можно многому научиться, если рассматривать то, что, - я бы сказал, - лежит в основе «Царства правдивости» таких вещей. Однако, ещё перед тем как я начну рассматривать это со спиритуальной точки зрения - спиритуальному во многом можно научиться, рассматривая повседневное, - мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что именно в случае такого явления

как немецкий историк Трейчке, перед глазами может выступить трагизм человеческого развития. Только не следует судить слишком внешне и поверхностно.

Если бы я судил слишком внешне и поверхностно, то, начиная с некоторого времени, поистине должен был бы считать Трейчке неким общественным монстром. Мне пришлось лишь однажды быть вместе с ним, в то время, когда он уже был совершенно глух. То, что ему хотели сказать, писали на клочке бумаги, а затем он отвечал. Когда меня представили ему, он спросил меня: Откуда Вы? Я написал ему, что я из Австрии. Он ответил: да, да - а он был крикун, хотя сам ничего не слышал, - австрийцы, они или гении, или негодяи, одно из двух, - и так далее. Так было у Трейчке всегда: если человек не желал причислять себя к гениям, он тут же получал, не правда ли, изрядный нагоняй. Человек, исполненный темперамента, имеющий известный вес, часто выражался, используя резко очерченные понятия. Он написал «Историю немецкого народа», которая многократно цитируется. Вы могли бы также цитировать её иначе, нежели цитируют обычно, ибо, если кто-нибудь из-за рубежа захотел бы собрать набор грубостей допущенных против Германии, он мог бы списать их у Трейчке. Но это упускают, в гораздо большей степени разыскивают то, что в значительно меньшей степени имеется как истины, которые Трейчке говорит своему собственному народу: разыскивают места, где он, как считают, писал в особенно «прусско-милитаристской» манере.

Я могу привести вам суждение, которое не безинтересно. Оно происходит от одного человека, который мог иметь суждение, поскольку тоже был историком, и особенно интересовался существующей со стороны Трейчке антипатией по отношению к новой английской истории и развитию. Трейчке когда-то имел такую антипатию, она выступает очень скоро, как только вы знакомитесь с ним. Этот историк, который хорошо знал Трейчке, писал: негодование Трейчке по поводу современной Англии имело у него частично исторические, частично моральные основы; мировое господство Англии оскорбляло Трейчке как человека, оскорбляло своей аморальностью, своей дерзостью, своей претенциозностью. «Не без справедливости», - я прошу вас отметить это, - «не без справедливости описывает Трейчке английскую политику в 18 и 19 веках как последовательно направленную на то, чтобы низложить Пруссию, как скоро английские политики открыли истинную

сущность этого государства и предчувствовали большое будущее, уготованное ему судьбой. Разве Англия не была в 1864 и 1866, а затем в 1870-71 и прежде всего 1874-75 способным на предательство, хотя и трусливым врагом Пруссии?»

Так говорит этот историк, обсуждая антипатию Трейчке по отношению к Англии. Сильнейшее, что он приводит в пользу Трейчке, - это «убеждение, что английское мировое господство никак не соответствует ни реальной силе Англии, ни её действительной ценности в политическом, социальном, интеллектуальном и моральном направлении». Он говорит далее: «Его отвращение является негодованием по поводу Гумбурга...То, что Германия ненавидит в Англии - то же самое, что ненавидел в Англии Наполеон - надменная, дерзкая, мелкобуржуазная самоуверенность, которая в действительности ни в коем случае не является патриотизмом или высокой, серьёзной любовью к отечеству, как немецкая в 1813 и 1870, но лишь астенической, островитянской любовью к себе.... Ведь в сущности об этом говорится в песне «Правь Британия» Он продолжает: «Но Трейчке редко шутит, часто, хотя и непреднамеренно предаётся чувству обиды. Он столь же неспособен, как и Гейне», - которого историк из Англии приводит вместе с Трейчке, - «увидеть что-либо прекрасное в английском характере».

Это тоже суждение о Трейчке. И поскольку мы говорим именно об этом историке, я хотел бы привести ещё одно его суждение, которое он высказал о столь одиозном Бернгарди: «Эта книга», - говорит он, - а книга, о которой он говорит, всегда теперь цитируется как особо отталкивающая книга, - «которую называют действительно эпохальной, является определенной попыткой немецкого офицера, не только уяснить себе, как Германия могла бы вести войну с Англией с перспективой на успех, но и почему она должна вести такую войну».

Всё это пишет о Трейчке и Бернгарди английский профессор *Крэмб*, которого, судя по его точке зрения, можно было бы назвать английским «Трейчке». Тот, кто вникнет в это дело, найдет между всею тональностью Трейчке и Крэмба исключительное сходство, так как Крэмб, в то же самое время от всей своей души даёт понять, что в мире должна господствовать Британская Империя, что всё должно быть сделано для того, чтобы Британская Империя пришла к мировому господству. Можно сказать, что он говорит об

Англии ни что иное, чем Трейчке - само собой разумеется, с отличием английского от немецкого, - говорит о Германии. Тут мы видим, как из двух людей, каждый из которых со своей точки зрения должен был бы говорить противоположное другому, по крайней мере, один, может воздавать другому честь. Он в действительном смысле зашел так далеко, что ради сверхиндивидуального, исторического, отбрасывал то, что и следовало отбросить.

Поэтому то, что сейчас даже в самых наиважнейших документах господствуют ошибочные суждения, есть необычно печальный рецидив, отбрасывающий человека назад. Не надо ходить далеко, но нужно только иметь, я бы сказал, чутьё - которое однако, можно поддерживать сегодня лишь благодаря какой-либо связи с духовной наукой - чутьё, чтобы отыскать то, что верно; и тогда истину можно схватить руками. Конечно, это всего лишь гротеск, если, после того как на протяжении столетий существовала русская программа по овладению Дарданеллами и Константинополем, и эта программа признавалась, в то же самое время говорят: мы невиновны, в высшей степени невиновны! - Опять-таки, мы имеем сочетание такого вида: мы в высшей степени невиновны - хотя мы хотели кое-что захватить, несмотря на это мы в высшей степени невиновны - и в исторических документах высшего ранга, которые в последнее время вышли в мир, мы имеем тот царский указ. Но вы видите, в России люди тоже не всегда судили так, как сегодня.

Например, в 1910 году появилась книга Куропаткина «Задачи русской армии» В этой книге есть одно замечательное место, которое, я бы сказал, должно немного отрезвить головы тех, кто говорит о полной невиновности России. Там стоит: «Если Россия не перестанет вмешиваться в дела, чуждые ей, и в тоже время связанные с ближайшими жизненными интересами Австрии, то можно ожидать, что в 20 столетии из-за сербского вопроса разразится война между Россией и Австрией». Это говорит в 1910 году русский генерал Куропаткин, который, конечно представлял себе, что со стороны России из-за сербского конфликта может привести к войне с Австрией.

Возникает вопрос: откуда это сегодняшнее искажение истины? Просто оттого, поскольку не могут без чего-то дальнего говорить истину, а сказать что-то всё же нужно. Вчера я уже указывал на это. Вещи, которые высказываются, высказываются для того, чтобы затуманить истину, закрыть

истину для взора людей. Разумеется, для этого выбирают такие аргументы, которые для людей, не имеющих воли входить в суть дела, оказываются очевидны на сентиментальном уровне.

Было бы желательно, чтобы, прежде всего, всё больше и больше людей поняли полное значение бессознательной и подсознательной неправдивости. Я часто высказывал: нельзя извинять себя тем, что тот или иной что-то сказал, а ты поверил. – Впрочем, я никогда не придерживаюсь той точки зрения, что многим из людей, которые говорят сегодня, нельзя верить. Я не хочу придерживаться этой точки зрения без чего-то дальнейшего, но дело не в этом. Эти вещи действуют в мире, и тот, кто нечто говорит, обязан придерживаться правды: одной веры тут недостаточно. Если кто-либо, – на что я указывал, – бессознательно или на подсознательном уровне что-то извращает, говоря, что хотел препятствовать войне, тогда как он иными средствами, нежели война хотел достичь того, чего он надеялся достичь, к чему он со всей интенсивностью стремился, – такая истина ни гроша не стоит, несмотря на то, что внешне кажется истиной; она является чем-то более худшим, чем неправда. Необычно тяжкая карма человечества современности состоит в том, что человек не чувствует себя обязанным той действительной, реальной, живущей в фактах истине, правде; что сегодня в мире начинает править её противоположность, и, как кажется, должна будет завоёвывать в мире всё большую и большую власть. Внешние деяния всегда есть следствия того, что живёт в человечестве как мысль; внешние деяния являются следствием неправдивости, которая, возможно, выступает под видом правды, поскольку позволяет, как говорится, «доказать» себя, но лишь для поверхностности. То, что живёт в суждении человека, может на другом плане оказаться громом канонады и кровью. Тут существует связь. Но следствием отсюда является то, что мы должны всё больше и больше входить в фактическое, мы должны усвоить чувство, которое приведёт нас к тому, чтобы в правильном месте видеть вещи, которые действительно вносят ясность и раскрывают существенное.

ЛЕКЦИЯ СЕМНАДЦАТАЯ
Дорнах, 8 января 1917

Когда вследствие многочисленных пожеланий я решился говорить о некоторых вопросах из непосредственной истории современности, я настоятельно обращал внимание на то, что речь здесь должна идти о познании фактов, и не может быть и речи о том, чтобы заниматься здесь политикой или чем-либо связанным с политикой: я даже часто повторял это замечание. И всё же кажется, что среди нас всё снова проявляется беспечность, - чтобы не сказать иного слова, - по отношению к таким делам, и что не задумываются над тем, что есть необходимость соблюдать истину в самой форме её выражения, - если она высказывается столь интенсивно. Ибо, как кажется, то там, то тут об этих лекциях говорится в том смысле, будто бы здесь читаются политические лекции. Невнимательность по отношению к распорядку дня есть у некоторых наших членов, она господствует с давних пор - само собой разумеется, среди некоторых; я говорю только о тех, кого это касается. И всё, что говорится вследствие тревоги за наше дело, и повторяется всегда, оказывается в некотором направлении бесполезным. Можно с очевидностью заметить, что всё снова и снова обсуждаемые тут вещи своеобразным способом передаются тем, кто стоит вовне. Я ничего не имею против тех сообщений, которые держатся в разумных границах, но из разных публикаций, появляющихся в последнее время, к которым относится, например, исходящие со страниц *Фоллратчера* *небылицы* (*Гуго Фоллратчер, владелец теософского издательства, противник Р.Штейнера*-примеч. перев.), со всей очевидностью ясно, что эти вещи не всегда передаются так, как обсуждались они здесь, но, - вероятно из-за непонимания, - возможны самые ужасные искажения. Я хорошо знаю, что это проистекает из нашей среды, и если я всё снова и снова молчу об этом и не выступаю против названных членов, которые ведут себя так, пытаясь делать выводы в том или ином направлении, - то это из любви к нашему общему движению и нашему Обществу. Ибо конечно невозможно, постоянно пресекать эти в некотором смысле тайные судилища. Но было бы вполне возможно, чтобы те члены, кто знает о таких вещах, взяли за это дело, и подобающим образом вели себя по отношению к таким членам, о которых могло стать известно, как они иногда относятся к духовному достоянию, даваемому здесь. При этом я ни в коем случае, - хотя порой и так бывает, - не хочу сказать, что тут всегда совершаются прямые моральные

ошибки, но надо хоть немного благоразумия относительно того, что делают. Кто хочет делать такие сообщения, должен был бы на основе, - так сказать, - правильного самопознания спросить себя: а так уж ли точно понял он эти вещи, что может сообщать о них? Однако необходимо всё снова время от времени обращать на них внимание. Это делается не без причины, можете мне поверить. В конце концов, можно дойти до полного умолчания об известных делах, и что тогда будет из нашего движения - очень легко предвидеть. Это инициируется теми членами, которые не могут отказаться от того, чтобы выбирать самые глупые обозначения для того или иного, что затем, само собой разумеется, ведет к ужасным искажениям. Нет необходимости в том, чтобы всюду, где каждый, не принадлежащий к нам может услышать, говорили о наших делах, выбирая при этом наименования, которые приятны кому-то, но не совпадают с теми намерениями, которые заложены в основу здесь.

Я должен констатировать: если там или тут для того, что я по многократным пожеланиям предоставляю здесь в качестве рассматриваний, обзоров, будут выбирать название «политические лекции», я должен буду рассматривать это как всецело личную атаку на меня самого.

После проведенных нами рассматриваний, которые были включены в лекции последних недель, сегодня возможно сделать некоторое обобщение, для того чтобы пролить свет на некоторые связи, знание которых может помочь нам понять современность. Сначала я попытаюсь весьма сухо, самым внешним образом описать произошедшие исторические события, чтобы потом на основе результатов, достигнутых в последние недели, указать на некоторые глубинные причины. Я хочу настоятельно заметить, что именно сегодня я попытаюсь в изложении тщательно взвешивать каждое слово, чтобы каждое слово определяло границы, в рамках которых должна будет выявиться представляемая концепция. Итак, прежде всего, я, как было сказано, хочу вкратце внешним образом сопоставить исторические события, точки зрения и импульсы.

Современные болезненные события наступили, как вы знаете, в связи с убийством австро-венгерского наследника престола *Франца Фердинанда* в июне 1914. За этим убийством по всей Европе последовала газетная компания, которая в различных, - я бы сказал, - выплёскивающихся волнах показала, до какой степени были раскованы повсюду известные страсти. Всё в целом привело тогда к известному

ультиматуму, предъявленному Сербии со стороны Австро-Венгерской монархии, который в существенной части был Сербией отклонен. Так возник австрийско-сербский конфликт, который по инициативе ведущих австрийских государственных деятелей должен был состоять в военном вторжении в Сербию, без аннексии сербских областей, с единственным намерением посредством военного прессинга принудить Сербию к принятию ультиматума. Посредством ультиматума надо было воспрепятствовать распространяемой из Сербии агитации, направленной против целостности Австро-Венгерской монархии путем создания австрийской Югославии. Австрия охватывала целый ряд народностей – там имелось тринадцать признанных наречий, но гораздо больше племён, - в её южной части имелось славянское население; на западе по большей части словенско-славянское население, затем, гранича с востоком, население далматов, кроатов, словен, сербов, сербо-кроатов; затем различные группы населения, которые жили в части Боснии и Герцоговины в 1908 году аннексированной Австрией. Указанная часть много раньше была оккупированной Австрией областью. С этими австрийскими южными славянами граничит Сербия. Из Сербии, - Австрия полагала, что может это доказать, и эти доказательства для каждого, кто хотел их отыскать, находились повсюду, - исходила агитация, направленная на то, чтобы основать Южнославянское государство, оторвав южнославянское население Австрии. В связи с этим делом безусловно находилось покушение на Франца Фердинанда, причём по следующим причинам: Австро-Венгерская монархия с 1867 года была двойным государством, которое по не вполне точному выражению охватывало «представленные в государственном совете королевства и земли», и, как вторая область, «земли короны св. Стефана». К землям, представленным в госсовете, относились Верхняя и Нижняя Австрия, Зальцбург, Штейермарк, Кернтен, Крайна и Истрия, Далмация, Моравия, Богемия и Силезия, Голиция, Лодомерия и Буковина. К странам короны св. Стефана относилась, прежде всего, мадьярская область, сросшаяся с прежним Семиградьем, и тоже населённая различными народностями; затем Кроация и Славония, которые имели ограниченную автономию в рамках Венгерского государства. Такова была эта двойная монархия.

Как известно, наследник престола Франц Фердинанд исходил из того, чтобы преодолеть недостатки

двойственности Австро-Венгрии, и вместо двойственности установить тройственность. Тройственность должна была возникнуть из того, что принадлежащие Австрии южнославянские области должны были стать самостоятельными, подобно тому, как были автономными представленными в госсовете, (рейхсрате) королевства и земли, а также земли короны св. Стефана. Так вместо дуализма должна была возникнуть тройственность. Если вспомнить о том, чего хотел наследник престола Франц Фердинанд, то можно представить себе, что в случае осуществления, это привело бы к индивидуализации отдельных южно-славянских племен, к своего рода Южно-славянскому сообществу внутри австро-венгерской области. Тем самым был бы сделан один шаг к цели слияния, амальгамирования западных славян с западной культурой; это противодействовало бы тому, что в этих рассуждениях называл руссизмом (Russizismus). Это было вполне возможно, так как Австрия имеет целиком федеративное государственное устройство, не централизованное; перед войной она имела тенденцию всё больше и больше давать отдельным народностям возможность федерализации. С 1867 по 1879 централизм отмирал; с 1879 централистские устремления можно было считать потерпевшими крах, и государство шло от централизма к федерализму.

Этому противостояло то, что исходило из Сербии как стремление основать Южно-славянскую конфедерацию под гегемонией Сербии. Это исходило не от сербского народа; я уже давал характеристику тому, как народ, в некотором смысле, просто вели посредством суггестии. Тем самым, конечно, южнославянские области должны были бы быть отторгнуты от Австро-Венгрии.

Тем самым я кратко резюмировал то, что легло в основу австро-сербского конфликта. Ибо в рамках того, что я пытаюсь выразить сейчас, нам придётся иметь дело с австро-сербским конфликтом. Можно думать, что этот конфликт мог бы быть «локализован», - это слово я уже как-то употреблял. Тогда, - пусть это прозвучит гипотетически, - европейская война была бы предотвращена. Что произошло бы в том случае, если бы ограниченные претензии австрийских государственных деятелей осуществились? Часть австро-венгерской армии вошла бы в Сербию и оставалась там до тех пор, пока Сербия оказалась готовой принять тот ультиматум, посредством которого устранялась возможность образования Южно-славянской конфедерации под гегемонией Сербии и

под верховным патронажем России. Если бы никакие европейские силы не вмешивались в это дело, если бы все поставили оружие к ноге, то есть не употребляли его, то последовало бы, ни что иное, как принятие этого ультиматума. Ибо были предоставлены гарантии того, что ни при каких обстоятельствах аннексия сербских территорий не будет иметь места. Следствием было бы то, что такие многократно повторяющиеся покушения, - ибо покушение на Франца Фердинанда было лишь завершением целого ряда покушений, спровоцированных сербской агитацией, - не могли бы происходить, а без такой агитации возникновение Южно-славянской конфедерации под верховной властью России не могло бы состояться. Если бы дело пошло так - это гипотетическое предположение, - оно никогда не дошло бы до этой войны.

Как связан этот австро-сербский конфликт с Мировой войной? Если хотят узнать об этой связи, надо посредством внешних отношений, - я бы сказал, - вникнуть в глубинные тайны европейской политики. Не политикой хотим мы заниматься, но провести перед своей душой то, что живёт в этой политике. Я хотел бы ответить вам на вопрос: как австрийско-сербский конфликт стал европейским конфликтом? Как связан австрийско-сербский вопрос с европейским вопросом?

Тут мы должны направить своё внимание на то, что я только что сказал о южно-славянской конфедерации. Эта южно-славянская конфедерация, независимая от Австрии, но связанная с Россией, так сказать, под русским верховным протекторатом была бы в интересах Британской Империи, причём тем больше, чем в большей степени эта Империя принимала осознанный облик. Именно создание, - как её тогда называли, - Дунайской конфедерации, под которой подразумевалась эта южно-славянская конфедерация, охватывающая южнославянские народы вместе с Румынией и включающая в себя австрийских южных славян, действительно иницировалось в тех сообществах, о которых я говорил. В девяностые годы 19 столетия повсюду в оккультных школах Запада, однако, под непосредственным влиянием британских оккультистов, мы находим указания на то, что такая Дунайская конфедерация должна возникнуть. Всеми средствами европейской политики пытались направить дело так, чтобы добиться возникновения такой Дунайской конфедерации с уступкой австро-славянских областей.

Почему эта, враждебная Австрии и дружественная по отношению к России Дунайская конфедерация должна была представлять интерес для Британской Империи? Те силы, которые интенсивно сталкиваются в последнее время вследствие возникшего по всему миру империализма, имеют наибольший вес в пределах рассматриваемых территорий, силы, которые живут, будучи в действительности крайне враждебны друг другу, хотя такая враждебность может быть документирована на внешнем уровне как дружба, как союз, - этими силами является Британская Империя и Российская Империя. Если смертельно ненавидят друг друга, но всё же живут рядом друг с другом в мире, то, поскольку наша Земля имеет совершенно определённые свойства, из такого враждебного бытия друг с другом следует нечто вполне определенное. Отличительным свойством нашей Земли является то, что она круглая, шарообразная. Будь наша Земля плоскостью, распространяющейся всюду, такой конфликт не мог бы осуществиться. Но поскольку наша Земля имеет форму шара, то не только, выйдя откуда-то приходят назад, в тот же самый пункт, но дело обстоит так, что распространившиеся Империи сталкиваются в каком-то пункте, и что им приходится жить при наличии столкновения между их противоположными интересами. Это и происходит между Британской и Российской Империями, что, помимо всего прочего, выступает преимущественно в Персии, где имеет место жесткое столкновение. Вопрос состоял в том: должна ли Россия двигаться вниз против Индии, и там постепенно устанавливать границы с Британской Империей, или Британская Империя может поставить заслон?

Преследуя цели господства, можно делать это путём войны или другим образом, по мере того, что является тому или иному более благоприятным. Для Британской Империи наиболее благоприятным казалось в то время, - в случае государств, всегда надо считаться с временными рамками, - остановить движение России против Индии, и предоставить России другой канал для экспансии в другом направлении, для того, чтобы удовлетворить само собой понятное честолюбие Российской Империи, а ведь империи всегда честолюбивы. Вследствие этого случилось так, что допускали господство России над так называемой Дунайской конфедерацией. Так возникла непрямая заинтересованность Британской Империи в том, чтобы сделать Дунайскую конфедерацию как можно большей, поскольку славяне на юге хотели объединиться, и это чувство взаимной

принадлежности возбуждалось так, как я вам только что объяснял. Итак, такая южнославянская конфедерация позволяла удерживать Россию, чтобы она не протягивала своих щупалец в других направлениях. Вот насколько в интересах Британской Империи было основание южнославянской конфедерации под господством России. Это была долгая история, которая готовилась длинными руками.

Так мы видим одну из нитей, посредством которой австрийско-сербский вопрос был связан с вопросом достижения мирового господства, ибо, вследствие вышесказанного, в это дело были втянуты отношения между Британской и Российской Империями. Речь тут идет не об Австрии и Сербии, но австро-сербский вопрос, само собой разумеется, ведёт к вопросу: должен ли был быть со стороны Австрии сделан шаг в сторону тройственности, вследствие чего южнославянской конфедерации пришлось бы оказаться от своих планов, или надо был бы сделать шаг в сторону русификации южнославянской конфедерации? - Тем самым австро-сербский вопрос сцепляется с европейским вопросом.

Если существует нечто подобное - а то, что сейчас было изложено, является вполне реальным, живущим в людях импульсом, - то это похоже на электрическое напряжение, которое должно когда-нибудь разрядиться. Итак, на одну из нитей мы, тем самым, указали.

Несомненно, есть более сильный вопрос: а если бы не существовало ничего другого, кроме того, о чём я только что говорил, привёл бы австро-сербский конфликт к Мировой войне? Было бы, в высшей степени невероятно, что этот конфликт мог до этого дойти, если бы не существовало чего-то другого. Но существовало достаточно иных импульсов, которые действовали на усиление. Прежде всего остального в рамках европейских отношений существовал франко-русский союз. С девяностых годов 19 века был заключён франко-русский союз, который, если рассматривать отношения объективно, был неестественным, насколько это возможно. Едва ли кто-то может сомневаться, что этот союз со стороны Франции был заключён из соображений снова вернуть себе Эльзас и Лотарингию; нельзя себе представить, что была какая-либо иная причина для заключения этого союза. Все другие причины говорили бы против заключения такого союза. Но, в конце концов, такие причины не играли особой роли относительно движущих импульсов, роль играло то, что такой союз существовал; ибо

благодаря его существованию как таковому он являлся реальной силой: она была в наличии. Гораздо важнее, чем цель этого союза был тот факт, что он имел дело с одним западным и одним восточным государствами, которые по своей военной мощи представляли собой нечто огромное. Германия находилась между них; само собой разумеется, её военные силы были таковы, что по отношению к объединенным превосходящим военным силам Франции и России она постоянно чувствовала себя в опасности. Это блокада Германии между Западом и Востоком вследствие франко-русского союза стала движущей европейской силой.

Если хотят отыскивать дальнейшие импульсы, которые принимаются к сведению, надо обратить внимание на следующее: империализм последних десятилетий привел к общему стремлению к экспансии. Надо только увидеть, например, в каком огромном масштабе возросла Британская Империя. В отношении территориального расширения Франция в последнее десятилетие выросла несравненно больше, нежели выростала Франция в какое-либо прежнее время, когда она как говорили, маршировала на вершине европейской цивилизации.

События последнего десятилетия увязываются в единую цепь: вещи протекают так, что последующее не могло бы наступить без предшествующего. Ближайшим исходным пунктом, - само собой разумеется, можно было бы зайти и дальше, - является захват Британской Империей власти над Египтом. Такие вещи в современном мышлении находят своё оправдание в том, что говорят: свои владения, мол, надо было округлить и защитить. Это распространение английского господства над Египтом оправдывалось тем, что говорили о необходимости иметь сообщение с Индией. Надеялись приобрести и Аравию, чтобы могла существовать непосредственная связь с Индией.

То, что Британская Империя распространила свою власть над Египтом, уже было до некоторой степени заслоном против неприятного распространения Российской Империи на Запад; ибо такое распространение на Запад не могло слишком повредить Британской Империи, если существовала эта связь с Египтом и через Египет с Индией.

Но поскольку Земля круглая, и нельзя бесконечно находить всё новые страны, поскольку происходит взаимное столкновение, расширение одной империи с известной необходимостью производит желание у другой также расширяться. И лишь как следствие британского господства

над Египтом возникло расширение французского господства над Марокко, причём в два этапа, 1905 и 1911. Вследствие того, что произошло обоюдное признание такого расширения, - Франция признала британское господство в Египте, а Британская Империя признала французское господство над Марокко, - были тем самым протянуты нити для возникновения политического союза между французским и британским государствами. Но поскольку Германская Империя оказалась блокирована в середине, была попытка, как вам известно, образовать Тройственный союз: Германия-Австро-Венгрия-Италия. При этой выдаче Марокко и Египта и при том, что из этого следовало, удалось с помощью одного старого итальянского политика, хорошо посвященного в эти дела, привлечь на так называемую Альхесирасскую конференцию (Альхесирасская конференция 1906, состоялась 15 января - 7 апреля 1906 в Альхесирасе (Algeriras, Испания) по инициативе Германии. Участвовали представители Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Марокко, Нидерландов, Португалии, России, США, Франции и Швеции. Поводом к созыву Альхесирасская конференция 1906 послужил острый международный конфликт в 1905, вызванный франко-германским соперничеством в Марокко (см. в ст. Марокканские кризисы). На Альхесирасская конференция 1906 Германию поддержала лишь Австро-Венгрия. Конференция приняла решение о создании Марокканского государственного банка под контролем Великобритании, Германии, Испании и Франции, причём последняя получила наибольшую квоту в капитале этого банка; организация и руководство полицией в Марокко были возложены на Францию и Испанию. Вместе с тем Альхесирасская конференция 1906 формально провозглашала независимость султана Марокко, «целостность его государства», а также «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении». Решения Альхесирасская конференция 1906 знаменовали дипломатическое поражение Германии, открыли Франции и Испании путь к завершению захвата Марокко и привели к известному упрочению англо-французской Антанты. - примеч. перев.) - удалось уже тогда втянуть Италию в сферу господствующих отношений западного франко-английского союза. После Альхесирасской конференции разумные люди в Средней Европе больше не верили в то, что Италия будет держаться за Тройственный союз. Для Италии по всему её

поведению должны были наступить последствия французского захвата Марокко. Что и последовало: разрешение Италии закрепиться в Триполи. Но тем самым Италия получила в некотором роде разрешение от Запада вести войну против Турции. Так что из-за Египта последовало Марокко, из-за Марокко - Триполи; а поскольку вследствие Триполи турки снова начали слабеть, из-за Триполи последовала Балканская война. Эти события связаны подобно цепи, одно было бы немыслимо без другого: Египет-Марокко-Триполи-Балканская война. Так как турки стали слабы вследствие италяно-турецкой войны, войны в Триполи, южнославянские народы, привлекая к себе других, поверили, что греческий народ достаточно силён, чтобы отвоевать для себя Балканский полуостров. Однако, вследствие этого тенденция к югославской конфедерации, которую я характеризовал вам, соединилась с национальными претензиями Балканских стран. Сейчас обе эти цепи соединились, и вы найдёте, что Балканская война протекала так, что благодаря ней Сербия достигла особенно многого. Сербия стала очень сильной, несравненно сильнее, чем была она прежде. Вследствие этого были снова возбуждены идеи об основании югославской конфедерации под гегемонией Сербии и под протекторатом России. Отсюда та агитация, увенчавшаяся покушением против Франца Фердинанда, отсюда австро-сербская война. Теперь мы имеем в соединении оба члена. Австро-сербский вопрос был подключён к европейскому вопросу вследствие всего хода истории.

Люди, исследовавшие это дело, уже за многие годы видели в таких отношениях грядущую войну, как Дамоклов меч, нависшую над европейской культурой. Всюду, где обсуждали эти вещи, можно было бесчисленное множество раз услышать: отсюда ясно, что вследствие претензий России может возникнуть конфликт между Средней и Восточной Европой. - Этот конфликт был необходимостью. Никто, действительно изучающий историю, не станет говорить, что в основе этого конфликта между Средней и Восточной Европой не лежит ни одной, так сказать, духовной необходимости. Точно так же как в древности возник конфликт между романскими и германскими народами, так в новое время возник конфликт между Средней и Восточной Европой.

В какой форме он проявится, можно было варьировать самым разнообразными способами, но этот конфликт должен

был возникнуть. Другие вещи, насколько встречаются они на Востоке, были вовлечены в этот конфликт.

Имея дело с претензиями руссизма, говорят себе: кое где выявилось нечто, приведшее к тому, чтобы Россия пустила в ход свои претензии, распространить своё господство на Балканский союз. Этого можно было ожидать. Вследствие географического положения должно было возникнуть столкновение между Россией и Австрией. В момент этого столкновения между Россией и Австрией должно было автоматически произойти всё остальное, - так говорили долгие годы все те, кто размышлял над этими вещами.

Как должна была складываться ситуация в случае нападения России на Австрию, с учётом существовавших союзнических отношений? - такой вопрос задавали себе. То, что Австрия сама атакует Россию, об этом, конечно, не думал никто, да и не мог так думать; Австрия была просто не в состоянии напасть на Россию. Итак, следовало ожидать, что эти вещи будут формироваться так, что Австрия будет атакована Россией. Прекрасно! Вследствие союза между Австрией и Германией, Германия должна стоять за Австрию и, со своей стороны напасть на Россию. Вследствие нападения со стороны Германии, - я сейчас рассказываю о том, что предполагалось, - вступал в действие русско-французский союз. Франция должна была на стороне России атаковать Германию. Вследствие условий, заключённых между Францией и Англией, - были ли они подписаны в качестве договора, или нет, - Англия должна была воевать на стороне Франции и России. Союзнические отношения и альянсы должны были действовать, так сказать, автоматически.

Эти события протекали не совсем так, как можно услышать ежедневно от тех людей, которые заботились о будущем Европы, но как же протекали они? В сущности, они протекали следующим образом: история с ультиматумом, отклонения ультиматума, последовательное настаивание на принятии ультиматума со стороны Австрии я описывал. Что ещё не наступило, так это то, что европейские силы оставались безучастными; но сразу же обнаружилось, что Россия предъявляет претензии выступить в качестве протектора Сербии. Из-за этого стало невозможно думать о локализации австро-сербского вопроса. Со стороны Британской Империи поступали всевозможные бесполезные предложения, которые делают, если или хотят необдуманно

вмешаться в события, или если заранее хотят провозгласить на весь мир о своём намерении уладить дело мирным путём: именно этого-то они не хотят, но хотят, чтобы позже можно было так сказать.

Поступило бесполезное предложение, как нарочно составить конференцию из Англии, Германии, Франции и Италии, чтобы принять решение по нависшему вопросу. Вы только представьте себе, что могло бы из этого получиться! Большинство должны были решать, справедливы ли австрийские требования к Сербии или нет. Пожалуйста, представьте себе такое голосование, которое происходило бы, но исходя из реальных условий! Италия испытывала внутренний упадок, Франция была на стороне России, Россия, само собой разумеется, была бы удовлетворена лишь в том случае, если бы Австрии было отказано в праве предъявлять свой ультиматум, Англия была за Дунайскую конфедерацию; за исключением Австрии большинством были бы Италия, Франция, Англия. Германия была бы, само собой разумеется, при всех обстоятельствах побеждена большинством голосов. Эта конференция не могла привести ни к чему иному, как только к тому, чтобы при всех обстоятельствах не было бы выполнено то, что по необходимости должна была требовать Австрия, исходя из своей позиции. Это значит, что хотя и можно было провести такую конференцию, она стала бы комедией; так как или Австрия должна была бы отказаться от своих требований, или, - что было бы достойно такой странной конференции, - должна была бы настаивать на принятии своего ультиматума. Итак, это предложение о конференции было чистым блефом, как говорят. Если же вы, напротив, точно исследуете документы, вы увидите, что с самого начала Россия выставила претензию по вмешательству в сербско-австрийский вопрос; и это или привело бы к войне по описанному выше автоматическому пути, или вследствие того, что была создана ситуация, которая с необходимостью вела к войне, что, в конце концов, одно и то же.

А такая ситуация была создана. Ибо среди различных импульсов вы должны принять к сведению совершенно определённое настроение. Может быть, ни одно мировое событие, ни одно историческое событие так не зависело от определённого настроения как именно это событие. Душевный настрой людей, которые принимали участие в разразившейся войне в конце июля 1914 года, являлся важнейшей причиной. В случае начала прежних войн, тоже,

конечно, были побуждения, но они не врывались со столь ураганной силой, столь бурно, как факты между 24 июля и 1 августа 1914 года. В течение немногих дней лица, участвовавшие в событиях, были охвачены огромным возбуждением, в котором сконцентрировалось всё то, что в течение лет накапливалось как опасение перед грядущими событиями. И на это настроение необходимо обратить внимание. Кто не желает обращать внимание на это настроение, то будет всегда заниматься пустой фразеологией.

Если хотят характеризовать это настроение, надо делать это с самых разных точек зрения. Но я хочу обратить внимание только на одну. Предшествующим было одно событие, хотя и непрямо, но очень сильно связанное с началом войны; его следует рассматривать наряду с другими европейскими событиями, если хотят правильно оценить его. Это принятый после Балканской войны проект немецкого закона об обороне, обеспечивший посредством одноразового крупного оборонного вклада увеличение немецкой армии. Это увеличение немецкой армии, которое, впрочем, в начале войны было проведено далеко не полностью, каждый может изучить в связи с результатами Балканской войны. Эти результаты как раз и показали, что в неопределённом будущем надвигается столкновение между Россией и Австрией. Только вследствие отношений, которые я здесь не хочу описывать, в 1913 году удалось воспрепятствовать уже тогда возможному нападению России на Австрию с целью приобретения протектората и контроля над Балканской конфедерацией. Увеличение немецкой армии последовало ни по какой иной причине, - как было сказано, сегодня я хочу, чтобы мои фразы были очень точными, - как только из-за угрозы столкновения с Востоком. Тем не менее, сразу же вслед за этим последовала французская реакция: раз Германия увеличивает свою армию, мы тоже должны сделать нечто для усиления армии. Но это означает ни что иное, как то, что для Средней Европы было судьбой, неизбежной необходимостью: заблаговременная подготовка в сторону Востока всегда вызывала усиление на Западе, что естественно вызывало ответную реакцию.

Именно так развивались тогда эти вещи. Именно всё то, что связано с этим проектом оборонного закона после Балканской войны, создавало страшную тревогу в Средней Европе, так как было видно, что вся периферия Европы направлена против Средней Европы. Разница была лишь в

том, что некоторые верили, будто бы Италия несмотря ни на что будет каким-либо образом сопутствовать Средней Европе, хотя другие больше уже не предполагали и этого.

Всё ещё можно было думать, - гипотетически, - что Мировая война не разразится. Но это могло бы произойти лишь при условии, что Россия не будет сразу же отвечать угрозой военного наказания, то есть мобилизацией, которая при существующих условиях означала угрозу военного наказания. Для Средней Европы нельзя было и думать о том, что Франция не сможет пойти с Россией, но следовало считать, что нападение последует на двух фронтах. По отношению к такому нападению у ответственных лиц могла тогда возникнуть лишь одна мысль - каким-либо образом парализовать его. Никто из тех, кто был ответственным за это дело, не мог даже помыслить: мы можем в течение четырнадцати дней проводить конференцию! - Не говоря о том, что на такой конференции ничего не могло произойти, как я вам показывал, это означало бы верное поражение. Но нельзя же было заранее рассчитывать на неизбежное поражение. Была единственная возможность посредством быстроты уравновесить огромное военное превосходство Запада и Востока.

Но осуществить это никаким другим путём, кроме как, - как я вам уже указывал, - путём нарушения международного права, а именно посредством прохода через Бельгию. Другим путём было невозможно достичь чего-либо другого, как только использовать большую часть немецкой армии на Западе в долгой оборонительной войне и получить интервенцию с Востока. Тут наступил как раз тот самый исторический момент, когда, - можно считать это более или менее разумным или неразумным, - ради самосохранения государство было вынуждено пойти на нарушение права. Те, кто несет ответственность за государство, не могут сделать ничего иного. Однако, - как сказано, я сегодня взвешиваю каждое моё слово, так что они четко очерчены, - в Средней Европе для многих людей, которых это касалось, было в высшей степени неприемлемо встречать (противника) на двух фронтах.

Так была предпринята попытка обойтись по возможности одним фронтом. Аккуратная, по крайней мере, казавшаяся аккуратной попытка была предпринята, чтобы нейтрализовать Францию. Причинять что-либо Франции тогда не думал в Средней Европе ни один человек. Можно заявить с чувством большой ответственности: никто не хотел что-либо

причинять Франции, никто в Германии. Что происходило потом, происходило из соображений как можно скорее разделаться на Западе, чтобы защититься от интервенции, грозившей с Востока. Поэтому можно только постоянно удивляться, что в мире так много говорилось о терроризме, развитом со стороны Германии по отношению к Западу. Весь терроризм был бы устранён, если бы Франция объявила о своём нейтралитете.

Франция имела средства, чтобы защитить себя и Бельгию от любого нападения. То, что Франция была вынуждена соблюдать свой договор с Россией, это дело Франции, это не учитывают, если говорят о терроризме Германии; ведь союзы других государств неприемлемы для государств, враждебных первым.

Так как было невозможно нейтрализовать Францию, была предпринята попытка сделать это при посредстве Англии, но ничего достичь не удалось; я уже неоднократно касался этих отношений: как Англия тоже держала в своих руках спасение Бельгии и точно также спасение Франции. Эти вещи надо конкретно и объективно принимать к сведению. Ибо я прошу вас рассматривать как совершенно объективное следующее утверждение: после того, как война между Австрией и Сербией не была локализована, ибо этого не допустила Россия, все усилия были направлены на то, чтобы по крайней мере не дать ей вторгнуться на Запад. Люди в Средней Европе поистине не были охвачены безумием, чтобы желать сражаться на двух, или позднее даже на трёх фронтах.

Но в наше нынешнее время не стоит удивляться тому, что всё остальное было прибавлено как мировая неправдивость; в наше время можно каждый день заново удивляться тому, как всё говорят, пишут и публикуют. Перед тем, как придти сюда, я нашёл лежащую на моём столе брошюру одного участника дебатов с *Георгом Брандесом* о нейтралитете. С английской стороны это был Уильям Архер, в чьей брошюре можно прочесть о сопоставленных друг с другом черных гнусностях Германии и полнейшей невинности «the Allies» то есть Антанты. Для сопоставления черных гнусностей Германии и ангельской, полной невинности Антанты здесь приводится десять пунктов; но достаточно обратить внимание лишь на один, второй пункт: во втором пункте в отношении Германии говорится, будто бы там имеется значительная партия, которая открыто агитирует за дальнейшую территориальную экспансию, будь она в Европе или вне неё. Этому противопоставляется со стороны Антанты - на

английском языке: Антанта не имела ни малейшего желания каких-либо территориальных экспансий, тем менее за счёт Германии; даже чувство Франции по поводу Эльзаса и Лотарингии было исключительно миролюбивым.

Мои дорогие друзья, в наше время многое можно напечатать и сказать! Другие девять пунктов имеют ту же самую окраску. Когда представляют себе, что произошло в последние десятилетия как экспансия со стороны Англии и Франции, а затем читают: эти страны не имели желаний в отношении территориальных экспансий. - Это только сегодня стало вполне возможно говорить и печатать то, что прямо противоположно истине, да так, что люди этому верят, бесчисленное множество людей этому верит.

Так обстоят эти дела чисто внешне, исторически. Надо, однако, сопоставить этот внешний исторический ход с тем, что преподносится нам, если мы знаем, какие импульсы с Запада действовали на протяжении долгого времени. Ещё не со всеми теми импульсами, которые в большей или меньшей степени служат оккультным силам, и которые обсуждались, имеют дело, если указывают только, - я мог бы сказать, - на наиболее внешние интриги этих оккультных импульсов: на масонство. Ибо посредством западного масонства, как вы видели, делается многое. Я говорил вам: в этих делах надо считаться с долгим промежутком времени.

Давайте, в соответствии с той точкой зрения, которую я развивал вам, обратим внимание на то, что современное масонство в Англии, само собой разумеется, построенное на более раннем, консолидировалось в начале 18 столетия. Внутри Британского государства, не Империи, но Соединенного королевства, масонство оставалось в существенном таким, - я хотел бы, чтобы выразаться точнее, сказать, - что оно преследовало весьма респектабельные интересы. Но повсюду в других местах, во многих местах вне самого Британского государства, масонство исключительно или главным образом преследовало политические интересы. Такие политические интересы в самом ярко выраженном смысле преследовались «Великим Востоком Франции» ("Grand-Orient de Frans"), а также и другим «Великим Востоком» ("Grand-Orients"). Можно сказать: какое отношение к англичанам имеет то, когда в других странах политические тенденции преследуются известным масонским орденом, имеющим оккультные подосновы? Сопоставьте, однако, с этим такие факты; первая высокоградуированная ложа в Париже была основана из

Англии, не из Франции! Не французы, но британцы основали её; они лишь затянули французов в свою ложу, подобно нитке в иголку. Сопоставьте с этим то обстоятельство, что уже, примыкая к этой ложе, основанной из Англии в Париже в 1725 году, затем в 1729 самим Гранд-Ориентом было санкционировано первое основание соответствующей ложи в Париже. Затем последовало, опять-таки из Англии основание в Гиблартаре 1729, Мадриде 1728, Лиссабоне 1736, Флоренции 1735, Москве 1731, Стокгольме 1726, Женеве 1735, Лузанне 1739, Гамбурге 1737. Я мог бы и дальше продолжить это перечисление; я мог бы показать вам, как в качестве одной сети, хотя и иного характера, нежели в Британском государстве, эти ложи были основаны как внешний инструмент известных оккультно-политических импульсов. Наряду с радикальными переменами, которые обнаруживались исторически в фуроре якобинцев, политических делах карбонариев, кортесов в Испании и в других подобных связях, они играли сильную роль в культурно историческом развитии и пускали побеги, которые можно исследовать вплоть до трудов великих мыслителей того времени. Можно напомнить о натурфилософии Руссо, о становящейся всё циничнее, но, всё же действующей в духе Просвещения критической философии Вольтера, напомнить об усилиях иллюминатов желающих преодолеть тогдашний цинизм, и других подобных кругах. Эти прогрессивные круги были растоптаны реакцией и подпольно продолжали действовать дальше в разных формах. Тут вы имеете первоначальный источник многого, что я уже характеризовал вам. Но вы должны по достоинству оценить то, что говорят сегодня английские масоны: посмотрите на наши ложи, они вполне приличны - а другие нас не касаются. Однако если посмотреть исторические связи и движущие силы в изменчивой игре направленные друг против друга, то в целом это и есть скрывающая себя за ними высшая британская политика.

Если спрашивают о глубинных причинах этой политики, то, чтобы понять это дело надо немного взять на помощь новую историю. С 17 столетия, - а подготовка началась уже с 16 столетия, - она исходит из демократизации, когда в одной стране с большей, в другой - с меньшей скоростью, власть отбирают у меньшинства и распространяют её в большую массу. Я не занимаюсь политикой, поэтому не буду высказываться ни за, ни против демократии или за или против чего-либо другого; я только хочу предоставить факты.

Движение за демократию идёт в новое время в более или менее ускоренном темпе, так что при этом образуются различные течения. Но было бы ошибкой всюду, где выявляются многие течения, исследовать лишь одно. Течения эти протекают по миру так, что всегда одно является дополнением другого. Я бы хотел сказать: зеленый и красный поток бегут рядом друг с другом, при этом окраска не означает ничего оккультного, но должна лишь свидетельствовать о том, что эти два потока бегут рядом друг с другом. Однако люди обычно бывают, я бы сказал, как под гипнозом, смотрят лишь на один поток, а параллельного исторического потока не видят. Если курице прижать клюв к земле и провести линию, то она, как известно, побежит вдоль этой линии. Так и люди сегодня, особенно университетские историки, рассматривают всегда только одну сторону, и потому не могут действительно понять ход истории.

В качестве течения, идущего параллельно демократическому, имеет место использование оккультных мотивов в различных орденах, разделённых на масонские ордена. По своим намерениям и целям они не являются духовными, но, скажем, развивают духовную аристократию параллельно демократии, действовавшей в период французской революции; развивают аристократию лож. Если в нынешнее время человек желает ясно видеть то, что открыто выступает в мире, и хочет понять его, он не должен дать ослепить себя демократической логикой, которая правомерна лишь в его собственной сфере, ослепить себя фразами о демократическом прогрессе и так далее; он должен указывать на то маленькое «приложение», которое реализуется в устремлениях создать меньшинству господство с помощью средств, которые имеются в недрах лож, в ритуале и его суггестивном воздействии. Вот на что необходимо также указывать.

В материалистическую эпоху делать это разучились, но до пятидесятых годов на эти вещи люди уже указывали. Раскройте философских историков до 1850, и вы увидите, что они указывают на связь с ложами как французской революции, так и всего дальнейшего развития. В то время, которое рассматривается как подготовительное для современности, ни западное историческое развитие, ни западный мир никогда не были эмансипированы от лож. Влияние лож всегда было сильно действующим, система лож умела находить каналы, чтобы напечатлеть человеку мысли известной направленности. И если человек запутывался в

такую сеть, откуда я показал вам лишь отдельные петли, отдельные трюки, то надо было только нажать на кнопку, и дело шло дальше.

Эмансипация от всех этих отношений, возможность утвердить себя на объективных чисто человеческих началах появлялась лишь благодаря влиянию великой духовности, которая развивалась в Лессинге, Гердере, Гёте и далее вплоть до немецкой философии. Тут вы имеете некий духовный поток, - достаточно только у Гёте обратить внимание на «Сказку о зеленой Змее и прекрасной Лилии», - там принимается в расчет всё то, что жило в ложах, но так, - вы могли бы прочесть эти вещи в «Странствиях Вильгельма Мейстера» и других сочинениях Гёте, - что эти тайны извлекаются из мрака лож и становятся чисто человеческим делом. Это был материал, с которым можно было эмансипироваться, материал, который ещё и сегодня делает возможным такую эмансипацию. Поэтому смотрите на всё немецкое духовное развитие по отношению к той части, которую я описал в моей книге «О загадке человека», как на забытый отзвук, совершенно независимый от всех махинаций системы лож.

Вы всюду в рамках западной культуры последних столетий, предшествовавших современности, сможете найти пути, на которых можно указать следы мыслей эзотерического мира, сделанные благодаря эзотерике лож. Само собой разумеется, это не относится ко времени до Елизаветы, до Шекспира; но к тому, что было позднее, это относится. Немецкая духовная культура, примыкающая к Лессингу, Гердеру, Гёте находится уже вне такой связи. Вы можете сказать: но ведь есть и немецкое масонство, - в Австрии оно, как известно, запрещено, там его нет, - есть и венгерское масонство. Но эти не позволяли себе действовать вместе с другими. Это довольно безобидное Общество; оно хотя и тесно работает со своими тайнами, но только на словах. Те реальные, мощные импульсы, которые исходят с той стороны, и которые я описал вам, вы, вероятно не найдёте в немецком масонстве, к которому мне не хотелось бы подступать слишком близко; поэтому можно легко понять, как могут проявляться некоторые очень странные вещи. Представьте себе, что кому-то пришлось бы на ум высказывать в Германии те вещи, которые я говорил вам об орденах, их тайных связях и их чисто внешних махинациях, о масонских ложах. Это могло бы быть очень полезным, высказать там эти вещи, но что бы из этого произошло? Само

собой разумеется, стали бы компетентно спрашивать, - а компетентными в таком случае являются сами масоны, - как обстоит дело; но ни одному масону в Германии не пришло бы в голову говорить нечто иное, как только то, что английские ложи совершенно не занимаются политикой. Они занимаются лишь теми вещами, которые исключительно респектабельны. - Это он знает; другого он как раз не знает. Можно даже, как это происходит, получить в ответ при упоминании того или иного имени: да его нет в списках масонов. - Они имеют списки, но не сознают того, что, может быть, наиболее важные люди не включены в список. Короче, немецкие масоны - это довольно безобидное общество.

Однако при этом остаётся только признать, - и это говорится без какого-либо высокомерия, без какого-либо национального аллюра, - что духовная жизнь, насколько она культивируется некоторыми западными оккультными братствами, на самом деле происходит из Средней Европы. Обратитесь к трудам по истории. Роберт Флудд: последователь Парацельса; Сен-Мартен во Франции: последователь Якоба Бёме. Если вы ищите первоначальный источник самого движения, то вы имеете их в Средней Европе. С Запада приходит организация, разделение на градусы - некоторые западные ложи подразделяются на девяносто два градуса, представьте себе, на какую высоту они подняты, есть люди с девяносто вторым градусом! - с Запада приходят использование этих вещей в политическом смысле и смесь некоторых показных формальностей.

Теперь мы снова имеем пример того, что действительно характерно, и на что я уже обращал внимание. Я описываю всё это лишь для того, чтобы вы могли обратить внимание на объективное положение дела, поскольку эти естественные исторические дела описываются не ради какого-либо национального аллюра. Я обращал ваше внимание на появившуюся сейчас книгу сэра Оливера Лоджа, в которой он передает сообщения своего сына, погибшего на поле сражения, сообщения, которые он получил благодаря различным медиумам. Книга такого замечательного учёного без сомнения производит большое впечатление. Мне не надо, после того, как я получил эту книгу, отказываться от того, что я сказал вам некоторое время назад. Я сказал, что буду вновь говорить об этом деле. Самое сильное доказательство, которое даёт сэр Оливер Лодж, следующее: были проведены сеансы с разными медиумами и душа павшего на поле битвы,

умершего Раймонда Лоджа проявила себя. Другие сеансы не свидетельствовали ни о чём, чего бы не знал каждый, кто знаком с этими вещами; они не производили особого впечатления. Но один факт произвел большое впечатление на крупного учёного сэра Оливера Лоджа, на его семью, которая до тех пор была очень скептически настроена по отношению к таким вещам. На одном сеансе говорили о групповом снимке, на котором вместе с другими был сфотографирован сын Оливера Лоджа. Этот групповой снимок, который потом даже неоднократно делали повторно, описывали так, что находящиеся на нём лица видны на том же месте, но на новых снимках размещены иначе; так что видели всегда одних и тех же персон, но с различными жестами. Этот групповой снимок с Раймондом Лоджем был описан с помощью медиума на сеансе, проведенном в Англии. Однако ни сэр Оливер Лодж ни его семья ничего ни знали об этой фотографии, так как она была сделана в последний период жизни Раймонда Лоджа на французско-бельгийском фронте; Раймонд Лодж послал её своим ближним, но она ещё не пришла. Так с помощью медиума была описана групповая фотография которая существовала, но была неизвестна семье, то есть участникам сеанса; они познакомились с ней, но уже после того, как она была описана медиумом.

Конечно, для дилетантов в оккультизме это было нечто крайне ошеломительное; ибо, что можно было подумать, если описывается снимок, групповая фотография, которая не была известна в той местности и месте, где состоялся сеанс. Ни семье, участникам сеанса она не была известна; само собой разумеется, что медиум тоже не знал её, так как она ещё не пришла в Англию, она была ещё в пути. Она пришла позднее. И, тем не менее, было дано точное описание того, где сидит Раймонд Лодж, где сидят остальные, даже, как он положил руку на плечо одного друга. Что могло быть убедительнее, чем это?

Но, видите ли, так как интерпретировал эту вещь сэр Оливер Лодж, это могли сделать только дилетанты в оккультизме. Ибо сэр Оливер Лодж не знал ничего особенного, только исследовал литературу, например *Шуберта* и подобных ему людей, которые в Германии ещё писали кое-что о таких вещах в первой половине 19 столетия; так он нашел многочисленные примеры того, что хорошо известно каждому настоящему оккультисту: то, что при погашенном сознании можно видеть будущее. Простейшим случаем видения будущего является то, когда кто-то в

припадке сомнамбулизма видит похоронную процессию, которая на самом деле состоится через пару дней; данный человек ещё не умер, а кот-то уже видит похоронную процессию. Так видят будущее. Это нечто вполне обычное при погашенном сознании. Теперь подумайте о том, что произошло: фотография была сделана во Фландрии, фотография находится на пути в Англию; должен был наступить момент, когда фотография попала им на глаза и была ими осмыслена, когда ближние уже имели её в своих мыслях. Это и увидел медиум как образ будущего. Предсказал ли человек, что видел похоронную процессию, предсказал ли он, что семья получит однажды групповую фотографию с их сыном, фотографию, на которой все будет так то и так то, - это, в сущности, точно то же самое явление. Это всего лишь предсказание будущих событий. Это один феномен.

Если бы человек знал кое-что о настоящих оккультных фактах, он бы не мог дать такую интерпретацию. Но вся эта интерпретация реализовалась потому, что оккультные ценности, оккультные законы воспринимались на материалистическом уровне, что человек не хотел содействовать тому развитию, которое во внутренних процессах охватывает духовный мир; он хотел иметь перед собой спиритуальное чисто материалистически, как в лаборатории. Это и есть материалистическое огрубление спиритуального, которое произошло также и с сэром Оливером Лоджем. Но это всего лишь один пример того сорта, как сейчас обращаются со спиритуальным. Эти вещи можно наблюдать, если посмотреть, как идут они дальше от Парацельса к Флудду, От Якоба Бёме к Сен-Мартену; повсюду здесь имеет место материалистическое огрубление, материализация.

Мы, как Антропософское Общество тоже смогли спастись от материалистического огрубления, от материализации лишь благодаря тому, что эмансипировались от Теософского Общества. Ибо в социальные действия глубоко внедряются импульсы, исходящие от тех объединений, как я вам их характеризовал. Само собой разумеется, я снова даже должен просить вас, не понять меня неправильно. Я не говорю, что это заложено в само собой понятном характере западных народов; но это имеет место и оказывает влияние на ход истории. Дело совершается не без влияния на ту неправдивость, которая воздействует теперь ужасающим образом. Я просто обязан направить ваше внимание особенно

на эту неправдивость, ибо эта неправдивость, эта ложь выступает таким образом, что она всё время принимает форму жалоб, обвинений других. Чем является печальная «Сильвестерская нота» (имеется в виду «Сильвестерский сюрприз»: совместная нота от 31 декабря 1916 г. десяти больших и малых государств Антанты президенту США Вудро Вильсону в качестве ответа на его «Призыв к миру» от 18 декабря 1916 г. Нота содержит в том числе следующую фразу: «Исторические факты в настоящее время подтверждают наступательную волю Германии и Австро-Венгрии в целях обеспечить себе преимущественное господство в Европе и экономическое господство во всём мире.» - примеч. перев.) - чем является достойная сожаления «Сильвестерская нота», как не подготовленной с извращением фактов жалобой; она извращает точно также, как и то, что было зачитано мною от мистера Архера. Однако видно, как эти вещи, получив доверие, начинают играть свою роль. И если пройдёт ещё несколько недель, люди будут забывать о непонятой миром возможности достичь мира, - случилось так, что она была сорвана силами периферии; люди в Европе снова начнут верить в то, что мирные предложения были отклонены Антантой из любви к людям, высшей гуманности; отклонены со странной мотивацией, - что стремясь к миру, надо ему препятствовать. Но даже такая гротескная неправдивость находит сегодня веру. Ито, что этой неправдивости могут верить, касается распространения того оккультизма, который я вам описал. Ибо, в сущности, злейшая коррумпированность, продажность души, состоит в том, когда рядом друг с другом пишут фразы подобные, как я вам сообщал, чёрной и белой воронам. Однако, эта душевная коррупция возникает в той атмосфере, где действует те организмы, которые я отобразил вам.

Однако в этом отношении, - это можно сказать со всей объективностью, - в Средней Европе существует тенденция к эмансипации. Всё, что проявилось как средневропейская духовная жизнь от Лессинга, Гердера. Гёте и так далее, - это вы в достаточной мере видели из различных сообщений, даваемых по ходу нашей антропософской жизни, - всё это расположено к тому, чтобы постепенно развиваться в сторону спиритуальных миров; но не расположено на продолжительное время заключать какой-либо компромисс с тем, что живёт в тех течениях Запада, которые я характеризовал вам. Это невозможно. Вот почему эти вещи

выступают иным образом. Вернёмся к *Фихте*, которого на Западе сегодня уже ругают, к его «Речам к немецкой нации». Какая цель предстояла перед глазами Фихте? Самовоспитание немецкого народа! Он не хотел, чтобы посредством его «Речей к немецкой нации» были затронуты другие, но говорил о том, что немцы должны понять, что они должны самих себя сделать лучше. Однако истинное, назовём его «гениальностью», - именно то, что возникло в Германии, - было понято неправильно. Точно также как из простодушной, ничего не значащей песни «Deutschland, Deutschland ueber alles» - которая не означает ничего иного, - надо только прочесть следующие строки, - кроме любви к отечеству, ибо здесь приведена всего лишь часть отечества, - из этой простодушной песни сделали гротеск, так и Фихте можно при желании понять неправильно, поскольку он начинает свои «Речи к немецкой нации» следующими словами: « Я говорю просто для немцев и от просто немца». Но почему он так сказал? Потому, что Германия (была) раздроблена на свободные маленькие индивидуальные государства, и он не хотел говорить к пруссам, швабам, саксонцам, и, насколько я знаю, ольбденбургцам, мекленбургцам, австрийцам и так далее: он хотел говорить к немцам. Обобщить эти индивидуальности, - вот о чём у него шла речь. Итак, это было дело, которое он делал с самими немцами Я не хочу хвалить немцев, но ради характеристики можно приводить такие вещи.

Сегодня я привожу эти вещи, поскольку наметилась тенденция говорить в центре иным тоном, нежели на периферии. И если нашему антропософскому делу отчасти присущ этот другой тон, то и среди нас можно кое-что сказать. Как раз сегодня я получил одну брошюру нашего друга Людвиг фон Польцера, который работал здесь. Людвиг фон Польцер: «Наблюдения во время войны». Видите ли, это очень интересно, - согласитесь ли вы вплоть до подробностей или нет с тем, что говорит наш друг Польцер, его мало занимает нападения и ругань относительно других, зато, однако, он очень журит своих австрийских соотечественников. Он думает, прежде всего, о том, чтобы говорить, обращаясь к ним. Само собой разумеется, что он по своей карме австриец, но своим австрийским соотечественникам он читает нотации. Тут мы не читаем: мы, мол, невинны, мы никогда не делали того или иного, мы всегда - белые ангелы, а все остальные - чёрные черти, - нет, там читают следующее:

«Почему человечество ненавидит и терзает самоё себя? Действительно ли существуют такие внешнеполитические различия во мнениях, чтобы делать необходимыми страдания так многих людей? Борющиеся партии полагают, что знают, ради чего это происходит, но ничего не знают о действительности.

Погибающая, декадентская культура ведет эту свою смертельную борьбу. – Центральные государства, которые борются за первые ростки чего-то нового, ещё не знают его, они борются за то, что ещё им неизвестно, и сами ещё целиком проникнуты тем образом мыслей, против которого их солдаты проливают кровь на войне.

Вырождающаяся старость должна быть извергнута, и потому видно, как мощно разрастается она напоследок. Но разве у нас мы не встречаемся с ним на каждом шагу, - с образом мыслей Антанты, носительницы старой декадентской культуры? – Разве он не заразил и нас? – В области моды эта старая культура перенесена в закоулки, она воплощается в архитектурном стиле, выглядывает из рекламы, в хозяйственной жизни она устраивает оргии, она побуждает к чванству в организационном безумии и бюрократии, в ложном тщеславном гуманизме она обманывает самое себя, пресса стремится превознести у своей подруги-Антанты любовь к истине, и так далее.

Такова она для нас, эта Антанта: как она бушует и отдыхает в собственных странах и задаёт работу для храбрых солдат и соотечественников, из которых почти уже все погибли жертвенной смертью. Все что тут отвращает, бурно разрастается и у нас – в последний раз перед гибелью, - все это не немецкое».

Итак, то, что он порицает в отдельных странах, он называет «не немецким». Он в первую очередь обращается к совести своих соотечественников. Это хорошо, что это преподносится, будучи созвучным с нашими устремлениями и в связи с ними. Мы не можем быть согласны со всем, - фраза за фразой, - что выступает среди нас. Было бы прекраснейшим достижением именно то, чтобы мы самостоятельно перерабатывали всё, что мы сохраняем посредством своей индивидуальности, что мы не принимаем как догму, или на основе авторитета. Вещи, которые должны получать признание, должны быть таковы, чтобы получать это признание благодаря самим себе, а не посредством авторитета. Однако мы должны единодушно стоять вместе, если нашему Обществу суждено иметь смысл. К этому,

конечно, относится и то, что мы обращаем внимание на происходящее среди нас, что мы воздаём некоторую признательность тем, кто идёт вместе с нами и кто прилагает усилия для того, чтобы то, что происходит в нашем Антропософском Обществе, выносилось в мир таким образом, чтобы оно было действительной интенцией нашего Общества. Именно разумная проработка импульсов времени с нашей точки зрения является тем, что мы можем сделать, для того, чтобы помочь этому времени. Мы не должны терять мужества, если вещи развиваются столь неблагоприятно; ибо, если на этом временном отрезке дела становятся столь фатальными, мы можем вспомнить мысль Лессинга: да разве вся вечность не моя? – мысль, которая подходит к каждому отдельному человеку.

В отношении правильной оценки и полезности того, что среди нас осуществляется, мы должны, я бы сказал, усвоить себе добрые нравы. В этой связи я смею, не желая говорить кому-то что-либо неприятное, всё же упомянуть кое-что. Журнал «Das Reich» Александра фон Бернуса прилагает все усилия к тому, чтобы двигаться в русле нашего течения. Что из того, если кто-то согласен или не согласен с той или иной статьёй в этом журнале? Можно ведь быть по-хорошему не согласным со многим. Однако со стороны наших членов именно в области данных устремлений делается много ошибок. Когда человек видит, как со всех сторон раздаётся ругань, он может сказать, что действительно неправильно – бросать камни на дорогу тем стремлениям, которые честно соответствуют смыслу нашего направления. Конечно, каждый может сформировать своё суждение о тех домыслах, которые Александр фон Бернус сделал в дополнение к известному оккультному учению, которое является центральным для нас. Но то, что из среды наших членов большим потоком поступают грубые письма, я считаю совершенно излишним. Ибо куда мы придём, если плохо относимся к тому, что выступает за нас, а о том, где нас ругают, как правило, заботимся очень мало и позволяем этим людям спокойно ругать нас?

По этому поводу я бы хотел обратить ваше внимание на этот журнал «Das Reich», который прилагает усилия способствовать нашим устремлениям, так как на вопрос, который может быть поставлен: а что же мы можем сделать? – я хотел бы ответить: для этого и предпринимаются эти рассмотрения, чтобы дать ответ! – Что мы можем сделать? К современным обстоятельствам мы можем приложить

понимание их в смысле нашей антропософски ориентированной духовной науки! Ведь чем была бы для нас эта духовная наука, если бы мы не были в состоянии преодолеть позицию человека, который в настоящее время во всех областях Европы говорит о честолюбивых национальных претензиях и тому подобном и формирует события в смысле этих честолюбивых национальных претензий. В рамках Общества, которое служит антропософски ориентированной духовной науке, никто не должен становиться неверным сыном своего народа или отрекаться от того, от чего он отрекаться не должен, поскольку он скован с определённым народом вследствие своей кармы. Но никто не является настоящим антропософом, кто закрывает глаза в отношении чудовищных событий, происходящих в современности, даёт себя оглушить всем тем оглушающим средствам, которые используют сегодня некоторые власть имущие, чтобы не быть вынужденными сказать, к чему они, в сущности, стремятся. Поэтому позвольте указать на то, во что легко поверить, если это доходит до нас в сентиментальной форме, в то время как по сей день за кулисами должны оставаться скрытыми те оккультные события, которые всегда скрывались за кулисами, за которыми эти оккультные события разыгрывались.

Ибо нам должно быть ясно, что снова могут наступить времена, - я очень осторожно подбираю теперь мои слова: итак, я говорю - могут наступить времена, когда, поскольку совсем не желают мира, борьба может принять ожесточенный характер, возможно, более жестокий, чем это уже было, если с какой-либо стороны не выступит нечто, чтобы препятствовать этой жестокости. Тогда снова появится возможность говорить о жестокости Средней Европы; тогда под хламом и развалинами будет погребен тот факт, что жестокость это могла бы быть приостановлена, если бы на мирные предложения не отвечали бычьим рёвом. Установление мира находилось в руках периферийных сил. Но придёт время, - совершенно не исключено, что такое время, несмотря ни на что, придёт, - когда снова будут говорить: немцы совершили то-то и то-то против международного права.

Да, мои дорогие друзья, тот, кто окружен и блокирован, того окружившие будут упрекать в том, что он защищался со всех сторон, после того, как его к этому принудили; будут игнорировать, что он делал то, что принято делать, будут

видеть в этом нечто чудовищное. Поэтому рядом со всем тем, что, например, могло произойти в Бельгии, надо ставить и тот факт, что всёму произошедшему в Бельгии могла воспрепятствовать Британская Империя.

Вот почему очень грубо звучит и остается неправдивостью то, когда говорят о жестокости в Бельгии, и не обращают внимания на то, как легко можно было бы препятствовать этому с английской стороны.

И конечно, просто, само собой разумеется, будут переживать трагическую судьбу Франции, но ведь от Франции зависело, участвовать ли ей в этой войне. Армия была не в состоянии вести бесполезную оборонительную войну, после того как стало видно, что Франция при всех обстоятельствах будет участвовать. Легко говорить, что можно было бы просто стоять друг против друга на границах; это было невозможно, поскольку русско-французский милитаризм намного превосходил то, что называют прусским милитаризмом.

Видеть эти вещи в их правдивости мы можем, несмотря на принадлежность к одной или другой группировке: я не говорю «должны», но можем. Если мы это проработаем и сделаем содержанием нашей жизни, тогда каждый на своём месте сможет выполнить то, что ему хотелось бы делать, когда он ставил вопрос: а что может сделать отдельный человек? - Если не найдётся всё больше и больше людей, лелеющих мысль о том, чтобы желанию войны, питаемому скрыто действующей властью, противопоставить общее европейское сопротивление, тогда крушения европейской культуры не избежать. Воля к войне уже с шумом мчится нам навстречу - из Японии, где распространяется империализм, который может оказаться много мощнее, чем в Британской Империи. Воля к завоеваниям выражается в призывах нового национализма, который как отголосок английского гимна «Правь Британия», звучит как «Правь Япония». Для того, чтобы вы видели, что у европейских сил есть причина не пренебрегать словом «мир», не пренебрегать содержанием мыслей о мире, я хочу зачитать вам следующий гимн, полученный из японских газет:

"Как прилив по молитве Бога
Япония поднимется на утренней заре,
Прозвучит через дальние миры
Зов с голубого свода небес,
Для власти, Япония, ты рождена, —

С утренним Солнцем гордо восстань
Госпожой Земли моей я избрал тебя
Утонет Европа в своей крови;
 Ненависть и слепая ярость её порвут
А ты, свободная от вины и ошибок,
Должна стать стражем этой земли.
Для власти, Япония, ты рождена.
С утренним Солнцем гордо восстань,
Госпожой Земли моей избрал я тебя”.

Вот что звучит с Востока. Так отвечает Восток плавающей в крови Европе. Но и в виду этого в Европе, все же есть люди, которые хотят пренебречь призывом к миру. Это факт, который мы не смогли достаточно глубоко обдумать.

ЛЕКЦИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ Дорнах, 13 января 1917

Именно в наше время мне кажется необходимым, чтобы члены нашего движения знали кое-что об отношениях в мире. Именно этому должны более или менее служить те рассмотрения, которые мы проводим здесь. Когда мы в нашем смысле говорим о духовной науке, то дело обстоит так, что мы должны проникнуться познанием того, как наш мир, который мы рассматриваем посредством физического рассудка и органов чувств, является откровением духовного мира. Пока духовный мир понимают только абстрактно, разделяют человека на составные части его существа, проводят всевозможные теоретические рассмотрения о карме и реинкранации, - чего мы, в сущности, никогда не делаем на уровне теории, - духовная наука не сможет стать действительно плодотворной для людей. Поэтому я самими разными способами направлял ваш взгляд на внешнюю действительность, всегда имея при этом перед глазами то, что стоит за этой внешней действительностью, будь это непосредственные оккультные факторы, оккультные импульсы, будь это оккультные импульсы, исходящие от людей, использующих их в том или ином отношении.

Для того, кто немного прозревает современные отношения, в будущем, при взгляде назад на наше время, будет всё яснее, что все старые формы исторических рассматриваний, господствующие сегодня, недостаточны для того, чтобы понять происходящее в современности. Вследствие этих отношений некоторые оккультные учения будут по необходимости давать зрелое познание о человеке, а те, кто будет игнорировать эти вещи, будут в будущем носить штемпель невежества и незнания.

Уже с 19 столетия для отношений, имевших место в прошлом, сложилась традиция чисто материалистически, на основе актов, так сказать, конструировать историю. Сегодня ещё не видят, что таким путём не приходят к действительному раскрытию исторических импульсов, а только лишь к описанию материалистических призраков - пусть это звучит парадоксально, но это так: к описанию материалистических призраков. То, что сегодня фигурирует в обще употребляемых справочниках и прочих сочинениях как история, фигурирует как изображения людей и отношений в прошлом вплоть до современности, является - при реалистичном рассмотрении, - призраком без действительной жизни. Оно и может быть только призраком по той причине, поскольку в основе всей действительности лежат оккультные импульсы, и если их игнорируют, получают всего лишь призрак. Поэтому отображение истории до сегодняшнего дня носило призрачный характер, но оно в некотором отношении наполняло души людей; оно в некотором отношении действовало. Трагедия нынешнего времени во многих отношениях представляет собой изживание кармы на фоне таких неправдивых, призрачных представлений, которые постепенно усваивались людьми. В рамках нашего движения мировой ход не может быть расколот на две разобщённые половины, а именно это охотно делают некоторые в нашем движении. С одной стороны они сибаритствуют в так называемых сверхчувственных представлениях, которые остаются более или менее на уровне абстрактных понятий, а с другой стороны на долгое время застревают в обычных воззрениях, которые они развивают о внешней действительности с помощью вульгарного рассудка, целиком и полностью опьянённого материализмом. Обе эти вещи - внешняя физическая действительность и духовное бытие должны быть связаны, то есть надо видеть, что на место прежнего рассмотрения истории, должно вступить то, что я назвал симптоматической

историей, благодаря которой будут изучать то, что историческое становление проявляется в некоторых феноменах сильнее, чем в других.

В последнее время я пояснял вам многое, возможно, слишком реалистически, однако, чересчур реалистически лишь по отношению к чувству, которое спрашивает: зачем он описывает нам вещи, о которых мы и так слышали? Взглянув поточнее, вы будете убеждены, что в том виде, как я вам их описывал, вы о них услышать не могли. А именно не могли услышать в том виде сопоставления, рассмотрения симптомов, в котором различные характерные подробности соединялись в живой охват действительности. Ближайший вопрос: так как же вообще осуществляются такие симптомы, о которых я сообщал вам? Вот в это мне хотелось бы немного углубиться.

В ходе времени я сообщил вам целый ряд фактов, отчасти таких, которые некоторые люди назвали бы ничтожно малыми фактами, как об уроженце Герцоговинской Воеводины *Войдаревиче*, или то, что я приводил вам о русско-славянском добровольческом комитете и так далее. Такие вещи в одной стороны могут легко рассматриваться как незначительные, но, с другой стороны можно было бы сказать: как мы вообще соединяем такие вещи? Как происходит то, что среди нас уделяется место историческому рассмотрению, в котором пытаются обобщить в единую картину далеко отстоящие друг от друга подробности? - Более вульгарным был бы вопрос, если бы кто-то поставил его мне, и который мог бы звучать так: как вы приходите к тому, чтобы распознавать и собирать в жизни именно такие вещи, которые надо расценивать как характерные для современных событий? - На это я мог бы дать ответ, который живо должен был бы показать бы вам, как духовная наука может вмешиваться в жизнь.

В ходе своей жизни человек достигает познания о таких вещах, если карма приносит их с собой, и если он допускает поистине прямой, правдивый бег кармы. Хотя кое-кто считает, что он предоставляет карме свободный ход, что он некоторым образом отдаётся карме; но это может быть большим заблуждением. Никто не может исследовать внешние события так, чтобы получить истину, если он по-настоящему не передастся карме, если он не пропустит многого вниз, в подсознание, многому позволит проскользнуть мимо своей души, ибо вследствие всяких симпатий и антипатий свободное созерцание помрачается.

Ничто не омрачает свободное созерцание в большей степени, нежели то, что сегодня называют историческим методом. Из-за этого исторического метода являются призраки, поскольку нынешний историк не может отделиться своей карме. Само собой разумеется, если бы он в ранней юности отдался своей карме, он проваливался бы на каждом экзамене, это совершенно ясно. Он не смеет отделиться своей карме и знать то, к чему приводит его карма, нет, он должен знать то, что ему предписывает экзаменационный распорядок, и так далее. А он предписывает исключительно те вещи, которые, само собой разумеется, рвут карму человека на куски, так что тот, кто просто плывёт по течению, которое ему предписывает, никогда не придёт к настоящей истине. К настоящей истине можно придти только тогда, если те вещи, которые обсуждаются в духовной науке, человек воспримет с жизненной серьёзностью, если он примет их не просто как теорию, но со всей жизненной серьёзностью. Конечно, он не сможет принять их с жизненной серьёзностью, если он позволит помрачить свой свободный взгляд всяким симпатиям и антипатиям. Надо более или менее объективно противостоять им, и тогда мировой поток принесёт человеку то, что необходимо для понимания. Частично к такой самоотдаче карме в отношении событий нашего времени можно отнести и тот факт, что вы, мои дорогие друзья, благодаря своей карме были приведены в Антропософское Общество. Поэтому в Антропософском Обществе может стать возможным говорить о фактах без симпатий и антипатий; иначе даже внутри этого Общества нельзя было бы принимать карму жизненно серьёзно. Такое введение я хотел предпослать рассмотрению, которое мы хотим провести, предпослать по той причине, поскольку хочу указать вам на некоторые важные оккультные факты, которые мы не могли бы понять, не зная, как соединить их с жизнью, не сумев пробиться через обильную, сумбурную чащу неправдивости, которая сегодня кружится по миру. Мир сегодня наполнен неправдивостью, и мы должны заботиться о чувстве истины в Антропософском Обществе, если в существовании этого последнего – независимо от того, как долго оно сможет просуществовать при нынешних условиях, – должен быть смысл, настоящий жизненный смысл.

Я, можно сказать, докучал вам самыми разными сообщениями, сделанными в последнее время, не только потому, что хотел то или иное представить вам в том или

ином свете, но потому, что я проникся важностью исправления некоторых понятий. Кто полагает, что я говорю эти вещи из какого-либо национального пафоса, тот меня совсем не понимает.

Среди тех тяжких обвинений, которые всё снова и снова выбрасываются со стороны периферии в сторону Средней Европы, середины, и в которых, как я уже часто говорил, звучит в той или иной форме высказываемая фраза, - высказать её в настоящей форме стесняются: ничего, немец прогорит - слышно также, как цитируют человека, известного в широких кругах в качестве губителя, соблазнителя немецкого народа. Одним из тех, которых цитируют в первую очередь, является немецкий историк Генрих Трейчке. Как сказано, я хочу рассматривать такую индивидуальность не с национальной, но с совершенно общечеловеческой точки зрения. Я упоминал вам, что я общался с Трейчке немного, я лишь однажды встретился с ним; в нём было нечто гремучее, как я тогда отметил. Сегодня я хочу сказать только то, что благодаря той встрече с Трейчке я смог составить себе представление относительно его существа и характера, потому что он говорил, конечно, не только то, что я приводил, как первые слова при знакомстве, но о понимании истории, об исторических публикациях, а они именно тогда, в девятнадцатом веке вызывали много сенсаций. Званный обед длился несколько часов, в течение которых удалось обсудить многие принципиальные вопросы об истории как науке, удалось познакомиться с человеком, который был на грани своей жизни, - вскоре после этого он умер, - кроме того, что мне были во всех своих нюансах известны его дела как историка.

Прежде всего, мне хотелось бы указать на то, что Трейчке был человеком дававшим повод к тому, чтобы немного рассматривать его с оккультной точки зрения. В том хорошем смысле как Сократ говорил о, своего рода демонизме, о своём демоне, в случае Трейчке тоже можно было сказать, что в нём обитал некий демонизм, не злой демон, но нечто демоническое. В его отношении не возникало чувства, что он движим только суждениями материалистического рассудка, но что он движим извне тем, что Сократ называл демоническими силами. Ими, я мог бы сказать, он был руководим в течение всей жизни. Саксонцы являются одухотворёнными запевалами становящегося немецкого государства; чему Трейчке оказал значительное содействие, когда это немецкое государство ещё не было основано. Свою

«Немецкую историю», во всяком случае, он написал только после основания этого государства. В нём жило весьма характерным образом, как это бывает в Средней Европе в отличие от её окружения, - где этого не только не желают, но не хотят, ни знать, ни понимать, - в нём жило, если можно так выразиться, - чувство конкретности, чувство истины. В нём жила некоторая антипатия против чисто абстрактных теорий, в отношении всякой фразеологии, причём выражалась с демонической силой, так что, можно сказать, через его личность можно было смотреть на духовную силу, которая говорила из него. Кроме того Трейчке довольно рано в жизни стал совершенно глухим, так что он не слышал ни голоса другого, ни своего собственного голоса, он общался лишь со своим собственным внутренним миром. Такая жизненная судьба отсылала человека к самому себе. Полное отсутствие слуха гораздо легче, чем в случае отсутствия другого органа чувств позволяет человеку, имеющему соответствующие задатки, вступить в связь с реальными оккультными силами, на которые не обращают внимания лишь потому, что его органы чувств отдаляют его от того, что помимо органов чувств говорит его душе. Такая карма, - рано стать полностью глухим, - имеет известное значение и связана с тем, что я в данном случае называю демонической природой.

Эта природа, это человеческое существо в противоположность многим, даже большинству людей нашего времени была сформирована как бы из некоего единства, некой цельности. В нём никогда не действовал только чистый рассудок, но, в сущности, всегда действовала вся душа. Доморощенных истин, на которые в любое время указывают в так называемых «логических доказательствах», мы имеем в мире достаточно; однако истины, проникающие в кровь человека, проникнуты тёплым человеческим чувством, которое хорошо заметно, стоит ли человек на той же самой или иной точке зрения. Ибо человек является каналом, посредством которого чувственный мир связан с духовным миром; к духовному миру приходят не только посредством изучения духовнонаучных теорий, но посредством усвоения чувства того, как отдельный человек представляет собой канал между чувственным миром и духовным миром.

Прежде всего, Генрих Трейчке был такой личностью, которая пыталась приобрести эрудицию и строить свои мысли на основе широких познаний, познаний, которые

возводились не с помощью рассудочных суждений, а на неких душевно-критических суждениях. Суждения всегда были горячи, вследствие этой душевной критики. Они всегда содержали в себе нечто шумное, крикливое, но они были теплы от этой душевной критики. И с этой точки зрения для Трейчке в центр его рассматриваний всегда ставился вопрос о человеческой свободе, которая для него, поскольку он был историком и рано подготовил себя, чтобы стать историком своего народа, был связан с вопросом о политической свободе, государственной свободе.

В немецкой литературе есть одно сочинение - вы могли бы с легкостью раздобыть его, поскольку оно появилось в рекламной универсальной Библиотеке, - которое весьма проникновенно разбирает вопрос о соотношении между всесилием государства и человеческой свободой. Итак, речь не просто о свободе, исходящей из внутреннего мира человеческой души, но о той свободе, которая реализуется в социальной жизни. Мне неизвестно другого произведения в мировой литературе, которое разбирало бы этот вопрос таким же проникновенным образом. Это произведение называется «Идеи, касающиеся попытки определить границы активности государства» *Вильгельма фон Гумбольдта*, друга Шиллера и брата писателя *Александра фон Гумбольдта*. В этом сочинении, написанном на стыке 18 и 19 столетий, весьма прекрасным образом берется под защиту человеческая личность в её полном, гуманном, свободном раскрытии, берется под защиту от всесилы государства. Указывается на то, что государство вообще не смеет вмешиваться в сферу человеческого существа, кроме как для того, чтобы своим вмешательством устранить препятствия для свободного раскрытия личности. Произведение возникло на той же основе, на которой Шиллером были созданы прекрасные письма «Об эстетическом воспитании человека». Они были созданы в то время, когда, исходя из духовной жизни, пытались соединить все мысли, которые могли правильным образом поставить человека на почву свободы. Этим сочинением по известным причинам в 19 веке не очень-то много пользовались: но оно всё снова изучалось теми, кто в течение 19 века хотел уяснить себе внешнюю сторону понятия свободы. Конечно, 19 век был тем временем, в которое понятие свободы было во многих отношениях погребено; но люди, всё же, хотели снова ориентироваться на понятие свободы, и именно с этой точки зрения труд Вильгельма фон Гумбольдта «Идеи, касающиеся попытки

определить границы активности государства» получили некоторое международное значение в Европе. От этого труда исходили и француз *Лабулье* и англичанин *Джон Стюарт Милль*; для них обоих труд Вильгельма фон Гумбольдта был важным исходным пунктом. Они со своей стороны, каждый в своей области пытались ориентироваться на понятие свободы. Лабулье находил, что учреждения его страны в смысле отношений между государством и индивидуумом способны похоронить под понятием государства всякую действительную свободу, то есть любое действительное раскрытие личности. Джон Стюарт Милль, исходя из Вильгельма фон Гумбольдта, после того, как он его открыл, в своём сочинении о свободе проникновенно сообщает, как английское общество способно подорвать настоящее переживание свободы. Именно сочинение Джона Стюарта Милля - у Лабулье это государство, а у Милля общество, - посвящено вопросу: как может человек прийти к раскрытию личности ввиду несвободы, построенной обществом?

Трейчке, снова душевно-критическим способом, о котором я только что говорил, примыкает к Лабулье и Джону Стюарту Миллю; его труд о свободе опубликован в начале шестидесятых годов. Сочинение Трейчке представляет собой особый, исключительный интерес потому, что он живёт в раздвоенности, будучи историком и политиком. Эта раздвоенность вносится в душу человека, когда эта душа с одной стороны признаёт необходимость такого социального образования, которое называют государством, а с другой стороны, воодушевляется в отношении того, что называют человеческой свободой. Итак, именно Трейчке, с Лабулье и Джоном Стюартом Миллем в шестидесятые годы (19в.) пытается изложить вопрос в отношении понятия свободы. В этом сочинении «Свобода» он пытается выработать понятие государства, которое не упраздняет необходимость, заложенную в государственном образовании, и всё же, с другой стороны подходит к тому, что государство могло бы быть не могильщиком, а побудителем и опекуном свободы. Вот такое понятие о государстве представляется Трейчке. Было время, когда на вопрос: где твоя малая родина? - от немцев можно было получить ответ: Шварцбург-Зондерхаус, - или Рейс-Шлейц младшей линии. В начале шестидесятых годов ещё не было того, что можно называть немецким государством. В то время, когда большое число людей думало о, своего рода, слиянии различных индивидуальных образований, в которых жили немцы, Трейчке уже думал о

необходимости образования государства. Но для него было, я бы сказал, аксиомой, что не должно возникать государство, которое не гарантирует человеческой личности по возможности большего свободного развития. И если нельзя сказать, что Трейчке пришёл к совершенно сформированным философским понятиям, то по отношению к точке зрения Трейчке в его труде о свободе сказано многое, очень достойное сердечного внимания.

Если воздают по достоинству Трейчке и хотят рассмотреть то, что важно для оккультиста, не следует упускать из вида, что Трейчке был бесстрашной личностью, которая не хотела служить никаким другим богам, как только истине. Это прямо-таки вершина глупости, когда сегодня со всех сторон слышны суждения о Трейчке, основанные на понятиях, не имеющих ничего общего с предметом. Ибо понятия, которые теперь распространяются по миру, по большей части не в состоянии даже хотя бы отдалённо достичь какой-либо точки зрения, по той простой причине, поскольку отсутствует то, на что я указывал недавно, когда говорил, что если бы отчасти допускали даваемую в духовной науке дифференциацию Народных Духов, никогда не стали бы говорить таких глупостей. Я имею в виду различные глупости, идущие частью от Ромена Роллана, частично высказанные о нём. Я должен был сказать об этом, поскольку проникновенное рассмотрение того, что можно назвать Народным Духом, возможно сегодня лишь в рамках духовной науки. Кто не желает иметь дело с этим, сможет придти только к таким совершенно субъективным и поэтому глупым суждениям, как Ромен Роллан.

Если же человек допускает то, что следует из духовнонаучного рассмотрения Народных Духов, тогда ему должно стать ясно, что у каждого типичного для своего народа человека, - а таким являлся Трейчке именно благодаря тому, что был демонической натурой, - выступают также известные типичные народные признаки. Это тоже имело место в случае Трейчке, и действительно можно сказать: если понимают Трейчке, понимают тем самым многое в немецком начале второй половины 19 столетия, не всё, но многое. Если имеют возможность достигать точки зрения, исходя из оккультизма, то надо - не в случае космополитических, но в случае национальных натур, - подойти к той основной разнице, которая существует между западноевропейскими и среднеевропейскими суждениями. Заметно, что такие вещи можно не учитывать по отношению

к общечеловеческому, но с ними надо считаться, если в мыслителе живёт демоническое начало народа. (Daemonisch-Volkhafte). Только с такими ограничениями я говорю то, что я должен сказать. Если на это народное начало (Volkstueemluche) смотреть так, как оно действует через человека, тогда имеет цену мнение одного американца, когда он сказал, - может быть лучше, если сейчас я буду использовать не мои слова, но слова того американца, поскольку для меня эти слова могли бы быть неуместными: французское суждение, особенно если оно носит народный характер - итак, не суждение отдельного француза, которое может быть космополитическим, но суждение, происходящее из народной субстанции, из народа, - итак; французское суждение живёт в слове; английское суждение живёт в политически-практичном понятии; немецкое суждение живёт в непатриотическом, не национальном поиске познания. - Так говорит один американец, который путешествовал по Европе. Однако отсюда следует, что известные суждения, составленные на Западе, рассматривают немецкую народную субстанцию иначе, чем она проявляется на Западе. На Западе она имеет абстрактный характер. Немец, именно как немец склонен составлять суждение в его конкретности и вследствие этого называет своим собственным именем многое из того, что на Западе, в сущности, никогда собственным именем не называют. Возьмём понятие, к которому мы подошли по ходу наших рассмотрений: понятие государства.

Трейчке в своих лекциях о «Политике», которые были напечатаны, говорил о государстве. О государстве, конечно, говорили очень многие люди; но теперь мы рассматриваем высказывания о государстве лишь постольку, поскольку они реализуются в рамках национальной, народной субстанции. На Западе о государстве охотнее говорят так, что это слово привязывают ко всевозможным понятиям, которые человек по какой-либо причине хочет связать с понятием государства. Так государству привешивают понятия свободы, права и всевозможные иные, и где только возможно удивительным образом размахивают фразами: государство должно быть лишено понятия власти, государство должно быть только правовым государством. - Это можно говорить до тех пор, пока не рассмотрим понятие государства реально. Но если человек подходит к понятию государства как Трейчке, то он приходит к тайне государства. Тогда он не требует, чтобы государство основывалось на положении: власть идёт

впереди права, - утверждение, которое клеветнически приписывается Трейчке; нет, тогда исходят из того, что понятие государства вообще немислимо без понятия власти. Это простая правда, потому что нет никакой возможности основать государство, как только основать его на власти. И если с этим кто-то не согласен, то он не представляет истины. Так что для Трейчке было необходимо говорить о государстве в связи с властью. Можно рассматривать как извращение, когда говорят, что Трейчке будто бы утверждал, что в немецком понимании государства власть предшествует праву. Но нет и речи о том, чтобы это пришло в голову Трейчке, но он в более сильной степени нес в душе смысл изложенного Гумбольдтом в его труде: «Идеи, касающиеся попытки определить границы активности государства». Поскольку государство должно развивать власть именно как необходимость, оно не должно быть всемогущим. Нельзя говорить о правовом государстве, поскольку это звучит как, - если и не деревянное железо, то, по меньшей мере, медное железо. Оба понятия являются, как говорят в логике, диспаратными, несовместимыми; им нечего делать друг с другом. Но к этому приходит только тот, кто принимает эти вещи серьёзно.

С этой же точки зрения Ницше пришёл к своему понятию о «Воле к власти». Это опять-таки грандиозная клевета, когда Ницше вменяют в вину, что будто бы он был представителем «Принципа власти». Он не представлял ничего иного, как только: необходимость наблюдать, насколько в действительности среди импульсов человека живёт власть. - Характерно то, что Ницше с этой точки зрения приходит к следующему. Он говорит: Есть люди, которые из аскетических положений выдвигают тезис, что с властью надо бороться. Почему они это делают? Потому что они вследствие своих особых свойств достигают некоторой власти, чтобы она боролась с властью! Это всего лишь их особая воля к власти - особо подчёркивать безвластие! Ибо это даёт им - именно на их манер - особую власть, аскетически подчёркивать безвластие. - То, что лежит в основе у Ницше, имеется и в рассмотрении у Трейчке, то есть: не обманывать себя, что X - это Y, говорить о вещах правдиво, а не бросаться фразами.

Однако это показывает вам, что ни Трейчке, ни Ницше не пришли к тому, чтобы внести в социальную жизнь какой-либо иной принцип, как только принцип власти; они пришли только к тому, чтобы показать, как всюду, где есть

государство, живёт власть, и что если хочешь говорить правду, нельзя высказать ничего иного, кроме этого. Я мог бы сказать, что у Трейчке действовала карма: дело в том, что абсурдно создавать себе чисто абстрактные, пустые понятия и выпускать их в мир. Он хотел охватить непосредственную действительность, в этом привлекательность его трудов. С этой точки зрения рассматривал он и понятие свободы, он говорил: вопрос, существует ли государство для того, чтобы требовать свободы, или не требовать свободы - вообще не вопрос. - Итак, он исходил из того, чтобы искать вещи там, где они живут в своей реальности. Я не хочу защищать это, но сегодня лишь характеризовать; поистине может быть бесстрашным человеком тот, кто хотел высказывать эти вещи так, как они давались ему благодаря его чувству истины, не будучи препарированы для агитации. Об этом препарировании для агитации сегодня заботятся повсюду. - Трейчке является бесстрашным мыслителем, который действительно исходил из того, чтобы всегда, при любых обстоятельствах, говорить без обиняков. Было бы разумнее - это я должен сказать ещё раз, - если бы указывали на то, что Трейчке становился своего рода воспитателем тех, кто хотел его слушать. Их было не так много, как хотели бы считать сегодня. Ибо если Трейчке говорил о свободе, то он делал это в гораздо меньшей степени, как критик других народов, но скорее, как воспитатель своего собственного народа. Я хотел бы сообщить вам одно место из его сочинения «Свобода», с которым надо ознакомиться точно так же, как с некоторыми вырванными из контекста вещами, которые совсем непонятны, только потому, что вырваны из контекста. Трейчке пишет так после того, как он сначала рассматривал вопрос о том, благодаря каким общественным делам требуется свобода:

«В то время», - итак, в начале шестидесятых годов, - «всегда было принято особенно говорить о сословных предрассудках. В самом деле, удручающая мысль, что этот великий культурный народ» - он имеет в виду немцев, - «ещё знаком с варварским понятием мезальянса, которое древние выкинули за борт ещё в начале своей культурной жизни. Конечно, о том грубом юнкерстве, которое карьере на конюшне считает более достойной, чем научную профессию, а право кулака благороднее, чем смысл закона для свободного бюргера, - о нём мы не говорим: эта карикатура на дворянство получила по заслугам. Но также и пестрая

масса так называемых образованных, состоятельных сословий заботливо лелеет множество несвободных, нетерпимых сословных понятий. Какая немилосердная жестокость суждений о позорном состоянии так называемых опасных классов! Какое бессердечное осуждение «расточительности» низших сословий, в то время как свободный и достойный человек должен был бы радоваться тому, что даже бедный начинает получать что-то для себя самого и поддержания своего приличного состояния! Какой всеобщий страх при любом пробуждении недовольства и чувства «я» у простого народа! Немецкая сердечность охранила нас от того, чтобы этот образ мыслей образованных людей и у нас принял такие же грубые формы, как у жестких британцев; однако пока эти аристократические наклонности, от которых не свободен ни один рафинированный ум, выступают в такой форме, дело с нашей внутренней свободой обстоит очень печально.

Мы полностью оказываемся в области, где буйно разрастается несвобода и нетерпимость, если зададим вопрос о сословных понятиях наиболее сильному и закрытому «сословию» - пусть мы даже назовём эту природную аристократию иначе - к мужскому полу, мужчинам. Среди нас, господ земного круга, существует невероятно широко разветвлённый тихий, тайный сговор категорически отказывать женщинам хоть в некоторой части гармоничного человеческого образования. Ибо часть своего образования женщины получают лишь благодаря нам. Среди нас, однако считается само собой разумеющимся, что религиозное просвещение является долгом образованного мужчины, тогда как для черни и женщин оно было бы вредно; сколь многие находят женщину особо «поэтичной», если она выносит на всеобщее обозрение самые нелепые, неуклюжие суеверия. Впрочем, слишком «политизированные дамы» ужасны, об этом ни слова больше. Разве это и есть наша мужская вера в божественную природу свободы? Разве религиозное просвещение остаётся делом исключительно трезвого рассудка, и не является больше потребностью души? И всё же мы полагаем, что сердечное тепло женщины пострадает, если мы позволим ей по-своему радоваться великой духовной работе ближайшей сотни лет? Неужели мы действительно так мало знаем немецких женщин, что считаем, будто бы они когда-нибудь станут «политизированными», когда-нибудь станут ломать себе голову над поземельными налогами и торговыми договорами? Ведь политической беда этого народа

обнаруживается с чисто человеческой стороны, которая, возможно глубже, тоньше и искренней будет понята женщинами, нежели нами. Разве не должна эта полнота энтузиазма и любви, перед которой мы так часто остаемся холодными, нищими и бессердечными, расцениваться как беднейшая частица отечества? Разве должен повториться позор французской оккупации, чтобы наши женщины, снова должны были ощущать себя дочерьми великого народа, как, уже с давних пор, ощущают себя их соседки на Востоке и на Западе? Но мы в несвободной сердечной узости всегда умалчиваем перед ними о том, что движет нами в глубине души, мы считаем, что им достаточно говорить о самых ничтожных пустяках; и поскольку мы слишком мало думаем о том, чтобы предоставить им свободу образования, сегодня лишь малое число немецких женщин в состоянии понять тяжесть и серьёзность этого исполненного значения времени».

Вы видите, что Трейчке несёт вещи, которые поистине являются общечеловеческими, однако от него, как от национального Духа, они звучат в качестве требования к своему народу. Если бы одна из наций, которые теперь бранят Трейчке, могла бы иметь в своём распоряжении такого мыслителя, каким был для своего народа Трейчке, вы бы увидели, что такого вознесли бы до небес. Представьте себе только итальянского Трейчке: что бы сказали итальянцы, если бы немцы встретили этого итальянского Трейчке так, как итальянцы и многие другие встречают Трейчке? Однако то, что накладывает штемпель на наше время - и это нечто бесконечно трагичное, - это невежество и расчёт на невежество, незнание. Было бы целиком и полностью невозможным, чтобы такая неправдивость кружила сегодня по миру, если бы при этом всегда не могли бы рассчитывать на невежество людей. Под невежеством я, конечно, понимаю не то, что возникает по необходимости, поскольку не у всех людей есть время, чтобы узнать обо всём; но то, что было бы необходимо, это хоть немного самосознания. Нельзя судить о некоторых отношениях, если не знают некоторых вещей, а суждения о целых народах, порождённые невежеством, воздействуют наихудшим образом. А сегодня как раз бесконечно многое порождается невежеством. Это, конечно, обусловлено той чёрной магией, которую я уже характеризовал при других обстоятельствах, - сегодня это называют журналистикой; ибо это есть один из

видов чёрной магии. Не было неправильным то, что когда появилось искусство книгопечатания со всеми перспективами, которые оно предоставляло, народная легенда ощущала его зачинателей как чёрных магов.

Конечно, вы могли бы сказать: все глупости и путаница антропософски ориентированной духовной науки дополнились ещё и тем, что книгопечатание описывается как чёрная магия. Но ведь я лишь сказал - «один из видов». Я также часто подчёркивал, что было бы неправильно говорить: Ариман, о, не смей подступать ко мне! Люцифер, о, не смей подступать ко мне! Я хочу общаться только с добрыми богами. - Как раз в этом случае вы не могли бы общаться с миром, ибо мир постоянно балансирует между Ариманом и Люцифером. Нельзя общаться с миром, если хотят иметь такой образ мыслей, который особенно часто выступает в нашем кругу. Надо даже в самом малом усвоить для себя правдивость. Это должно стать практическим результатом наших духовнонаучных устремлений - практическим результатом. Вы могли бы почувствовать это уже и сейчас; если человек не будет развивать в себе это стремление к правдивости, он всегда будет подвержен опасности, быть захваченным неправдивостью, живущей в мире, опасностью подпасть суггестии. Поэтому я говорю вновь: дела эти пойдут так, что в будущем будет забыто всё то, что было стремлениями к миру, и человек на периферии будет помнить только то, что было очковтирательством относительно мира; но он будет ощущать это не как очковтирательство, но как нечто вполне справедливое. Всё остальное позабудут. Так будет это происходить. Эти рассматривания должны, по крайней мере, содействовать тому, чтобы существовала возможность, ощутить эти вещи в их правдивости. Ибо сегодня к первейшим потребностям человека, который честно относится к человеческому благу и прогрессу, принадлежит потребность не дать себя одурачить неправдивостью.

Рассмотрим один факт нашего дня, я бы сказал, рассмотрим совсем «без гнева», хотя и не «без науки» (*перифраза латинского выражения sine ira, sine studio, то есть беспристрастно - примеч перев.*); без симпатии и антипатии, положив в основу только факты. Вы все, конечно, читали то, что стало известно как нота Антанты к президенту Вильсону. С известной позиции, по отношению ко всему прежнему, можно было бы рассматривать именно эту ноту, как благоприятный симптом для будущего. Ибо

если эти дела будут продвигать так всё дальше и дальше, перегибать палку, тогда снова появится некоторая надежда, надежда на то, что там, где духовным силам бросают вызов, с духовной стороны может придти ответный удар. Именно вследствие этой ноты всё прежнее переполнено с лихвой.

Рассмотрим факты. Примерно здесь находится нынешняя Австро-Венгрия (изображается на рисунке). Примерно здесь Дунай, примерно здесь расположена Вена. Допустим, осуществилось бы то, чего требует нота Антанты. Там сказано, что итальянцы - имеются в виду итальянцы Австрийской Империи - хотят, чтобы их сделали свободными. Чем страдает эта нота, так это та самая внутренняя неправдивость, которая происходит вследствие полнейшего невежества. Поэтому трудно сделать рисунок, который я хочу сейчас сделать. При этом, как вы только что видели, возникают трудности. Но допустим, что итальянцы Австрийской Империи будут освобождены. Ну, и югославы, южные славяне тоже должны быть освобождены. Это, конечно, трудно, ибо освобождение югославов стало бы примерно таким; ибо они тут повсюду.

Теперь говорится нечто комичное; освобождение Чехо-Словакии. Известны чехи, известны словаки - но о чехословаках, известно, вероятно, только Антанте. Итак, чехи и словаки обречены быть вместе. В соответствии с понятиями, которые господствуют среди самих чехов, освобождение выглядело бы так. Затем освобождение Румынии. Получилось бы вот что. Затем должны быть освобождены, как тут стоит: «по воле царского величества», проживающие в Галиции поляки, но это должно быть проведено самой Австрией. Тогда примерно это будет Венгрией, а это - Австрией.

Вот такая карта появляется, если думают осуществить то, что сказано об Австрии в ноте Антанты. И наряду с этим сказано, что народам Средней Европы не хотят ничего сделать!

Вся нота показывает, что не существовало никакого осознания того, какие трудности возникнут, чтобы компенсировать большинство славянского населения в *этих* областях по отношению к исчезающему меньшинству в *тех* областях. Из всей этой ноты говорит самое высокомерное, невежественное незнание отношений! Вот так делаются сегодня исторические ноты. И затем говорят, что придётся исходить, ни из чего иного, как только повторять, - я уж

даже не знаю, что, ибо это отталкивает, - повторять те фразы, которые были высказаны.

Но где же можно было лучше, чем в этой ноте Антанты, доказать то, что Австрия была поставлена перед необходимостью защищать себя? Какое, ещё более лучшее доказательство можно было бы предоставить? Короче, эта нота следует рассматривать как патологию. Она является вызовом истине и действительности. Она перегибает палку, перетягивает лук. Есть надежда, что поскольку она является вызовом духовному миру, этот духовный мир должен с необходимостью сам установить справедливость в этом деле, хотя люди, само собой разумеется, должны предоставить инструмент этому духовному миру.

Было бы своевременно, распространять по всему миру такие иллюстрации, как я сделал это вам сейчас в общих чертах, иллюстрации того абсолютнейшего всемирно исторического незнания и невежества относительно Средней Европы. Само собой разумеется, что там, где действует насилие, разумные доводы могут воздействовать лишь немного. Однако тем самым должно быть положено начало, чтобы увидеть, что, когда говорят о праве и свободе, имеют в виду насилие, настоящее насилие. Эти вещи надо называть своими именами. Наше время страдает именно от того, что люди не решаются называть вещи своими именами. Многие люди не приходят ко многому. Когда кому-то встречается нечто подобное этому абсолютно глупому разделению народов Австрийской Империи, становится совершенно ясно, что такая нота происходит от людей, которые ничего не знают обо всём том, чем является Средняя Европа. Однако они имеют наглость судить о вещах, которые не знают, и не желают ничего иного, кроме распространения своего господства над этими областями; этим людям совершенно безразлично, как обстоят дела в действительности. И всё же спрашивают: но как же вообще могут осуществляться такие вещи? Есть, например некоторые версии, где говорится: освобождение славян и чехов и словаков; но местные газеты, где, вероятно, переводят более точно, доносят о чехо-словаках. Не правда ли, если кто-то говорит нечто верное, не стоит удивляться, откуда он это взял; но если некто говорит твердолобую чушь, как, например, разделение народностей в ноте Антанты, тогда стоит поискать, откуда эта чушь взялась. Не лишено интереса указать, на некоторый параллелизм, - само собой не для того, чтобы на этом основывать какие-либо гипотезы, и выводить какие-то следствия. Я, конечно,

спрашиваю себя: откуда же берутся эти бессмысленные термины? - Я ещё раз подчёркиваю: никаких гипотез, никаких выводов, ничего, кроме краткого комментария.

В последние дни - причём я снова не выношу суждения о фактах, а только рассказываю - был опубликован приговор, вынесенный в Австрии чешскому лидеру Крамарцу, который долгое время был влиятельнейшей личностью в Австрии. Он бы приговорён к смерти, замененной пятнадцатью годами тяжелого тюремного заключения. В этом приговоре также говорится о том, что известная статья, опубликованная в «Таймс», - разумеется, на английском языке, - была найдена у Крамарца тоже на этом языке. Другом д-ра Крамарца является убежавший из Австрии университетский профессор Мазарик, который живёт теперь в Лондоне и в Париже. Случайно взяв из решения о вынесении приговора некоторые фразы из программы Крамарца, на основе которых тот был осуждён, Мазарик остановился на ней. Если совсем ничего не понимаешь в австрийских отношениях, то если читаешь эти фразы, будь то в «Таймс» или где-то ещё, - а они появились также и в Париже в «Чешском ревю», - и неправильно редактируешь их, - хотя Крамарц использовал правильные термины, - то выходят те курьёзные фразы из ноты Антанты относительно австрийских народностей. И если там действительно стоит термин «Чехо-Словаки», то возникает замечательная картина: у Крамарца было желание основать некое государство из Чехии и Словакии, что имело некий смысл; но тот в Западной Европе, кто не знал об этих отношениях, сделал из этого «Чехо-Словаков».

Да, становится необходимым, чтобы в нынешнее время, где задействовано так много подземных каналов, выяснить некоторые вопросы о связях. На основе сказанного мною, я не хочу основывать ни гипотез, ни выводов; но факты таковы, что имеется достойное внимания согласованность между вынесенным приговором и нотой Антанты. Само собой разумеется, о самом приговоре можно иметь самые разные мнения, судя по тому, занимает ли человек ту или иную точку зрения; в зависимости от этого можно кого-то считать убийцей или преступником. Я не хочу судить об этих вещах; но дело в том, что можно наблюдать эту удивительную согласованность. Как сказано, мне это попало только тогда, когда я хотел заняться тем, откуда, - помимо всего остального грандиозного невежества, - возникло то, что легло в основу этой ноты.

Об этом грандиозном невежестве уже стоит говорить; ибо оно является значительным и относится к наиболее характерному для нашего времени. С той стороны, которая обладает половиной населенной части Земли, выдаются суждения, построенные на таких «действительных основах». Это является вызовом самому Духу истины.

(следующие фразы этой лекции ссылаются на цитату, к сожалению не воспринятую стенографом, и поэтому непонятны. Речь идёт о документе от 25 июля 1914, где рассматриваются отношения Распутина. От издателя).

Всё снова и снова будут, имея на то силу - а её имеют на периферии - нагло бить в лицо фактам. Но истину нельзя бить по лицу. Истина говорит, и надеюсь, станет импульсом, который, если дело пойдёт наихудшим образом, сможет привести человечество к единственному благу.

Завтра мы будем говорить дальше. Не знаю, как быть; со стороны наших друзей, которые хотят завтра посмотреть дальнейшее рейнхардовское «художество», было высказано пожелание, чтобы наше собрание здесь состоялось раньше. Я не против. Так, когда же мы завтра должны начать? Может быть, каждый что-либо предложит? Когда мы должны будем встретиться? Это хорошо, если мы поступим так из любви к тем, кто интересуется этим безобразием и преподаёт лично себе урок о гибели театрального искусства.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ Дорнах, 14 января 1917

Человеческая природа сложна, и в человеке происходит многое, что в его собственных событиях остаётся более или менее под порогом сознания, и лишь в единичных следствиях поднимается в сознание. Нельзя достичь истинного самопознания, не заглянув в действие тех подсознательных душевных импульсов, которые действуют под поверхностью сознания, которые, - как можно было бы сказать в качестве сравнения, - протекают в глубинах моря сознания, и лишь в отбрасываемых ими всплесках волн выступают на поверхности. Для обычного сознания становятся

воспринимаемыми только эти поднимающиеся всплески волн, и человек по большей части не может объяснить их наличие в себе самом, так что истинное самопознание оказывается невозможным. Посредством чистого размышления над тем, что же так ударяет снизу вверх в сознание, самопознание невозможно; ибо эти вещи зачастую в глубине души оказываются совершенно иными, нежели как вступают они в сознание. Сегодня мы хотим, прежде всего, немного заглянуть в эту человеческую природу, для того, чтобы снова с известной точки зрения получить представление о том, чем, в сущности, является действие подсознательных душевных импульсов в человеческом существе.

Конечно, к таким делам всегда следует подходить в более или менее образной форме. Но если вы сопоставите многое из того, что было до сих пор высказано в рамках нашего антропософского движения, вы поймёте, какого рода реальность стремиться высказать себя в этих образах. Мы можем сказать: невидимая природа человека, его «я», его астральное тело, его эфирное тело - они действуют посредством его видимой природы, и, можно сказать, неявленное действует через явленное. - Во всяком случае, действие неявленного через явленное очень сложно. Однако, если кто-то постепенно изучает отдельные части этих сложных процессов, он может, сопоставляя их, придти к общему взгляду на существо человека. Конечно, такой взгляд всегда будет оставаться несовершенным, ибо человеческое существо бесконечным образом разветвляется. Однако, всё же можно придти к основным положениям о существе человека, пригодным для самопознания.

Допустим, что здесь у нас человек. Чтобы сделать вещи наглядными, я хочу исходить из того, что мы для земного человечества признаём как сущность человека, начинающую сознавать: то есть, исходить от «я». Я настоятельно подчёркиваю: в случае наглядного изображения очень легко впасть в заблуждение, непонимание, когда находят, что сказанное прежде вступает в явное противоречие со сказанным позднее. Тот, кто видит эти вещи точнее, заметит, что такого противоречия в действительности не существует.

Итак, допустим сначала, что мы имеем дело с «я»-природой человека, с тем членом человеческого существа,

которое мы обозначаем как «я». Эта «я»-природа, само собой разумеется, совершенно сверхчувственна; она является наиболее сверхчувственной из того, что мы имеем, но она действует посредством чувственного. То, откуда это «я», главным образом, - в интеллектуальном смысле, - воздействует на физическую человеческую природу, - есть нервная система, обозначаемая как ганглиозная система, нервная система, исходящая из солнечного сплетения. Схематически мы можем вот так указать на эту нервную систему, эту ганглиозную систему, систему солнечного сплетения см. Рисунок 1, чёрное.

Она развивает функции, которые, казалось бы, не имеют особого отношения к тому, что в материалистическом смысле можно назвать нервной деятельностью, жизнью нервов, функционированием нервной системы. И, тем не менее, она, в сущности, является точкой приложения для настоящей деятельности «я», для реализации функций «я». То, что человек, начинающий видеть самого себя на оккультном уровне, должен ощущать центр своего «я» в голове, не противоречит этому, ибо в случае «я», как члена человека мы имеем дело с чем-то сверхчувственным, так что тот пункт, в котором человек переживает «я», является иным, нежели та точка приложения, посредством которой «я» преимущественно действует в человеке.

Значение слов: «я» действует посредством солнечного сплетения как точки приложения, - необходимо полностью уяснить себе. Значение это состоит в следующем: само «я» в человек наделено, в сущности, очень приглушённым сознанием. Мысль «я» есть нечто совсем иное, нежели само «я». Мысль «я» (Ich-Gedanke) является в некотором роде тем, что как волна поднимается в сознание, но эта мысль «я» не есть настоящее «я». Настоящее «я», как некая пластичная, продуктивная сила, вторгается во всю организацию человека через солнечное сплетение.

Конечно, можно сказать, что «я» распределяется по всему телу. Однако главной точкой его приложения, где оно особенно вторгается в пластичную субстанцию человека, в человеческую организацию, является солнечное сплетение, или, лучше сказать, - поскольку сюда же относятся все разветвления, - является ганглиозная система, то есть тот, живущий в подсознании нервный процесс, который разыгрывается в ганглиозной системе. Поскольку ганглиозная система обусловлена всем кровообращением, всей циркуляцией крови, это не противоречит тому факту,

что «я» находит своё выражение в крови. В этих вещах сказанное надо принимать совершенно точно. Это нечто совершенно разное, если говорится: посредством ганглиозной системы «я» вмешивается в формообразующие силы и во все жизненные отправления организма, - или говорится так: кровь со своей циркуляцией, кровообращением является выражением «я» в человеке. Человеческая природа очень сложна.

Чтобы поставить перед своей душой всю значительность сказанного, было бы хорошо ответить на следующий вопрос: каково, в сущности, отношение «я» к этой ганглиозной системе и всему, что с этим связано? Каким образом «я» в некоторой степени фиксируется в органах нижней части человека? Дело обстоит так, что, если человек живёт в нормальном, здоровом состоянии, это «я» как прикованное находится в его солнечном сплетении и всё том, что с солнечным сплетением связано. Связь осуществляется посредством этого солнечного сплетения. Что это означает? Это человеческое «я», которое в ходе эволюции было получено человеком как дар от Духов Формы, подверглось, как вы знаете, люциферическому искушению. В том виде, как человек имеет это «я», поскольку оно инфицировано люциферическими силами, оно становится, в сущности, носителем злых сил. Это следует признать как безусловную истину. Не вследствие своей собственной природы является «я» носителем злых сил, но вследствие того, что «я» посредством люциферического искушения было инфицировано люциферическими силами, оно само стало носителем настоящих сил зла, тех сил, которые вследствие люциферического инфицирования получили склонность обращать во зло то, чем является мыслительная жизнь этого «я». С тех пор, как человек получил «я», он может мыслить. Не получив люциферического искушения, он стал бы обо всех вещах думать хорошо. Но поскольку люциферическое искушение имело место, «я» мыслит не хорошо, люциферически инфицировано, поскольку это произошло однажды в земной эволюции: мыслит коварно, злобно, с тайным коварством. Это «я» мыслит так, как если бы оно хотело выставить себя на свет, а всех других поставить в тень. Оно инфицировано всяческим эгоизмом. Таким является «я», ибо оно люциферически инфицировано. То, что живёт в человеке как система ганглий, как солнечное сплетение, появилось ещё в период древнего лунного развития, и, в некотором роде стало домом для «я»; тут «я» в некотором

смысле пришлось кстати. Вот почему оно стало связанным с этим, стало приковано к этому. Так появился следующий факт: вследствие своего люциферического заражения, «я» имеет постоянную тенденцию вести себя коварно, лживо, выставлять себя на свет, других же в тень; однако оно было сковано посредством нервной системы нижней части тела. Ведь то (дурное влияние) следовало парировать. Через нервную систему нижней части тела правомерные, движущиеся поступательно силы, прошедшие через эволюцию (древнего) Сатурна, (древнего) Солнца и (древней) Луны помешали этому «я» стать демоном, в злом смысле этого слова. Итак, мы носим в себе наше «я» так, что оно приковано к органам нижней части тела.

Представьте себе, что органы нижней части тела были бы каким-либо образом нездоровы, что они не были бы в нормальном состоянии. Не быть в нормальном состоянии означает: не желать полностью принимать в себя то, что входит в них духовно, что принадлежит им на духовном уровне. «Я» может стать в некотором роде свободным в его деятельности, если нижние части тела не вполне здоровы. Тогда, если это высвобождение вызывается посредством особенно чрезмерной физической деятельности, человеческая природа может проявить себя так, что «я» станет в некотором роде свободным, высвобождённым для внешнего мира, в то время как обычно оно приковано. Если «я» сделалось свободным, мы имеем тот случай, когда человек физически заболевает, развивая при этом свойства люциферически инфицированного «я»: тогда выявляются те свойства «я», о которых я говорил. Из-за этого не становятся материалистом, поскольку здесь человек полностью проникает в связь духовного начала, - в данном случае, - связь «я», с физическими органами в жизни между рождением и смертью; только представляется эта связь в более высоком смысле, чем в случае материалиста. Прослеживается также и то, что в некотором смысле чёрт высвобождается, его оковы могут стать пустыми. Вот тут мы имеем случай психического заболевания.

Если «я» высвобождается, это не обязательно должно быть психическим заболеванием, тут может иметь место иной случай. Тогда речь пойдёт не о настоящем заболевании нижней части тела, но в некотором роде выключении его регулярной деятельности. Это в подавляющем большинстве случаев проявляется как сомнамбулизм. Тут ганглиозная система со своими функциями подготовлена так, будь то

вследствие природы, будь то вследствие всевозможных магнетических влияний, что она не может полностью удерживать «я» в своей власти. Тогда «я» приходит к тому, что свободно вступает в корреспонденцию со своим окружением. Оно тогда уже не располагается в системе ганглий и может поэтому использовать каналы связи с миром, которые делают для него возможным видеть всевозможные вещи, далеко отстоящее в пространстве и во времени; нормальным образом «я» располагается в ганглиозной системе, откуда эти процессы не могут быть восприняты. Следовательно, важно знать: существует известное родство между сомнамбулизмом, который лишь едва, я бы сказал, в мягкой форме выключает ту обычную деятельность процессов, протекающих в ганглиозной системе, а также родство между известными формами безумия, которые вызываются, если такое выключение возникает вследствие деформации, вследствие заболевания некоторых органов нижней части тела. Итак, такие болезненные проявления связаны с тем, что «я» становится в некотором смысле свободно, чувствует себя, так сказать, свободным от своих оков и чувствует себя связанным не со своим телом, но с духовными силами своего окружения, как это имеет место и в случае безумия. Вот почему при некоторых формах безумия выступают такие свойства как коварство, лживость, лукавство, притворство, всё, что приходит от люциферической инфекции как потребность выставить самого себя на свет, а все другое поставить в тень, и тому подобное.

Вы поймёте, что психическая конституция зависит от свойств той структуры, благодаря которой «я» сковывается. Для того, чтобы не приводить примеры на людях и поменьше оскорблять тем самым человеческие чувства, давайте сравним льва, как лютого пожирателя мяса, с быком или волком. Тут есть разница, поскольку в случае льва речь идёт о групповой душе, а в случае человека – об индивидуальном «я»; и всё же мы можем использовать сравнение. В чём состоит различие между природой льва и природой вола? Лев – ярко выраженный пожиратель мяса, тогда как вол, главным образом, как вы знаете, вегетарианец. Разница в том, у льва то, что у него соответствует групповому «я» сковано в меньшей степени, что вследствие стремительной, быстрой деятельности того, что соответствует органам нижней части тела, групповое «я» оказывается свободнее, оно более натравлено на своё окружение, в то время как у

вегетарианца вола групповое «я» в большей степени приковано к органам нижней части тела. Поэтому вол в большей степени живёт в себе.

Теперь вы видите также и то, что для человека имеет смысл стать вегетарианцем - само собой разумеется, если он этого хочет. Ибо, что тем самым достигается? Именно благодаря вегетарианскому питанию нижняя часть тела становится ещё более способной сковывать «я», и человек вследствие этого становится, - если мне будет дозволено выразиться парадоксально, - становится несколько нежнее. Его злой демон больше входит в него самого, и меньше изживает себя по отношению к своему окружению. Однако никто не должен воображать, что вследствие этого у него больше нет этого злого демона. Он у него есть, только он заперт во внутреннем, скован внутри человека. Можно очень легко провести решающий эксперимент, *experiment crucis*, если сравнить, как ведут себя в одном и том же случае голодный поедатель мяса и голодный вегетарианец. Если человек голоден, «скованный» в нём делается в общем, несколько более свободным; очень легко может случиться так, что именно голодный вегетарианец, - поскольку они приучены к тому, что скованные особенно хорошо скованы вследствие вегетарианского питания, - высвободит этого скованного с некоторой яростью. Ибо голод состоит в том, что органы нижней части тела изменяют свою деятельность и вследствие этого уже не могут сковывать «я» в той мере, как это происходит в состоянии сытости. Тем самым я не хочу утверждать, будто сказанное мной надо расценивать как абсолютное, поскольку у тех, кто ест мясо этот «скованный» сам по себе скован не так сильно как у вегетарианцев; но я говорю так: при сравнении голодный вегетарианец по отношению к своему сытому состоянию может быть при случае гораздо более яростным существом, нежели голодный мясоед по отношению к своему сытому состоянию. Человеческая природа очень сложна, и когда рассматривают отношение духовного к телесному, приходят к известным познаниям, которые могут служить основой для истинного, реального самопознания в жизни. Во всяком случае, надо сказать: что вегетарианец должен заботиться о том, чтобы не слишком истощать себя. Ибо, если он истощает себя, то тем самым вредит себе; он ослабляет оковы, тюрьму для своего чёрта, для того, кто выступает с коварством, ложью и так далее; он тогда или будет напускать этого «раскованного» на своё окружение, и это окружение будем, как говорят по-

австрийски иметь «Gefrett», то есть пакости, будет иметь с ним проблемы. Или же он будет иметь проблемы сам с собой, не сможет управиться с собой, поскольку с одной стороны у него будет мания изживать различные плохие свойства «я», но, с другой стороны, если он воспитан, стремится к сдержанности, может произойти так, что он не сможет управлять собой. Вследствие этого возникают всевозможные состояния душевного дискомфорта, состояния психической неудовлетворённости. Важно принять это к сведению.

Точно так же как «я» имеет свою точку приложения в ганглиозной системе, астральное тело имеет свою точку приложения во всех процессах, связанных с системой спинного мозга. Естественно, что нервы проходят через всю телесность; но именно здесь мы имеем вторую точку приложения. Сюда естественным образом относятся все процессы, которые связаны с нервной системой. Это ещё не система головного мозга, но система спинного мозга, которая, например, связана с нашими рефлекторными движениями, и которая является регулятором очень многого в человеческом теле. Если говорят так, как я говорю сейчас, то надо не упускать из виду, что сюда относятся все процессы, которые управляются посредством этой нервной системы. Опять-таки, эти вещи следует понимать только так, что астральное тело или приковано ко всему тому, что связано с системой спинного мозга, или что оно, вследствие заболевания или частичной заторможенности процесса – посредством магнетизма или чего-то подобного, – может становиться свободным. Тут вы имеете второго «закованного», который получил свои люциферические свойства, несколько смешанные с ариманическими, ещё в течение древнего лунного времени. Поэтому они слабее, чем люциферические свойства «я», однако в астральном теле тоже имеются люциферические свойства. Если вы хотите провести перед своей душой тот процесс, вследствие которого люциферическая инфекция проникла в астральное тело, вы должны изучить то, что описано в моей книге «Очерк тайноведения» как отделение (древней) Луны от всей эволюции. Это инфицирование пришло в течение (древнего) лунного развития. Тут вы имеете ещё одну причину, по которой человек получает сомнамбулические

свойства, более высокие сомнамбулические свойства, которые связаны преимущественно с органами груди, оказывающими посредничество более высокого уровня, нежели органы нижней части тела. Но в то же время вы имеете возможность увидеть, что если тут что-то не в порядке, так что астральное тело не может удерживаться скованным, опять наступает нечто такое, что следует рассматривать как психическое заболевание, как психические нарушения. Итак, насколько раскованное «я» будет приводить к проявлениям безумия, настолько и астральное тело будет вызывать проявления безумия.

Когда расковано «я», то, как я говорил, развиваются такие свойства, как тайное коварство, лукавство, притворство, обман, стремление выставить себя в лучшем свете, а всё другое оставить в тени, то есть самовозвеличивание и умаление других, и так далее. Если же расковано астральное тело, то развивается скачка идей, непоследовательная логика, маниакальные состояния или бегство от мира, меланхолия, ипохондрия. И опять-таки имеет место родство таких болезненных явлений с соответствующими сомнамбулическими явлениями. Только в случае сомнамбулизма органы не больны, но их нормальное функционирование заторможено, подавлено, что может быть достигнуто также посредством влияния гипнотизёров, магнетизёров и им подобных.

В нашей человеческой природе много должно быть скованным. Мы в известном смысле уже являемся чертями, и только потому, что эти черти скованы в нас благодаря упорядочивающему воздействию регулярных божественно-духовных сил, прошедших поступательное развитие (древних) Сатурна, Солнца и Луны, - только благодаря этому мы являемся наполовину приличными, порядочными людьми, к чему мы, вследствие различных искушений, не так уж сильно предрасположены. Некоторые расстройства, некоторые настроения в нашей душевной жизни тоже связаны с тем, что человек подходит к тому, что живёт в нём как демоническое начало. Всё это демоническое основано на том, что может высвободиться, может расковываться то, что должно быть сковано. При других обстоятельствах мы ещё поговорим о том, вследствие чего то, что в течение жизни между рождением и смертью сковано нашей физической природой, оказывается скованным потом, между смертью и новым рождением. Ведь вы уже должны видеть то, что мы обязаны быть очень благодарны мировому порядку за то, что здесь,

между рождением и смертью обладаем физическим организмом; ибо иначе, мы не имели бы этой тюрьмы, необходимой нашим высшим членам. – Когда эти более высокие члены после отложения физического тела высвобождаются, наступают другие отношения, о которых мы поговорим при других обстоятельствах. Но и тогда они не остаются нескованными.

Точно так же, как астральное тело приковано посредством спинного мозга и всех процессов органической жизни, связанных с этим, эфирное тело сковано посредством системы головного мозга и посредством всего, что к головному мозгу относится. Итак, эфирное тело имеет свою точку приложения благодаря системе головного мозга. Здесь тоже можно сказать нечто похожее. В нашей голове находится тюрьма для нашего эфирного тела. Состояния безумия или сомнамбулизма наступают, если тело не в порядке и эфирное тело стало раскованным. Высвобождая себя, то есть, не будучи заключено в тюрьму головы, эфирное тело преимущественно имеет склонность размножаться, умножаться, вследствие чего оно становится чуждым само себе, оно до некоторой степени переходит в мир, чтобы вживаться в другое. Тем самым обозначаются состояния, наступающие, когда «начальник тюрьмы» освобождает эфирное тело.

Итак, вы видите тройную возможность психических заболеваний, тройную возможность высвобождения из физического тела. Эти три возможности должны быть полностью приведены в норму - но совершенно иным образом - если человек посредством посвящения должен стать свободным от своего физического тела. То, о чём мы говорили, является болезненным высвобождением такого рода, когда органы физического тела не остаются здоровыми, вследствие чего физическое тело не в состоянии удержать высшие члены. Предпосылкой сомнамбулизма, связанного с головным мозгом становится только заторможенность, засыпание деятельности головного мозга; вследствие этого эфирное тело высвобождается, и возникает сомнамбулическое состояние. Но и в случае дефектов головного мозга эта тюрьма не может удержать

прикованного, то есть эфирное тело, тогда последнее пускается во всякие авантюры, выходя в мир, пытается формировать и вести неупорядоченную, спутанную жизнь. Вы ясно видите, что физические заболевания главным образом имеют основу, смотря по виду высвобождения от той физической основы, к которой принадлежат соответствующие высшие члены человека в жизни между рождением и смертью.

Эфирное тело, если оно свободно, обладает преимущественно ариманическими свойствами. В данном случае, будучи болезненно гипертрофированными, изживаются зависть, недоброжелательство, скупость и тому подобное; но всё это изживается в связи с формой самореализации в окружении, переходя в окружение. Это, однако, следует понимать так, что хотя «я» в большей или меньшей степени имеет свою точку приложения в ганглиозной системе и в том, что с ней связано, астральное тело - в системе спинного мозга, но вместе с ганглиозной системой, эфирное тело - в системе головного мозга, но совместно с системой спинного мозга и ганглиозной системой. В этой степени, например, ганглиозная система, поскольку она обеспечивает всё подсознательно-органическое, имеет также дело с головным мозгом. Если ганглиозная система обуславливает болезненный процесс, который изживается в головном мозгу, тогда именно эфирное тело становится свободным. Но, несмотря на это причина заложена в ганглиозной системе. Эти вещи действительно очень сложны.

Современная психиатрия ещё не имеет никаких методов, чтобы обособить друг от друга эти три формы психических заболеваний. Психиатрия сможет достигнуть некоторого совершенства только тогда, если будут различать психические нарушения, обусловленные тем, что или скованное эфирное тело, или скованное астральное тело, или скованное «я» стали свободны. Весьма значительным образом смогут тогда различать и упорядочивать симптомы психических отклонений; будет особенно важно суметь их соответственным образом упорядочить.

Отсюда вы видите также и то, что самопознание может опираться лишь на проникновенное рассмотрение сложной природы человеческого существа. Познание может также иметь свои неприятные стороны. Но познание не должно быть игрушкой, познание является наиболее серьёзным делом человеческой жизни. Тот, кто знает все эти вещи,

касающиеся природы человека и имеет хотя бы немного воли, чтобы принимать их не в эгоистическом смысле, но объективно их осмысливать и чувствовать, тот в познании, в тоже время, имеет и важный оздоровительный момент. Конечно, человек может оказаться слабее, чем это оздоровительное начало; но, всё же, он этот важный оздоровительный момент в познании имеет. Человек не имеет его только тогда, если он целиком и полностью застрял в своей субъективной натуре, если он не хочет выйти из неё.

Большой трудностью такого движения, как наше является то, что с одной стороны необходимо самым серьёзным образом стремиться к высшему познанию, но, с другой стороны, не каждый, причисляющий себя к такому движению, склонен совершенно объективно понимать такое познание, принимать его с полной серьёзностью. Ибо оно действует оздоровляющим образом на такую личность благодаря тому, что человек уже не рефлектирует по каждому поводу относительно своей личности, что он не размышляет только над тем: что я чувствую, что я ощущаю, как идут у меня дела в мире, что живёт в моей душе и так далее, но что человек освобождается от себя, и рассматривает общечеловеческие дела, дела, касающиеся каждого человека. Трудность выступает только тогда, когда человек хочет ограничиться лишь самим собой, если он не освободился от себя. Чем больше человек в состоянии отвлечься от себя и искать понимания общемирового, общечеловеческого, тем большее целительное средство имеет он в познании.

Хотелось бы, чтобы в это поверили. У вас есть хороший повод понаблюдать противоположный полюс тому, что я сказал, именно в таком движении, как наше. Вполне естественно и даже оправдано, что люди, которые нелегко высвобождаются от себя, ищут в нашем движении утешение, надежду и убежденность. Но если у них нет честных намерений освободиться от самих себя, если они постоянно заняты лишь собственной головой, лишь своим собственным сердцем - на говоря уже о другом, чем занимаются многие люди в нашем обществе, - тогда познание может стать для них не тем, чем оно является в действительности. Можно интересоваться познанием так, что оно становится для человека не только личным, но общечеловеческим делом. Чем большую роль играет личное, тем больше отходят от того, что является целительным в познании глубинных основ мира.

С достигнутой точки зрения надо уяснить себе, как некоторые импульсы в природе человека связаны с высвобождением психического, духовного, будь то при сомнамбулизме, будь то при безумии. - Ибо высвобождение всегда связано с восхождением в духовное. Однако это всегда связано со неким сладострастием, некой похотью, с настоящей похотью, прямой и непрямой. Ибо состояние освобождения, будь это эфирное, астральное тело, или «я», есть некоторым образом изливание в духовный мир. Это изливание связано с чувством внутреннего воодушевления, блаженства. Именно при психических отклонениях чувствуют некоторую удовлетворённость в своей ненормальной душевной деятельности, и поэтому так неохотно оставляют её. Можно пережить то, что во все времена переживалось теми, кто старался исцелить психически ненормальных. Если их лечил проницательный врач, то затем часто случалось так, что если удавалось излечиться, если больные не испытывали больше этого свободного состояния и выхода в духовное окружение, если проходило сладострастное, похотливое воодушевление, они начинали ненавидеть тех, кто отнял у них это состояние похотливого блаженства. В то время как при других, не психических заболеваниях, можно было испытать, что исцелившему врачу благодарны, то в случае усилий, направленных на исцеление психического больного, происходит противоположное. В литературе вы найдёте описание такого опыта; врачи утверждают, что при выздоровлении, или даже при попытке преодолеть это состояние, состояние наслаждения уходит, и люди начинают испытывать отвращение к врачу; он отнимает у них то, чем они обладали с охотой, что они охотно имели в подсознании, в то время как в верхнем сознании они притворялись и изворачивались.

Рассматривая эти вещи, вы заглядываете в глубокие тайны правящей природы человеческой души. Однако, с другой стороны вы поймёте, что если «я» или эфирное тело, или астральное тело старались работать с помощью своего физического инструмента, если они затем стали свободны и ещё сильны, ещё имеют отпечаток формы, которую они имели в физическом, они могут развивать некоторые силы с большей лёгкостью, нежели могли они развивать эти силы в больных органах. Поэтому такие больные, кто периодически, - ибо тут возникают циклические, периодически отклоняющиеся от нормы состояния души, - выходит из

своего организма, очень часто ощущают, что обладают способностями, которых они не имели в ином случае. Это опять-таки вызывает большое удовлетворение, так что, если они снова возвращаются затем в физическое тело и у них сохраняется некоторое сознание о том, что с ними происходило, они могут затем иметь об этих вещах очень ясное самосознание. В первой половине 19 века один знаменитый врач, *Виллис*, вылечил одного безумного, то есть привёл его к тому, что тот смог снова думать о себе разумно. Этот исцеленный безумец был интеллигентен и записал нечто подобное ретроспективному обзору состояния своего безумия, записал следующее. Вы хорошо поймёте то, что записал этот интеллектуальный безумец, если вы приняли к сведению сказанное мной. Это был психически больной с заболеванием, при котором некоторым образом раскованными оказались все три высших члена. Больной пишет: «Я жду моего припадка с нетерпением...предвкушая блаженство», - итак, представьте себе, он ожидает этого выхода из тела с нетерпением, поскольку он знал, что будет наслаждаться неким блаженством.

«Всё кажется мне легким; нет никаких препятствий ни в теории, ни в практике. Моя память внезапно достигает редкой степени совершенства...»

Тот, кто проникает эти вещи, знает, что обычно этому больному приходилось страдать от запора в нижней части тела, и что вследствие этого его память помрачалась. В тот момент, когда его «я» высвобождалось, память была безупречной.

«Мне приходят в голову длинные места из латинских писателей. Обычно мне было очень трудно находить рифмованные окончания; но теперь я могу писать стихи с такой же легкостью, как и прозу».

Вы видите, этот человек очень точно описывает себя и можно понять, что он известным образом пытается вызвать ненормальное состояние. Сделать это произвольно он не может, но он бывает рад, если это состояние приходит, ибо в нём он испытывает наслаждение.

Вообще, трудностью в отношении пациентов с психическими отклонениями является то, что при лечении они должны приводятся не к счастливому, но несчастному настроению, и что поэтому в действительности они огорчаются. В верхнем сознании дело, конечно, обстоит иначе, но в действительности, в подсознании они огорчаются из-за того, что были излечены. Само собой разумеется, они

приходят к врачу и говорят, что хотят излечиться; но в подсознании они в действительности вылечиться не желают. В этом состоит трудность. Этот «раскованный» или эти «раскованные» всей своей силой противятся быть вырванными из того блаженного состояния, в которое они вырастают при их высвобождении. Вы видите, на этом пути воздают должное тому, что является материальной основой нашего физического бытия; но материалистами не становятся.

Возьмём такой пример; некто был бы глуп в большей степени, нежели считают его во внешней жизни; такие люди есть. Глупость является всего лишь ступенью на пути к известному психическому отклонению, а именно идиотии, слабоумию. Это может быть связано с тем, что скованное обычно эфирное тело освобождено, поскольку головной мозг слишком компактен, плотен, работает недостаточно лабильно, неустойчиво. Допустим, что такой человек пытается застрелиться, стреляет себе в голову, но пуля его не убивает. Тот, кто проникает эти вещи, при известных обстоятельствах может считать нечто подобное весьма полезным, если, конечно человеку это не повредило; возможно, такой человек стане разумнее вследствие наступающего разрыхления, расшатывания его компактного головного мозга. Бывают случаи, когда вследствие ранения головы люди становятся более пробуждёнными, по отношению к своему прежнему состоянию.

Поистине, в области физически воспринимаемого нет ничего более сложного, чем человеческая природа; она является самым сложнейшим из всего, что вообще находится в мире. Но человека действительно надо рассматривать именно так как я сейчас изложил, если хотят рассматривать его в его целостности. Мы ведь видели сейчас, что при рассмотрении головы человека, деятельность его головы в некотором отношении основана на том, что эфирное тело правильным образом вставлено в голову. Ненормальная деятельность возникает, если эфирное тело становится свободным, если оно расковывается. Вследствие того, что человек вообще организован нормально, имеет свои органы чувственного восприятия, имеет свою нервную систему головного мозга, эфирное тело может иметь нормальные отношения со своим окружением. То, чем является человек вследствие особой связи его эфирного тела с головой, обуславливает его как человека в общем, как он существует между рождением и смертью. Если бы мы не несли в себе

ничего другого, как только нормально вставленное в голову эфирное тело, все люди были бы одинаковы, а человек не мог бы ощутить связи с бессмертной частью своего существа; ибо именно голова сообщает нам те переживания и тот опыт, которые мы в жизни между рождением и смертью можем получать благодаря органам чувств и благодаря нервам головного мозга.

Рассмотрите это в связи с тем, что я говорил о потере головы в ходе реинкарнации; то, что сейчас является головой, было в прежней инкарнации телом, а что является сейчас телом, будет головой в ближайшей инкарнации. Однако человек знает о своей связи со своим бессмертным началом, которое проходит через рождение и смерть, хотя без духовнонаучного познания это знание является только верой. Понимать эту связь человек может благодаря голове, но он может иметь такое знание только вследствие того, что его система спинного мозга служит органом астрального тела. Тут создаются те представления и ощущения, которые приводят человека в обоюдные отношения с его бессмертным началом, с его сверличностным. Всё то, что мы имеем только для жизни между рождением и смертью, мы имеем вследствие того, что в нашем организме есть земной элемент, твёрдое. При других обстоятельствах я упоминал, что мы на девяносто пять процентов являемся жидкой колонной. Твёрдого в нас чрезвычайно мало - оно составляет лишь пять процентов, - человек - это водяной столб. Однако носителем обычных мыслей для физической жизни может быть лишь это твёрдое; мы знаем о нашем сверличном лишь постольку, поскольку мы проникнуты этой жидкостью и её пульсациями. Эта жидкость и её пульсация находится в связи с системой спинного мозга, которая преимущественным образом и регулирует это жидкое и эти пульсации. Как это связано с известными вещами, о которых я уже сообщал ранее, с пульсацией жидкости вверх и вниз между нижней частью тела и головным мозгом, я хочу сообщить завтра, поскольку сегодня это отвело бы нас слишком далеко от нашей собственной темы. Однако человек, вследствие того, что он имеет в себе жидкий элемент, поддерживает связь не только со своим сверличным началом; вследствие этого он специфицируется в своей личности. Если бы мы были только людьми головы, мы все стали бы одинаково мыслить, одинаково чувствовать. Благодаря тому, что мы являемся человеком сердца, благодаря тому, что мы имеем в себе жидкий элемент как

кровь и другие соки, мы некоторым образом специфицируемся; ибо вследствие наличия жидкости в нашем существе принимает участие иерархия Ангелов. Иерархия Ангелов можем вмешиваться в нас на окольном пути, через жидкий элемент.

Третья возможность вмешаться в наше существо возникает благодаря тому, что при нормальном взаимодействии высших членов с ганглиозной системой существует возможность, что на нас действует газообразное и всё связанное с ним. Это происходит благодаря процессу дыхания. Однако он очень сложен. Это не всё равно, дышим ли мы здесь или там, содержит ли вдыхаемый воздух много или мало кислорода, имеет ли он сильную или слабую влажность, содержит ли он много или мало солнечного тепла и тому подобного. Вследствие того, что мы несём в себе возможность, что на окольном пути газообразный элемент действует на нас, вследствие этого архангельская иерархия, Архангелы получают возможность действовать на нас. Всё, что воздействует на наше существо от иерархии Архангелов, будь то Архангелы нормального, преступательного развития, или отставшие, действует на окольном пути посредством нашей ганглиозной системы. На этом окольном пути действует также и то, что исходит от так называемых Народных Духов, которые тоже принадлежат к иерархии Архангелов. То, что, исходя от Народных Духов, действует на человека, действует на те органы, которые связаны с ганглиозной системой. Поэтому народность, народ есть нечто отвлечённое от сознания, нечто, действующее демонически. Поэтому, по уже указанной мною причине, это так сильно связано со всем тем, чем является местность; ибо в гораздо большей степени, чем полагают, местность, климат связаны с иерархией Архангелов. Климат есть ни что иное, как то, где на окольном пути на человека действует воздух.

Вы видите, как, указывая на систему ганглий, мы показываем, как в бессознательном человека правят импульсы народной душевности (*Volksseelenhaftigkeit*), импульсы Народной Души. Сейчас вы также поймёте, что в большей степени, чем это обычно думают, именно принадлежность к народу связана с некоторыми свойствами человека, которые связаны с его ганглиозной системой. В большей степени, чем думают, проблема народности находится в отношении к сексуальной проблеме. Ибо принадлежность к народу покоится на той же самой органической основе, - системе ганглий, - которая лежит в

основе сексуального. Это надо понимать даже на внешнем уровне посредством того, что человек принадлежит к своему народу благодаря рождению, поскольку созревает в матери определённого народа, поскольку так осуществляется посредничество. Таким образом, вы видите, через какие, можно сказать, подземные душевные основы национальная проблема связывается с проблемой сексуальной. Поэтому в этом феномене так много родственного между обоими этими импульсами в жизни. Кто смотрит на жизнь открытыми глазами, обнаружит чрезвычайно много родственного между той формой и тем типом, как человек проявляет себя на эротическом уровне, и как действует он в своей принадлежности к народу. Тем самым не говорится ничего ни «за», ни «против» по отношению к тому или иному; но факты таковы, как я характеризовал их. Побуждения национального типа, которые очень сильно действуют в бессознательном, если они не подняты в «я»-сознание, когда этот вопрос сводится к вопросу кармы, - как я недавно характеризовал это, - побуждения национального типа являются родственными сексуальным побуждениям. Нельзя обходить такие вещи с помощью того, что кому-то, вследствие заблуждения или страстного желания, хотелось бы считать национальные эмоции эмоциями благородными, достойными, тогда как сексуальные эмоции - мало приличными: факты таковы, как я их развивал вам.

Отсюда вы могли бы теперь усмотреть и то, что люди приходят к известному согласию, если они ведут переговоры на уровне головы. Тут они одинаковы. Если бы мы были только головами, мы бы очень легко могли прийти к пониманию. Это сказано парадоксально: если бы мы были только головами. - Но если кто-то хочет вести совместную жизнь со многими людьми, ему приходится использовать такие парадоксальные выражения. Так однажды, - это я дополняю в скобках, - я познакомился с одним знаменитым австрийским поэтом, который мыслил также и на философском уровне, и который ужасно боялся всё большей и большей интеллектуализации человечества. Он говорил: люди развиваются так, что становятся всё интеллектуальнее и интеллектуальнее, в конце концов, их остальное тело станет совсем маленьким, совсем зачахнет, и они будут странствующими головами. Он это говорил совершенно серьёзно.

Были бы мы, как сказано, головами, мы во многом могли бы прийти к пониманию. Однако относительно того, что

может быть понято посредством инструмента системы спинного мозга, людям понять себя уже труднее. Поэтому они ведут борьбу в отношении мировоззрений, религий, относительно всего, что они связывают со сверхличным. А то, что они ведут борьбу за то, чьим органом является ганглиозная система, в этом, особенно в современности, никто не усомнится. Причём под этим я подразумеваю не внешнюю войну, но ту войну, в которой ненависть выступает против ненависти; ибо внешняя война может даже не иметь дело с тем, что страшным образом распространяется, как ненависть против ненависти.

Люди должны снова осознать эти вещи. Ибо только благодаря тому, что люди снова проникнут в природу человека, можно будет найти дорогу из того хаоса, в который вступило человечество. Завтра мы будем и дальше говорить именно об этом хаосе. Но только, да будет нам ясно; знание, познания о сложной природе человека, которыми будут овладевать, должны быть проникнуты тем настроением, которое я вам характеризовал перед этим: безличным настроением.

Прежде всего, я характеризовал вам безобидное личное настроение: это люди, которые не справляются с самими собой, которые тому или иному говорят всё от сердца. Но в мире мы встречаем и менее безобидные личные или групповые эгоистические настроения. Оккультные знания не всегда используются самоотверженным образом, это вы видели благодаря рассмотрению, проведённым нами в течение этих недель. Мы глубже заглянем в импульсирование, которое правит в человеческих событиях, если мы вообще сможем рассмотреть человеческую природу во всей её сложности. Ибо то, что можно узнать об отдельном человеке, связано со всем тем, что происходит в человеческом развитии среди людей, как в отношениях отдельного человека к отдельному человеку, так и в отношениях внутри группировок, и в отношениях между группировками.

Я указывал вам на то, что в некоторых оккультных братствах оккультные знания применяются для того, чтобы задать направление, которое затем будет использовано таким образом, что не общечеловеческие цели, но цели группового эгоизма должны будут достигаться посредством оккультных импульсов. Я говорил вам о том, что в некоторых оккультных братствах существует взгляды о том, как должна быть сформирована Европа, к какой структуре Европы хотели

бы привести. Если к тому, что сегодня уже вышло наружу, я добавляю нечто другое, что ещё не вышло наружу, то делаю я это по той причине, поскольку мне кажется, что это хорошо - чтобы когда-либо, где-либо, пусть даже в таком маленьком кругу, будет сказано то, что появится в будущем точно также, как уже появилось дело о разделе Австрийской Империи в ответной ноте президенту Вильсону. Ибо тот, кто знает эти дела, тот мог бы этот раздел Австрии отнести ещё к девяностым годам (19в) - дальше я не заходил, - на основе уже упоминавшейся карты.

То, что публикуется, всегда составляет лишь часть; она вливается во внешние экзотерические дела к тому времени, когда полагают, что тем самым можно воздействовать, другое скрывают. Поистине не ради того, чтобы хоть в малом действовать на уровне агитации или политики, но только ради того, чтобы сообщить вам познавательные факты, говорю я о том, о чём я хочу сказать вам сейчас. Оно существует в мире. Я очень далёк от того, чтобы желать нагнать на кого-либо страх, или желать подействовать на кого-либо, чтобы он поверил тому или иному, или же стал в том или ином направлении испытывать опасения; нет, я имею тут дело исключительно с познанием. И здесь мне хотелось бы нарисовать вам нечто от той карты будущего Европы, которая вынашивается в некоторых оккультных обществах, как я уже описывал это вам. Только чтобы дело пошло быстрее, всё это придётся рисовать приблизительно. Как сказано, речь идёт о том, как задумывают в таких оккультных братствах построить Европу отдалённого будущего (изображается на рисунке). *(Данного рисунка в тексте нет - примеч. перев.)*

Первое, что бросалось в глаза, была южноевропейская, Балканская конфедерация; которая должна была стать своего рода форпостом, своего рода валом против руссизма. Ибо, как само собой разумеющееся, руссизм рассматривался на Западе, как другой полюс, не как нечто такое, с чем желали бы всегда оставаться связанными, но как то, что в некотором смысле всегда должно быть тем, против чего хотели бы бороться. В этой конфедерации хотели скрепить сегодняшнее королевство Италию с балканскими славянами, и славянством, относящимся ныне к Австрии, она должна была бы охватывать большую часть Аппенинского полуострова, италоязычную часть Швейцарии, южную часть Австрии, Кроацию, Словонию, Далмацию. Сюда же должна была бы войти Греция, но только северная. Конфедерация должна

была также охватить Венгрию и устье Дуная. Всё это должно было бы стать Балканской Конфедерацией. Тем самым было бы сломано по направлению к Востоку всё, что, - как предполагали, - могло бы быть охвачено Россией. В программе этой карты, - я это настоятельно подчёркиваю, - всегда очень остро отмечалось: по отношению к Польше, имеется, якобы, всемирно историческая необходимость, что эта страна при любых обстоятельствах, должна снова во всём своём составе войти в русское государство. Итак, эта программа с самого начала состояла в том, что Польша, включая части, сегодня принадлежащие Пруссии, снова были присоединены к Российской Империи, к русскому государству. Итак, в соответствие с этой программой Российская Империя должна была бы охватывать современную Польшу, а также Галицию и Словакию. Подобно опускающемуся сюда полуострову стало бы всё то, что я здесь заштриховал. Здесь должна была бы быть Буковина (изображается на рисунке).

Затем идёт Франция, которая должна была бы охватить области по Рейну вплоть до рейнского устья, а также франкоязычную часть Швейцарии; всё это должно было бы ограничиваться Пиренеями, а здесь примерно такими границами. О скандинавских народах ничего особенного не сказано; им хотят на долгое время предоставить отсрочку.

В остальном же должно быть так: немецкоязычная Швейцария с Германией и немецкими областями Австрии: они должны охватить эти области здесь. То, что покрыто краской, должно в большей или меньшей степени попасть в, так или иначе образованную сферу влияния Британской Империи: Голландия, Бельгия, побережье, Португалия, Испания и нижняя часть Италии, - об островах мы поговорим как-нибудь в другой раз, - и южная часть Греции.

Здесь мы имеем карту, которая отчётливо показывает, как то, что мы вчера пытались зафиксировать на доске, является своего рода авансом для этой карты, ибо со Средней Европой происходит примерно то же самое, если вы сравните эту карту с тем, что уже написано в ноте Антанты к Вильсону. Это то, что расценивали как идеальное разделение Европы. Тем самым ничего несправедливого не происходит: Рим остаётся здесь, он, само собой разумеется, остаётся в Италии. - Это не есть то, с помощью чего я хотел бы оказать на кого-либо хоть малейшее влияние; нет, этим я хочу сказать только то, что как новое построение Европы, изучалось в некоторых оккультных братствах; это было ясно

прослежено мною в ретроспективном порядке вплоть до девяностых, восьмидесятых годов.

Почему грядущее построение Европы выглядит тут именно так, какие для этого причины, - об этом тоже не раз сообщалось. Сообщалось известным образом и то, каким способом и на каком пути желали видеть такое формирование Европы; само собой разумеется, принимая в расчёт разумные причины. Об этом мы будем говорить завтра утром.

Мне очень хорошо известно, что злые силы с легкостью могут сказать, что было неумно, принимая во внимание известный пункт, именно здесь, в этом месте говорить такие вещи. Но я не хочу никого агитировать, я не хочу предоставлять ту или иную картину будущего, ни воюющим странам, ни нейтральным странам. С такими вещами я не хочу иметь дела, но насколько я высказал их здесь, они полностью происходят лишь из тех импульсов, которые развиваются в тех кругах. Так что мы имеем тем самым картину мира, возникшую из стремлений использовать известные импульсы в интересах группового эгоизма. Тому, кто должен был немного испугаться того, что тут всё может исчезнуть, я могу сказать; речь о том, чтобы рассматривать общечеловеческие задачи. Надо рассматривать и эти вещи, когда они вытекают из групповых эгоистических интересов, причём не следует рассматривать их как некий фатум, некий рок. Гораздо более роковой кажется мне та позиция, которую я мог бы характеризовать как позицию страуса, прячущего голову под крыло, который хотел бы просто закрыться от таких познаний, поскольку они ему неприятны, поскольку он не смеет думать о них, ибо они несут беспокойство. Само собой разумеется, я знаю, что даже здесь могут сказать: всё-таки не надо было бы говорить об этих вещах, так как это может обеспокоить тех людей, которые хотят оставаться нейтральными. - Однако на нашей почве такому беспокойству не место. Мы всё же должны быть готовы к тому, чтобы рассматривать такие вещи, и то, как они развиваются в мире. И если я говорю такие вещи сегодня, то делаю это, предполагая, что вы достаточно разумны, чтобы воспринять эти вещи правильным образом.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТАЯ Дорнах, 15 января 1915

Вчера я указывал на то, как духовные члены человеческого существа имеют точку приложения в физическом организме. Эти познания должны будут вливаться в сознание человечества, ибо они являются тем, что должно в истине вести человечество к свету из материалистического мрака нашего времени, того мрака, который будет длиться ещё долго - долго. Однако нить спиритуального познания никогда не должна оказаться полностью оставленной. Об этом всегда должна заботиться, по крайней мере, малая часть человечества. Я уже обращал внимание на то, что именно правильное познание материализма, который со стороны нашей антропософски ориентированной духовной науки, ни коим образом не должен недооцениваться, должно быть по-настоящему освещено, если спиритуально рассматривают такие вещи и, в особенности, человека. На одном примере, как тот, из которого я исходил вчера, вы можете увидеть, что спиритуальная наука целиком и полностью принимает к сведению то, что происходит в человеке на материальном уровне, только спиритуальная наука признаёт к тому же и духовное, и исследует фиксацию духовного в материальном, особенно в человеке. Тем самым избегаются те препятствия, которых следует избегать, и которые состоят в том, что духовное ищет лишь в абстрактных понятиях, у которых нет силы, чтобы проникнуть в то, что создано посредством духовного: в материальное. Духовное не должно жить только в облаках понятий, подобно кукушке, паря над материальным, но должно быть исполненным мощи, интенсивным для того, чтобы иметь возможность проникать в само материальное и в своей духовности иметь возможность показывать, как это духовное в своей реальности является творцом материального. Настоящая спиритуальная наука должна также дать возможность понять материальное, понять жизнь на физическом плане. Вот почему важно обращать внимание на взаимопроникновение, взаимодействие духовного и материального в человеке, - особенно в это время, - когда необходимо правильно понимать вмешательство того, что не является чувственным, вмешательство Народной Души в существо человека.

Я говорил: то, что в повседневной жизни мы мыслим, чувствуем и волим как принадлежащее не просто к той или иной группе людей, а к земному человечеству в целом, связано с твёрдым, земным элементом. И хотя мы имеем в себе всего лишь пять процентов этого твёрдого элемента, - как говорил я, - тем не менее то, что способствует чисто личному познанию, волеизъявлению и интенсивности чувства в мире между рождением и смертью, связано с твердой минеральной составляющей в органах нашего головного мозга; там находится точка приложения для всего этого. - Как скоро мы поднимаемся к тому, что ведёт человек к сверхличному или ниже личного, мы уже не можем обходиться с такими представлениями, которые сообщаются нам посредством твёрдого элемента; эти представления будут сообщаться посредством жидкого элемента. Представления, которые ведут нас ещё дальше в сверхличное или ниже личного, такие, как вмешательство Архангелов в человеческое существо, сообщаются нам посредством воздушного элемента. Этот воздушный элемент является посредником между этими существами Архангелов с их сферой, и тем, что изживает человек, причем бессознательно, как я указывал на это вчера.

Более, чем на девяносто процентов, мы представляем собой водяной столп, то есть колонну из жидкости, однако эта жидкость в человеке, на которую внешняя наука сегодня обращает ещё слишком мало внимания, является прямым и главным носителем человеческой жизни. И я уже указывал однажды на то, как воздушный элемент посредством водного элемента действует в твёрдом элементе, который фиксируется в головном мозге. Мы делаем вдох; вследствие того, что мы вдыхаем воздух, - то есть, того, что наше тело наполняется воздухом, - орган, который мы называем диафрагмой, опускается. В этом всасывании воздушного потока и всего, что с этим связано, включая и опускание диафрагмы, мы имеем дело с той сферой, в которой действуют импульсы, исходящие из царства Архангелов. И поскольку всё это остаётся в подсознании, в подсознании остаётся и истинный образ действия Народной Души; это действие только, как я говорил вчера, используя сравнение, поднимается как волна, хотя и в совершенно другом виде, нежели живёт она внизу в действительности. Когда диафрагма отесняется вниз, начинается своего рода застой крови в венах нижней части тела. Вследствие этого поток ликвора, мозговой жидкости через канал спинного мозга

отжимается вверх в головной мозг, изливаясь вокруг затвердевшей массы головного мозга; так что в данный момент, вследствие вдоха, ликвор находится в головном мозгу, будучи вытеснен вверх. В этом воздействии пульсации ликвора, мозговой жидкости, заложено всё то, что как импульсы входит в человека из сферы Архангелов, всё то, чего человек может достигнуть как представлений, ощущений, поднимающих его в сверхличное или ниже личного, то есть связывает его с силами, выходящими за пределы жизни и смерти. И в самом головном мозге мозговая жидкость, ликвор, наталкивается на твёрдое.

Параллельно этому протекает процесс, состоящий в том, что в нашем жидком элементе волнообразно колыхнутся представления, понятия, ибо представления и понятия являются духовными сущностями, которые подобно волнам вздымаются в водном элементе. В качестве наших повседневных, относящихся к чувственному миру представлений они проявляются вследствие того, что наталкиваются на твёрдое, отражаются от твёрдого назад, и благодаря этому входят в сознание.

Когда же мы снова выдыхаем, тогда вследствие этого в кровеносных сосудах наступает застой, и ликвор, мозговая жидкость по каналу спинного мозга оттесняется вниз в нижнюю часть тела. Она может войти туда, так как вследствие выдоха диафрагма поднимается и благодаря этому образуется пространство для сливания ликвора вниз в нижнюю часть тела. Мышление, представления и так далее, не являются тем процессом, о котором грезят сегодня науки - анатомия и физиология, как о чисто мозговом процессе. Мышление и представление зависят от того, что происходит в мозгу как отражение от твёрдого, они связаны с тем, что больше не отражается, но остаётся в жидком элементе и оттуда, на окольном пути через дыхание, упорядочивает влияние газообразного элемента. Это тоже окольный путь, на котором передаётся всё, что связывает нас с климатом, с земными условиями, определяемыми территориально, с иными внешними влияниями, связанными с дыханием. В том, что никогда не втекает в сознание, в процессе дыхания, который есть ни что иное, как волнующееся море, волнообразно вздымается духовная реальность. Процесс дыхания связан с головным мозгом на окольном пути через ликвор.

Тут вы имеете манифестацию материального процесса, относящегося ко всему человеку, вы познаёте его как

откровение духа, который облакает нас повсюду точно так же, как воздух или влажность. Благодаря настоящему пониманию этих материальных процессов, вы сможете заглянуть в то, как действует на человека земное окружение со своей, находящейся в нем духовностью; как человек, как нечто духовно-физическое, вырастает в духовно-физическое своего земного окружения, своей земной среды. Воздух, вода и тепло, окружающие нас, есть, ни что иное, как тело для духа, точно так же как наши мускулы и нервы являются телом для духа.

Сейчас я привожу эти вещи, поскольку благодаря этому можно увидеть, какие ещё скрытые от современного познания процессы лежат в основе человеческой жизни; ведь задача пятой послеатлантической эпохи состоит в том, чтобы сделать эти процессы объектом настоящего познания. Всё преподавание, вся педагогика, все занятия людей, но также и вся человеческая внешняя жизнь в ходе пятой послеатлантической эпохи должна проникнуться этими познаниями. Надо знать, как то, что сегодня в материалистических кругах рассматривается как наука, должно постепенно вместе со своими жизненными последствиями исчезнуть из жизни на Земле. И вся борьба, которая ещё будет вестись в пятую послеатлантическую эпоху, будет лишь внешним выражением той духовной борьбы, как и нынешняя борьба, в конце концов, является внешним выражением противоречия между материализмом и спиритуализмом. Ибо, как бы не были скрыты эти вещи, за бесконечно трагичными событиями современности лежит борьба материализма против спиритуализма. Эта борьба должна быть доведена до конца. Она будет принимать различные формы, но она должна быть доведена до конца, поскольку люди должны научиться переносить всё то, что надо перенести, для того, чтобы овладеть спиритуальным мировоззрением для шестой послеатлантической эпохи. И можно сказать: должно быть ещё многое выстрадано, но лишь из боли и страдания возникнет то, что по-настоящему свяжет познание с нашим «я»; ибо с другой стороны, со всем тем, чем является в мире материалистическое воззрение, связано и материалистическое построение жизни, которое сегодня только в начале, но которое ещё примет бесконечно более страшные формы.

Материалистическое построение жизни особенным образом начинается с того, что в первую очередь как познаваемое рассматривается только материальное; но это

построение жизни до известной степени ведёт и к тому, что люди в жизни ценят только материальное. Однако это зайдёт дальше, значительно дальше, станет гораздо интенсивнее. Ибо пятая послеатлантическая эпоха должна будет изжить себя. В разных областях она должна придти к, своего рода, высшей точке. Ибо лишь на своём противоположном полюсе спиритуализм может познаваться с той интенсивностью, с которой он должен познаваться, когда человечество должно будет созреть для перехода в шестую послеатлантическую эпоху. Поэтому вы не должны бояться следовать в основном спиритуальном направлении, которое предоставляется как возможность для понимания внешних фактов мира. Ведь первой задачей и обязанностью для спиритуально стремящегося человека является – понять ход человеческого развития вплоть до современности, понять вероятный ход развития в будущем в спиритуальном направлении. Мы часто говорили о том, что как наследие оставалось от конца истекшего в 15 столетии четвертого послеатлантического периода. Мы говорили о том, что пятый послеатлантический период предназначен к тому, чтобы полностью привести к развитию душу сознательную.

Именно душа сознательная у человека должна глубоко смыкаться со всеми материальными событиями, со всем, что связано с материализмом. Мы видели, как в четвертую послеатлантическую эпоху с 8 столетия до Р.Х по 15 столетие после Р.Х в мире постепенно становился господствующим греко-римский элемент: сначала в том, что обычно называют Римской Империей, затем в римском папстве, которое достигло высшего пункта своего господства в 13 и в начале 14 века. Это было как бы начало пятого послатлантического периода; это было начало первого крушения римско-папского господства. В то же самое время это является началом того импульса, под влиянием которого стоят наши нынешние траурные события. И в сущности, никто не может понять, что происходит сегодня, если он не рассматривает эти вещи по большому счёту, в более крупном масштабе. Ибо в печальных событиях сегодняшней Европы принимают участие, в сущности, все европейские народы. Кто хочет знать, должен по необходимости видеть импульсы, которые долго подготавливались и сегодня в некотором смысле впервые излились наружу.

Поэтому сегодня мы хотим, я бы сказал, обобщая, соединить далеко отстоящее с близлежащим. Вспомним сначала, что мы однажды сообщали о том, как южные

народы, итальяно-испанское население, создавая государство, отобразили своего рода последствие третьей послеатлантической эпохи, само собой разумеется, с включением всего наследия четвертой эпохи. Вам надо только исследовать всю структуру итальяно-испанского развития, как она выявлялась на повороте от четвертой к пятой послеатлантической эпохе, чтобы увидеть, что в нём ещё содержится то, что было бы правомерно и современно для третьей египетско-халдейской эпохи. Именно в той форме и в том виде, как, исходя из Рима и Испании, в качестве религии осуществлялся культ, заимствованный из египетско-халдейского элемента, имеете вы пережиток отставшего египетско-халдейского начала, которое затем в 13 веке (по Р.Х) достигло своего апогея. Если мы хотим одним выражением, которое может быть понятно нам сегодня, - ведь слова в разное время понимаются по-разному, - обозначить то, что, исходя с юга Европы, достигло в 13 столетии своего апогея как папство, - папство, которое фактически тогда распространилось над всей европейской культурой и господствовало над нею, - то мы должны будем сказать, что это, в сущности, культово-иерархический, церковный элемент. Этот культово-иерархический, церковный элемент, в который, как в затопивший Европу романский католицизм, превратилось римское начало, латинство, являлся одним из импульсов, последствие которого, как отставший импульс, прошло через весь пятый послеатлантический период, проявляя своё остаточное воздействие особенно в первой трети этого периода. Вы можете, я мог бы сказать, вычислить, как долго это будет продолжаться. Вы знаете, что один послеатлантический период, одна эпоха длится примерно две тысячи сто шестьдесят лет; одна треть составляет семьсот двадцать лет. Итак, вы, начиная примерно с 1415 года, имеете главное действие до 2135 года, так что последние потоки иерархического романизма, латинства должны будут продлиться до начала третьего тысячелетия. Это то последствие, в котором импульсы четвертой послеатлантической эпохи осуществлялись в форме третьей эпохи. Однако эти вещи действуют все одновременно; также и другие импульсы действуют совместно с этими. Свой собственный апогей романский католицизм имел уже в 13, 14 столетиях.

Взглянем на то, как он протекал дальше. В этом случае мы должны его действие до 13 века, когда он действительно

был ещё правомерен, поскольку тогда была ещё четвертая послеатлантическая эпоха, отличать от того, что последовало затем, когда он принял иной характер, характер отставшего импульса. Он пытался распространиться. Как же он распространялся? Он распространялся значительно. Мы видим, как то, что постепенно в новое время созревало как государственные образования, государства, более или менее проникаются романским католицизмом. Мы видим, что созревающее английское государственное образование, государство в начале пятой послеатлантической эпохи сначала находится целиком в руках романского католицизма. Мы видим, как Франция и остальная Европа в отношении своих представлений и жизненных импульсов находится в лапах этого романского иерархически-культового элемента. Если мы хотим характеризовать то, что живёт здесь, мы должны сказать: существует стремление, исходя из Рима пропитать, пронизать культуру Европы этим иерархическим церковным элементом вплоть до того вала, который она сама создала себе в Восточной Европе. - Однако замечательным образом такое стремление, если оно представляет собой отставший импульс, принимает внешний характер. У него больше нет силы для развития внутренней интенсивности, из-за чего оно принимает внешний характер. Оно главным образом разливается в ширину и не имеет силы идти в собственные глубины. Поэтому как достойное внимания, мы видим, что римский иерархизм становится всё интенсивнее, всё больше идёт в ширину, но в тех странах, откуда он излучается, он подрывает собственное население, не даёт внутренней жизни.

Вы видите, как начинаются эти вещи. Повсюду вовне в различных формах распространяется романское начало, романизм, в то время как в Италии, в Испании он сам подтачивает население. Представьте себе, что за странное христианство жило в Италии, когда папство предстояло в полном блеске. Это было то христианство, против которого звучали громовые слова Савонаролы. В отдельных индивидуальностях как в Савонароле, несомненно, жил импульс Христа; но эти индивидуальности считали необходимым подтачивать основу и почву этого официального христианства. И если бы кто-то сделал наброски истории о том, что происходило в исходном пункте этого влияния, он бы сказал: власть романского элемента пошла вширь, но христианское чувство в самом исходном пункте этого влияния было подорвано. Это можно доказать

вплоть до отдельных подробностей, и правда состоит в том, что оказывая влияние, излучаясь, дело уничтожалось в себе самом. Таков был ход жизни. И как человек, становясь старым, истощает свои силы, так истощаются и культурные феномены, если в своей собственной сущности они идут вширь и подрывают себя.

Я уже сообщал вам при других обстоятельствах, как французский государственный элемент в некотором роде представлял собой своего рода возобновление, новое поднятие четвертой послеатлантической эпохи в пятой. Тут мы имеем дело со вторым излучением, влиянием. И, как для южного элемента мы пытались подобрать понятное слово в выражении «культово-иерархический-церковный» - то есть то, что стремится основать в Европе универсальную монархию церкви, теократию, - так и теперь мы попытаемся подобрать понятное для современности слово для того культурного элемента, который переносит культуру души рассудочной из четвертой послеатлантической эпохи в пятую послеатлантическую эпоху. Если хотят найти слово, которое охватывает в себе все исторические элементы, если имеют добрую волю для того, чтобы найти слово, соответствующее фактам, соответствующее действительности, чтобы обозначить то, что было внесено в пятую послеатлантическую эпоху элементом французской государственности, то мы должны сказать: это универсально-дипломатический элемент. И всё, что связано с этим универсально-дипломатическим элементом, связано также с тем, что происходит из собственного французского государственного элемента. Не напрасно французский язык является до сих пор дипломатическим языком. И вплоть до мелочей каждый освещает исторический ход, если находит, что точно так же как из Рима и Испании излучалась универсальная теократия, из Парижа излучается универсально-дипломатический элемент.

Замечательно то, что, хотя и в меньшей степени, чем в случае испано-итальянского начала, - поскольку речь идет о поднятии не столь далеко отстоящего позади элемента, - в случае французского элемента с его излучением тоже сопряжено подавление первоисточника. Особенно интересно, как рассматривается в этом свете история. Возьмите ту форму, в какой, преобразуя старые импульсы в дипломатически-политическое начало, великие французские государственные мужи как Ришелье, Мазарини, и так далее, инагурируют и продвигают мировую дипломатию. Слуги

Людовика XIV мыслят в европейском масштабе, не во французском, и рассматривают себя как само собой разумеющихся властителей Европы в отношении дипломатии, в отношении универсального дипломатического элемента. Тут всегда один элемент принимает импульс другого. Не напрасно политики- дипломаты, как кардиналы стояли рядом с французскими королями, когда французское государство переживало свой апогей.

Однако тот, кто исследует историю Франции именно в это время, найдёт, что те заботы, которые по всей Европе были предметом дипломатии, отбирали бесконечно много сил из области народного хозяйства, финансов, а также и у остальной культуры собственной страны, они подрывали её вплоть до отдельных случаев. Конечно, желая увидеть эти вещи, не следует рассматривать их в свете национальных предрассудков, надо рассматривать их во всей их истине, непредвзято и объективно. Отсюда и то разрастание в народе революционного элемента, которое могло возникнуть как следствие такого подрыва, и которое привело к противоположности тому, что наиболее соответствовало французскому государству – королевскому началу. (*то есть привело к республиканству - примеч. перев.*) Параллельные явления революционного характера, вспыхнувшие потом как революции в Испании и Италии, не связаны с указанными причинами. Но можно сказать: именно в революции выявилось то, как в этом французском элементе действует контраст между заботами в связи с европейской дипломатией, и гораздо меньшей заботой о собственной стране. – Ведь мы не должны забывать, что в то же самое время в связи с пятой послеатлантической эпохой начинается распространение культуры по всей Земле благодаря открытиям на Земле новых, доселе неизвестных областей. Мы видим, как государства, граничащие с морем, основывают свои морские силы, свой флот. Когда французский дипломатический элемент распространил свои заботы по всей Земле, в этом участвовал и французский флот – это вы можете подробно исследовать в истории. Но он имел свой противоположный полюс в том, что, не будучи предметом заботы, бушевало внутри (страны), и затем вылилось в революцию. Отсюда та странность, что по мере разрастания революции французским, морским силам уделяли всё меньше внимания, пренебрегали ими. Вы можете увидеть, как в то время, когда разрасталась французская революция, флот становился всё меньше и меньше, и

морскими силами совсем пренебрегали. Но это имело значительные последствия. Когда французский элемент от времени республики снова вернулся к тому, что наиболее соответствовало ему, - к цезаризму Наполеона, то именно в связи с персоной Наполеона развилось сильное противостояние по отношению к третьему началу, тому, которое соответствовало пятой эпохе; это противостояние Франции и Англии, которое долго готовилось, но именно в личности Наполеона приняло совершенно иной характер, нежели прежде.

Что видим мы как, в высшей степени замечательное, во всех волнениях наполеоновского времени? Кто изучает то, что жило в отношениях Наполеона с Европой, видит значительное противоречие между Наполеоном и Англией. Однако Наполеону не доставало того, что не удалось сохранить в революционном наследии, того, чего ему в некотором смысле и должно было не доставать - это «должно» я говорю в том смысле, как говорят об исторических необходимостях - не доставало, чтобы реализовать противостояние второго элемента против третьего, французского против английского: ему не хватало флота! Желая строить гипотезы, которые уместны в истории лишь ради её понимания, можно было бы вполне прибегнуть к такой: имей Наполеон собственную сильную морскую державу, флот, который он мог бы соединить с другими морскими державами, с которыми он был связан, он не был бы побежден Англией на море, и вся история пошла бы иначе. Но военно-морских сил он от революции не получил. Тут мы видим, как граничат между собой два элемента, которые из третьей и соответственно, четвертой послеатлантической эпох перенесены в пятую.

Тем самым мы имеем третье начало, которое, в сущности, соответствует пятой послеатлантической эпохе, и которое вырабатывает культуру души сознательной: это английское, британское начало. Точно также, как элемент души ощущающей, который говорит в теократическо-культовом начале посредством итальянского и испанского элементов, - душа ощущающая живёт не в сознании, - так французскому элементу соответствует политико-дипломатическое начало, а британскому - коммерческо-индустриальное начало. В нём душа человека полностью изживается на материале физического плана. Мы только должны зафиксировать существенную разницу: с претензиями на мировое господство папизм мог выступать лишь по определенной

причине. Видите ли, имеется четвертая послеатлантическая эпоха (изображается на рисунке); приходит первый член, «А», пятой послеатлантической эпохи – это папистско-иерархический элемент. Он ещё стремится стать своего рода универсальной монархией по той причине, что он до некоторой степени является продолжением универсальной Римской Империи. Теперь «В»: культура души рассудочной. Хотя она тоже стремится к универсализму, но этот универсализм имеет слишком идеальный характер, и самым важным в распространении французского элемента является, всё же не владычество, не завоевание, которые выступают лишь в качестве сопутствующих явлений, но пронизание мира политическим духом, политико-дипломатическим мышлением и чувством, тем политико-дипломатическим мышлением, которое живёт не только во французской дипломатии и политике, но и в литературе, и даже в остальных частях французского искусства. Но если хотят говорить об универсальной монархии или чём-то подобном, то приходится говорить лишь о, своего рода мечте об универсализме. И марширование на пике цивилизации тоже выражает эту мечту.

И напротив, мы приходим к третьему, к «С», оно согласуется со всей пятой послеатлантической эпохой, которая, со своей стороны приводит к проявлению души сознательной, тому, что как специальная составляющая соответствует британскому элементу, особому носителю души сознательной в эпоху, когда особенным образом должна развиваться душа сознательная. Отсюда претензии британского элемента на универсальное коммерчески-индустриальное мировое господство.

Мои дорогие друзья, вещи, имеющие основу в духовной жизни, проявляются во всей полноте. Им гарантировано такое проявление во всей полноте, изживание себя. Не считайте, что можно морализировать или теоретизировать по этому поводу; они проявляются во всей полноте, они становятся реальными. Поэтому никто не должен полагать, что миссия британского народа реализуется не вследствие с необходимостью действующих внутренних причин; эта миссия состоит в том, чтобы основать на Земле коммерчески-индустриальную универсальную монархию. Эти претензии вытекают из реальности. Эти вещи следует познавать как заложенные в мировой карме. То, что говорят, и то, что думают люди, является лишь откровением стоящих позади духовных сил. Поэтому никто не должен полагать, что

британская политика изменится в моральном отношении и из особого уважения к миру дистанцируется от своих претензий на коммерческо-индустриальном уровне заполучить в свои руки весь мир. Вот почему нам не стоит удивляться тому, что видящие эти вещи основывали общества, которые исходили из того, чтобы единственно осуществить нечто подобное, причём осуществить средствами, которые в то же время являются и духовными средствами. Тут начало недозволенной совместной игры. Ибо, само собой разумеется, оккультные принципы, оккультные средства, оккультные импульсы использовать в качестве двигателя, мотора нельзя именно в пятую послеатлантическую эпоху, ибо она должна быть чисто материальной культурой. Спорность действий, их уязвимость начинается в тот момент, когда за распространением чисто материальной культуры стоят оккультные импульсы. Но именно это имеет место, как я вам уже сообщал. Хотят основать мировое господство не только посредством того, что предлагается как силы на физическом плане, но хотят продвигать эту культуру с оккультными импульсами, импульсами, которые находятся в мире, не будучи проявленными, открытыми. Тут оккультные средства работают не для блага всего человечества, а лишь для блага одной группы. Вы основательно поймёте многое, если такую обзорную точку зрения, которую я вам предоставляю на основе глубоких познаний, увяжете с повседневными событиями.

Есть многочисленные и достойные признания идеалисты, - я тут ни в коем случае не шучу, поскольку идеализм достоин признания всегда, даже если он ошибается, - которые верят в то, что сеть коммерчески-индустриальных мероприятий, распространённая Британской Империей по многим странам будет существовать лишь до тех пор, пока длится война, и что затем люди снова получат свободу в своём коммерческом общении. Отвлекаясь от некоторых иллюзий, которые пробуждаются вследствие «междуцарствия», вследствие того, что делается, чтобы люди не сразу насторожились, то, что в это военное время началось по всему миру как контроль над коммерческим общением, не следует мыслить так, что после войны он снова исчезнет; его надо мыслить так, что он, начавшись вместе с войной, продолжится и дальше. Война всего лишь дала повод, чтобы сунуть нос в деловые бухгалтерские книги людей, но отнюдь не следует верить, что этот нос, засунутый в деловые книги, после войны исчезнет - я символически имею в виду

то, что должно произойти в широчайших размерах. Имеется в виду, что коммерческое мировое господство станет всё интенсивней и интенсивней.

Всё это я говорю не для того, чтобы кого-либо агитировать, но только лишь для того, чтобы из импульсов мировой истории стало ясно то, что существует. Только познание того, что существует, может привести человека к тому, чтобы он поступал соответственным, правильным образом. Также вполне может произойти, что та европейская карта мира в известных оккультных братствах проявится в том виде, в каком я смог вчера нарисовать её вам на доске. Я настоятельно подчёркиваю: эту карту я смог ретроспективно проследить до восьмидесятых годов 19 столетия. Насколько далеко уходит она назад, я не знаю. Я говорю только то, что я знаю; только то, о чём я могу сказать с уверенностью. Вот почему я ничего не говорил о скандинавских штатах, о скандинавских государствах, поскольку я не знаю, касаются ли их какие-либо предназначения. Я строго ограничиваю себя и в том, что я знаю, и особенно подчёркиваю это в данных обстоятельствах, несмотря на то, что это является принципиальными положениями, которые я при любых обстоятельствах исследую.

Вы также должны принять то, что эта карта, то есть это разделение европейских соотношений, имеет тенденцию служить созданию коммерчески-универсальной монархии. Европа должна быть организована так, чтобы можно было основать коммерчески-универсальную монархию. Я не говорю, что это должно произойти уже завтра; но вы видите, что деление на части продвигается. Вы только сравните нынешнюю ноту Вильсона с этой картой Австрии, и вы будете иметь точную копию карты. Относительно Швейцарии там сегодня ещё ничего не сказано; этот аванс потребует позже. Но и она рассматривается в том ряду, который уже соответствует карте, нарисованной мною вчера.

Это разделение Европы, которое задается здесь, подходит для того, чтобы достичь коммерческого мирового господства. Вы можете исследовать подробности на этой карте, и вы увидите, что эта карта придумана для того, чтобы основать то, о чём я только что сказал. Я сказал: коммерческое мировое господство; - ибо нет необходимости с самого начала владеть всеми территориями, но достаточно аранжировать их так, чтобы они, как говорится, попали в сферу влияния. Затем всё это очень хитро устраивалось,

чтобы в сферу влияния заполучить именно те области, которые я вчера заштриховал желтым цветом, как особо интересующие британцев; окраинные, пограничные области. Для того, чтобы другие люди ещё оставались в состоянии благодушия, в некотором идеализме, дело ведется так, чтобы иметь коммерческое господство, а другим предоставлять до времени играть с территориями. Но сферы влияния будут расположены так, как это обозначено. Дело тут не в том, будет ли Бельгия, или Франция существовать к 1950 году в своих границах, но дело в том, какую власть будут иметь бельгийцы в этой Бельгии, какую власть будут иметь французы в этой Франции, и какую власть будут иметь британцы в Бельгии или во Франции. Для утверждения коммерческого мирового господства не является необходимым сразу же стремиться к захвату территорий. Но нам должно быть, прежде всего, ясно, что это коммерческо-индустриальное мировое господство существует. Это основание чего-то очень важного.

Я должен был бы прочесть целый ряд лекций, если бы стал обосновывать всё это в подробностях. Но сделать это было бы можно, ибо то, что я вам говорю, глубоко обосновано. Но сегодня я могу лишь указать вам на это. Если хотят утвердить коммерческо-индустриальное мировое господство, надо основные области, которых это касается, прежде всего, разделить на две части. Это связано с природой коммерческо-индустриального начала. Я могу выразить это только с помощью сравнения: то, что происходит в мире физического плана, всегда надо держать разделенным на две половины. Представьте себе учителя без ученика - этого не бывает. Так не может быть и коммерческого, без области, противостоящей коммерческому. Поэтому точно так же, как по одну сторону основывается британская коммерция, создается и нечто русское как принадлежащий сюда же противоположный полюс. Для того, чтобы задать соответствующую дифференциацию между покупкой и продажей, для того, чтобы задать циркуляцию, необходимы две области. Нельзя сделать весь мир единым государством; так как не может быть основано коммерческое мировое царство. Это не в точности то же самое, но сходно с тем, что если человек что-то производит, он нуждается в потребителе; иначе он ничего производить не сможет. Так должно существовать расщепление надвое. И то, что делу следует дать такой ход, есть крупная, гигантская мысль тех оккультных братств, о

которых я говорил. Это всемирная, гигантская мысль – создать противоположность по отношению к которой всё остальное – всего лишь мелочь; это противоречие между британской коммерческой империей и тем, что выступает из русского элемента наряду с обусловленной спиритуальными задатками подготовкой к шестой послеатлантической эпохе, наряду со всем тем, что я вам описал. – Это великая, гигантская, достойная удивления мысль тех оккультных братств, о которых говорилось. Ибо, выражаясь тривиально, едва ли можно было придумать более прекрасную мысль для того, что, в сущности, образуется на Западе как высочайший расцвет коммерческого и индустриального мышления, чем мысль о том, что будущие русские славяне, которые в будущем, совершенно несомненно ещё менее, чем сегодня, будут склонны профессионально заниматься коммерцией, – вследствие этого они и могли бы стать весьма отличным противоположным полюсом.

Однако речь идёт о том, что, само собой разумеется, такая империя должна оговаривать условия своего собственного существования. Это было глубокой мыслью Спенсера и его предшественников, которые всегда подчёркивали: коммерческо-индустриальное начало, внедрившееся в народ, не хочет иметь дело с войной, оно существует для мира, нуждается в мире и любит мир. – Это совершенно верно: существует глубокая любовь между тем, что имеет тенденцию к коммерческо-индустриальному и мирному началу в мире. Только вот любовь к миру принимает иногда странную форму. В нынешней ноте Вильсона живёт нечто достойное внимания. Несмотря на то, что только что на карте было нарисовано, чем станет Австрия – вы увидите, что происходит с Австрией, если посмотрите на карту, нарисованную в полном соответствии с нотой, – несмотря на это, нота Вильсона отваживается на высказывание: то, что живёт в среднеевропейских народах как политическая общность, не будет как-либо затронуто. – Тут тоже имеет место «гигантизм», гигантизм в абсолютно фривольном обращении с истиной, ибо обычно, если и говорят что-то неправдивое, то о чём-то хотя бы находящемся вне данного документа; здесь же на одном и том же листе говорится о двух вещах: мы раздробим государство в Средней Европе, но мы ему ничего не сделаем. – Газеты хором сопровождают эту ноту, они пишут: увидим, примут ли силы Средней Европы такие приемлемые условия. – Можно прочесть повсюду: силы Антанты поставили свои условия; увидим,

будут ли эти вполне приемлемые условия жестко отвергнуты силами Средней Европы. - На деле это идёт дальше, но это можно прочесть.

Проследим эту мысль, куда она заведёт нас. Мы имели дело с расщеплением мира, и речь идёт о том, чтобы провести это расщепление так, чтобы можно было сказать всему свету: мы хотим мира, действуем только для мира. - Это соответствует известному рецепту, по которому теперь пишется очень многое, нечто такое, как если бы кто-то сказал: я не хочу сделать тебе ничего плохого, я даже пальцем тебя не трону, но я запрю тебя в глубокой подвал и не дам тебе есть! Разве я тем самым причиню тебе хоть самое малое? Разве хоть один человек сможет сказать мне, что я тронул тебя хоть одним пальцем? - По такому рецепту теперь формируется очень многое, по такому рецепту формируется и та любовь к миру, то миролюбие, несмотря на то, что оно является некой реальностью. Но если это миролюбие в то же самое время сочетается с претензией на коммерческое мировое господство, оно становится неприемлемым для других, использовать его совершенно невозможно. Таким образом, для этого миролюбивого коммерческого начала в будущем его миролюбие станет до некоторой степени помехой. - Само собой разумеется, об этом знают также и те, кто так делит мир, поэтому им необходим некий вал, барьер между сторонами. Этим валом должна стать большая югославская конфедерация, которая, включая Венгрию, охватит всё то, на что я указывал вам вчера: это должно будет содействовать миру. Вид и форма, в которой Британская Империя относится к Средиземному морю, посредством указанных мною сфер влияния, показывает, что к этой Югославской конфедерации вполне могут присоединить Константинополь и все возможное. Однако такая конфедерация будет простираться лишь до Средиземного моря, поскольку на Западе Средиземное море можно при желании запереть (*имеется ввиду Гибралтарский пролив - примеч. перев.*). Короче, вплоть до отдельных подробностей вы можете исследовать эту гигантскую, величественную мысль, заложенную в этой карте. Сегодня не хватит времени, чтобы войти во все эти отдельные подробности. Однако это гигантская, величественная мысль оставляет для Франции свободными только южные гавани, выходящие в Средиземное море, а все остальные намерена заполучить в свою собственную сферу влияния. Это, в сущности, означает, что французская

колониальная Империя, Франция, основанная под чужим протекторатом, будет иллюзией; она тоже окажется в сфере влияния. Если вы всё это исследуете, вы увидите, каким гигантским образом из того, чем является культура души сознательной, должно осуществиться то, к чему стремятся эти оккультные школы.

Происходят вещи, которые соответствуют известным импульсам. Ибо в мировой истории и мировой эволюции правит необходимость. Эти вещи происходят. Однако они происходят так, что силы действительно воздействуют друг на друга. Как в электричестве не может существовать положительное без отрицательного, но противоположности с потенциалами разных знаков действуют друг на друга, так обстоит дело и в том, что происходит с человечеством. Если обращают внимание на эти вещи, следует вести рассмотрение, свободное от ханжеской морали. Оно оберегает человека от вопроса: почему должно произойти нечто? - В миссию некоторого элемента заложено то, что нечто должно произойти, и то, что развивается, должно развиваться. Но при этом должна быть и противоположная часть, противоположный полюс, по отношению к тому, что стремится к этим вещам. Это тоже должно быть. И если мы теперь ещё раз рассмотрим эти вещи по большому счёту, крупным планом, то увидим, как, исходя от периферии, действует то, что было характеризовано выше как те три части, три члена.

Теперь посмотрим назад в сторону центра. Речь идёт о том, что тут находится эта противоположная часть, этот противоположный полюс, для того, чтобы могло происходить своего рода торможение. Это торможение столь же необходимо, как необходимо другое. И столь же мало, как я порицаю одно, хвалю я другое; я всего лишь описываю импульсы, факты. Мне нисколько не приходит в голову бросаться пренебрежительными моральными суждениями относительно того, что я описываю как необходимость, исходящую из всего характера пятой послеатлантической эпохи. Мир материальной, индустриальной, коммерческой культуры не является чем-то плохим, он всецело представляет собой необходимость. Но должен быть и противоположный полюс, ибо развитие человечества не может идти вперёд так, чтобы эволюция шла просто по прямой линии. Должно иметь место взаимное столкновение противоположностей, и в их взаимном столкновении возникает реальность. И в Средней Европе всегда был необходим набор импульсов, которые

частично работали вместе с импульсами, излучающимися в сторону периферии, таким образом, который я вам уже изображал, но частично во многих отношениях имели трагическую судьбу, будучи вынуждены противопоставить себя тем импульсам.

Конечно, эти импульсы излучаются из Средней Европы и реализуются в разных местах во многих отношениях. Но кто посмотрит точнее, тот обнаружит в Средней Европе противополож по отношению к импульсам, только что описанным мною. Вы только представьте себе, как в Средней Европе, прежде всего, выступила оппозиция против культово-теократического испанско-итальянского Юга, как эта оппозиция в лице Лютера достигла известного апогея, высшего пункта, тогда как наибольшая глубина была достигнута в среднеевропейской мистике. Так правильно сливалось то, что было не только немецким, не только германским, но в чём славянское и среднеевропейское начало действовало друг в друге. Здесь не хотели иметь христианство папского иерархического импульса, хотели дать действовать более внутреннему христианству, которое притеснялось на Юге. *Савонарола* был просто казнён. Это внутреннее начало жило в *Иоганне Гусе*, как и в происшедшем из англо-германского начала *Виклефе*, как в *Цвингли*, как в Лютере. Но свой наиболее глубокий элемент они имели в среднеевропейской мистике, которая, впрочем, была очень близка славянскому элементу. Именно в этом отношении вы можете увидеть, как замечательным образом, выполнялись эти вещи. Ибо Средняя Европа с проникшим в неё славянством является в некотором роде оппонентом периферии, и, несмотря на политическую разрозненность, славянство, восточное начало действовало совместно со среднеевропейским. И даже в оккультном отношении это удивительным образом действовало совместно.

Мы видим, как на Юге всё больше и больше развивается известный материалистический элемент, который переживает свой апогей в таких людях как *Ломброзо*. Этот материалистический элемент мы видим также на периферии, причём он задаёт там тон. Вплоть до Оливера Лоджа, о котором мы говорили в последнее время, мы видим, как в спиритуализм вторгается материалистическое начало. Но с другой стороны мы видим, как этому противостоит то, что эмансипировалось от романско-иерархического. Тут за коренным немцем *Кеплером* стоит поляк *Коперник*; в особенности славянские мыслители стоят за германскими. Я

мог бы сказать: мы на физическом плане видим связь среднеевропейских славян: Гус - чех, Коперник - поляк, и другие - можно было бы упомянуть и других, - они образуют связь и над физическим планом. Но вы видите так же, как в Средней Европе славянский элемент срастается с германским элементом вы видите тут восточнославянский элемент в его срастании с Европой. Но это видно только в том случае, если рассматривают оккультные отношения.

Чтобы привести только один пример: душа *Галилея* снова живёт в русском *Ломоносове*, и русский Ломоносов является во многих отношениях основателем славянской культуры на Востоке. Тут между ними лежит духовный мир, так, что можно сказать: среднеевропейские славяне ещё на физическом плане связаны с людьми Запада. То, что лежит за этим, связано с людьми Запада посредством высших планов.

Этому вполне соответствует тот факт, что русский элемент следует после по отношению к славянскому, этому также соответствует то обстоятельство, что отношение западных славян к западной Европе надо мыслить иначе, нежели отношение восточных славян. И только в том случае, если мыслят не в смысле поступательного общечеловеческого развития, а в смысле англоязычной Империи, желают включить поляков в русское государство.

Именно в этом пункте вы видите разницу между мышлением, которое думает лишь об отдельной группе людей, и мышлением, которое думает об общечеловеческом благе. Мышление, направленное на общечеловеческое благо, никогда не стало бы включать польские области в Российскую Империю. Ибо западные славяне в соответствии со своими глубинными задатками замечательным образом включены в Среднюю Европу. Сегодня я не могу говорить об изменчивой судьбе польского народа, я лишь хочу сказать, что вершиной духовной культуры польского народа является польский мессианизм, который, - каждый может думать о реальности, как он хочет, - содержит идеи. Эти идеи коренятся в духовном чувстве, в духовном представлении, и направлены на то, чтобы из польской народной субстанции дать человечеству то, что является содержанием польского мессианизма. Тут вы до некоторой степени имеете гностический элемент, который соответствует одному из трёх душевных членов, которые должны от западных славян влиться в Среднюю Европу.

Второй элемент мы имеем в чешском начале, которое не напрасно имеет своего *Яна Гуса* из Гуссинца; тут мы имеем второй член души, из славянства выдвинутый в Среднюю Европу. А третий член находится в южных славянах. (*Имеется в виду душа сознательная у чехов, душа рассудочная у поляков и душа ощущающая у южных славян - примеч. перев.*) Эти три душевных члена выдвинуты как три культурных полуострова, и они совершенно не относятся к восточноевропейскому славянству. Именно ради того, чтобы иметь известные рамки, в которых западные славяне в соответствии с их собственными стремлениями могли бы достигнуть расцвета, возникла Австрия, Австрийская Империя, - внешне, на физическом плане посредством заключения (династических) браков, внутренне же посредством того, о чём я только что говорил, - она должна была сплавлять, амальгамировать немецкие и западноевропейские народности. Но не ради принципа власти! Тот, кто знает Австрию второй половины девятнадцатого века, найдёт смешным то, что в отношении к Австрии и принципа власти говорится в нынешней ноте Вильсона. Само собой разумеется, эти отношения тяжелые. Но то, что отыскивались возможности, чтобы дать каждой славянской индивидуальности, и вообще каждой народной индивидуальности развивать действительную свободу в Австрии, знает каждый, кто знаком с австрийской историей 19 столетия. Но всего этого в этой ноте не имеется. Надо всего лишь взять в руки элементарный учебник по истории, чтобы увидеть, как те земли, которые теперь Италия требует у Австрии, никогда не были под итальянской властью. И, тем не менее, в этой ноте стоит: итальянцы требуют областей, которые принадлежали им когда-то. - В этой ноте речь вообще не идёт об истине, но о том, что говорят, чтобы высказаться в расчёте на то, как вследствие магической власти современной журналистики, люди будут вынуждены всему этому поверить. Но и с этим считаются не всегда. Но именно это относится к магическим средствам известных обществ, которые соответствующим образом рассчитывают на силу журналистики. Именно потому, что Австрия под поверхностью внешней истории готовилась к миссии, о которой я говорил, она была противником, противоположным полюсом ко всему масонскому, которое как раз на Западе распространяло те формирования, которые я характеризовал в последние недели. В Австрию масонство войти никогда не смело. Оно лишь едва-едва начиналось, - тогда как оно жило

в Средней Европе, - но именно в той форме, которую я уже характеризовал, - по ту сторону Лейты (*приток Дуная - примеч. перев.*); там кое-что существовало.

Конечно, существуют и другие импульсы, которые, как вы видели, ведут к тому, что правление осуществляется мягко, чтобы среднеевропейские народы в политическом смысле не пришли в упадок. Но именно на это направлены военные цели и мирные предложения, которые сейчас делаются. Но то, что таким образом свалилось на Австрию, вы могли бы частично объяснить себе из тех противоречий, которые всегда существовали между Австрией и западноевропейским масонством, и которые, в сущности, ведут назад ещё до времени Максимилиана I (1459-1519). Само собой разумеется, он украсил себя разными делами, и на то, что я скажу, можно легко возразить, поскольку дела эти на физическом плане замаскированы, ведутся с осторожностью.

Мы видим, что Средняя Европа ради человечества должна была обороняться, ибо должна была представлять собой противоположный полюс против импульсов, приходящих с Запада. Это в свою очередь обусловило то, что среднеевропейское развитие не шло по прямой линии, но, я бы сказал, колебалось, то поднимаясь, то опускаясь; ибо оно всегда должно было удерживать те импульсы, и к определенной эпохе развить особую их интенсивность, направленную против импульсов, приходящих с Запада. Возьмём иерархически-теократический импульс. Во время принятия того, что как христианство переносилось в Европу на волнах иерархически-теократического импульса, уже, начиная с 12 века, возникла оппозиция. Почитайте *Вальтера фон Фогельвейде*, великого среднеевропейского поэта: в его лице вы найдёте оппозицию по отношению к римскому папству, по отношению к романскому началу вообще. То, что позднее изживалось в *Яне Гусе*, в *Лютере*, в *Цвингли* и так далее, вы уже найдёте у *Вальтера фон Фогельвейде*. Но вы также найдёте и то, что развивало себя как внутреннее христианство, - идущее параллельно с периферийным, но в более внутренней форме, - в поэме о *Парсифале Вольфрама фон Эшенбаха*.

Так уже в начале пятой послеатлантической эпохи вы имеете оппозицию по отношению к теократическо-иерархическому романскому началу, исходящему из Испании и Италии. И этот противоположный полюс действует так, что это внутреннее начало никогда не отвергалось. Оно осталось.

Однако оно было чуждо принципу власти и сформировалось как противоположный полюс.

Я не порицаю одного, и не хвалю другого; я цитирую. Мы имеем иерархически-теократический принцип; затем приходит дипломатически-политическое начало. Оно перенимается во всех своих формах, со всеми сопутствующими явлениями. Тут интересно войти в отдельные исторические подробности. Это, в сущности, неправильно, когда в исторических справочниках часто приводят, будто бы открытие пороха стало причиной современного устройства армии, в противоположность устройству армии на основе рыцарства средних веков. Существенное состоит в том, что с началом нового времени натуральное хозяйство, господствующее в течение средних веков, было заменено денежным хозяйством, что насильственно вызвало господствующую власть денег, чего не было прежде. Прежде в большей степени господствовало натуральное хозяйство. Деньги играли только вспомогательную роль. Однако, благодаря денежному хозяйству сначала сформировалась наёмная армия, которая была несовместима со всем старым, приспособленным к натуральному хозяйству средневековья устройством армии на основе рыцарства. Это более современное устройство армии пришло из Швейцарии. Швейцарцы были первыми, кто стали (наёмными) солдатами в современном смысле пятой послеатлантической эпохи. Вы можете проследить историю: именно вследствие того, что швейцарцы стали усердными солдатами, они пользовались большим успехом, когда им пришлось сражаться, чтобы более поздняя Швейцария могла справиться с наступлением рыцарства. Это я, в сущности, говорю швейцарцам. В сущности, швейцарцы были первыми, кто на военном уровне победил рыцарство. Говоря о преодолении рыцарства, надо искать это преодоление рыцарства в Швейцарии. Ибо, как рыцарство было преодолено там посредством устройства армии из солдат пехотинцев, так и во всей остальной Европе учились исключительно у швейцарцев. Изучайте историю, и вы найдёте тому подтверждение.

Продолжим рассмотрение дальнейшего развития вплоть до Наполеона. В чём заключалось превосходство наполеоновских солдат и армии по отношению к среднеевропейским армиям? В том, что, в сущности, Средняя Европа даже ко времени Наполеона ещё работала, - конечно, не со швейцарскими солдатами, - но по принципу

швейцарского солдатства, в то время как Наполеон уже командовал настоящей народной армией, сформированной из французского народа. Это можно оценить по достоинству, если как следует исследовать битвы между среднеевропейцами и Наполеоном. Полководцы армий Средней Европы, ох!, как приходилось им своих солдат-наёмников, которыми они, в сущности, были, водить на верёвочке вплоть до квартиры! Для них никогда не было возможно стратегически развёртывать дальние рубежи. - Наполеон был во французской армии первым, кто мог развёртывать дальние рубежи, поскольку он имел народную армию, армию, рождённую из тела народа. Ему не нужно было заботиться о том, - когда он распределял состав своих войск в соответствие с о стратегической необходимостью, - что его люди бесконтрольно побегут оттуда. Прусский военачальник, например, участвуя в знаменитых походах Фридриха Великого, был должен постоянно опасаться того, что его подразделение, которое он куда-либо послал, в ближайший момент дезертирует, поскольку это была не народная армия, но люди, собранные отовсюду, которые порой дрались друг с другом; они были из самых разных, порой враждебных друг другу областей. Открытие народной армии было сделано во Франции, и это привело к тому, что в Средней Европе, начиная с Пруссии, тоже были созданы народные армии, совершенно по французскому образцу; и только благодаря этому среднеевропейская народная армия стала чем-то принявшим французский характер.

Так мы сами видим в этой области, как ведётся параллельная работа с периферией. Само собой разумеется, противостояние состоит в том, что ведётся война, если речь идёт о вооружённых силах. Но для нас это не самое главное, нет, мы должны проследить эту противоположность в другой области.

Итак, мы видели, что вследствие всего, что увенчалось реформацией, иерархически-теократическое романское начало получило оппозицию в Средней Европе. Дипломатически-политический характер приживался в Средней Европе до времени Фридриха Великого, до 18 столетия. Лессингу пришлось думать, а не написать ли своего «Лаокоона» на французском языке. Прочтите эпистолярную литературу 18 столетия; в Средней Европе люди умели хорошо писать на французском, а на немецком - плохо. Французское начало затопило Среднюю Европу. Можно сказать, что только ко времени Лессинга в отношении

к французско-дипломатическому началу, по другую сторону, - благодаря Лессингу, Гердеру, Гёте и тому, что следовало затем, - произошло то же самое, что когда-то произошло на юге вследствие реформации. Здесь среднеевропейская литература в лице *Гёте, Шиллера, Гердера, Лессинга* эмансипировалась от Запада, подобно тому, как во время реформации среднеевропейское христианство эмансипировалось от южного. Но одновременно с этим процессом отделения рука об руку происходил процесс соединения. Лессинг в своей юности ещё много писал по-французски. Вся философия Лейбница, не написанная по-латыни, написана по-французски, а не по-немецки. В этих двух областях происходила совместная работа, хотя она в то же самое время носила оппозиционный характер. Эти вещи мы вполне можем обозначить как: южное начало - среднеевропейское начало: оппозиция; западное начало - среднеевропейское начало: оппозиция.

Но существует также и третье, что всплывает: это британское начало. Сначала имел место известный параллелизм, как это особенно выразилось в том, что великий Шекспир начиная с 18 и в течение 19 столетия стал полностью немецким поэтом, то есть тут он целиком и полностью принимается. Его не только переводят, но он полностью ассимилируется, живёт в немецкой духовной жизни. По легко понятным причинам я не хочу говорить, что он сегодня живёт и дальше в немецкой духовной жизни в большей степени, нежели в британской духовной жизни. Но надо всё же увидеть всё развитие; от *Элиаса Шлегеля*, который делал первые переводы Шекспира, до утончённой проникновенности духом Шекспира у Лессинга, до энтузиазма немецких натуралистов и Гёте по отношению к Шекспиру, далее к отличным, нельзя даже сказать переводам, но немецкой ассимиляции Шекспира благодаря *Шлегелю и Тику*, и далее, до наших дней. В немецком народе Шекспир живёт. И когда сам я приехал в Вену и наряду с моими естественнонаучными занятиями слушал лекции о литературе, то первой, услышанной мною лекцией, была лекция Шрёдера, который тогда сказал, что хочет говорить о трёх самых значительных немецких поэтах: о Шиллере, о Гёте, и о Шекспире! Само собой разумеется, это не является похищением Шекспира, относительно которого неуместна претензия на то, что он немец. Однако этот пример показывает, что это стояние в оппозиции было в то же время и абсолютным сотрудничеством. Таким было оно в

отношении французского дипломатически-политического начала, таким оно было и в отношении британского начала. Но, в то же время, должен был существовать и противоположный полюс. Третий член в Средней Европе ещё не сформирован. То, что привело к Реформации - есть первое; оно противостоит южному иерархическому началу. Западному началу противостоит то, что увенчалось «Фаустом» Гёте. На что мы надеемся в Европе, так это на формирование духовнонаучного элемента. И в этом отношении существует острейшая оппозиция между Средней Европой и британскими областями; оппозиция, которая гораздо острее, нежели та, которая имела место в Лессинге, Гёте и их последователях по отношению к французскому дипломатическому началу. И в этом отношении всё, что разыгралось между нами и сторонниками А. Безант, и так далее, было всего лишь прелюдией. Такие вещи следует рассматривать с очень высоких, крупных, широких точек зрения.

Я думаю, что вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы не верить, будто я говорю из мелкого тщеславия, когда я говорю то, или иное. Однако я полагаю, что существует большое противоречие между тем, что работает с материальными экспериментами и тому подобным, даже чтобы доказать наличие спиритуального, и тем, что хочет возвыситься до спиритуального из импульсов человеческой души. Такие вещи могут не становиться столь brutальными, когда из *Алкиноя* делают материального Христа, они могут оставаться на уровне тонких сообщений, как в случае Оливера Лоджа; но при этом человек чувствует нечто от того, что должно быть. Не знаю, но это не повредит, если сказать об этих вещах: есть известное противоречие между тем, что возникло почти одновременно, когда с одной стороны материалистическим образом сэр Оливер Лодж указал на духовный мир, тогда как с другой стороны я написал мою книгу «О загадке человека», где была предпринята попытка среднеевропейским образом указать пути, которые именно в Средней Европе, исходя из человеческой души, вводят в духовный мир. Нет противоречия большего, нежели книга Оливера Лоджа и эта книга «О загадке человека». Они являются абсолютно взаимно противоположными полюсами, так, что более абсолютного противоречия и представить себе нельзя.

Будучи столь ясно дифференцированными, как изображаются эти вещи, они выступили более или менее с

начала пятнадцатого послеатлантического периода. Так как до этого эти вещи во многих отношениях были другими. Прежде свою власть вплоть до Англии простирала романская универсальная Империя, а острая дифференциация между Францией и Англией появилась, в сущности, вследствие выступления Орлеанской Девы; затем к этому примкнуло всё то, что могло произойти в рамках этой дифференциации. Достоинно внимания то, что уже в пределах этих самих рамок, всплыло сознание, импульс к созданию связи с противоположным полюсом. Ибо мы видим, - я уже часто говорил об этом, - мы видим как чисто британский философ *Френсис Бэкон Верулемский*, основатель материалистического мышления нового времени, - как я это характеризовал вам, - инспирируется из того же самого источника, как и Шекспир, который затем сильнейшим образом воздействовал на Среднюю Европу, о чём я сообщал. Из того же самого источника инспирируется и *Якоб Бёме*, который насадил всю эту инспирацию в среднеевропейскую душевную субстанцию; из того же самого источника инспирируется южнонемецкий иезуит *Якоб Бальде*. Вы видите: под поверхностью того, что происходит на физическом плане, правит то, что вызывает гармонизацию. Только надо мыслить все эти вещи действительно дифференцированными, подразделенными, а не давать этим вещам исчезнуть в неопределенном сумбуре, путанице. Один из величайших, гигантских мыслителей британского государства сам стоит рядом с той оппозицией по отношению к чисто коммерческому началу в рамках британской коммерции: это *Иаков I*. Иаков I внёс новый элемент, причём настолько, насколько ему удалось привить британской народной субстанции то, - и привить надолго, ибо британская народная субстанция всегда этим обладает, - привить то, что она не смеет утратить, если ей не суждено полностью раствориться в материализме. Однако то, что он тут привил, по подземным каналам связано со всей остальной европейской культурой. Тут мы стоим перед значительной мистерией.

Если вы примете к сведению те вещи, которые я вам сообщаю сейчас, вы будете говорить: справедливым, правомерным нельзя назвать ни то, ни другое; надо просто понимать эти вещи во всей их необходимости. - Но надо уяснить себе то, что эти вещи действительно должны просматриваться. Было бы легко бросить вопрос: что можно сделать самому в это исполненное страданиями время?

Первое, что можно сделать, - это попытаться понять эти вещи, увидеть их насквозь. Тогда появляются мысли, явятся и силы, которые будут действовать. Если спросить: разве добрые силы не имеют власти, если уж, в сущности, плохие силы так проявляют себя? - Тут следует подумать также и о том, какие трудности проистекают сегодня из свободы человека в деле реализации спиритуальности на огненных волнах материальной жизни. Вот о чём идёт речь. Должно ли человечество с легкостью прийти к спиритуальной жизни?

Более поздние времена, оглядываясь на наше сегодняшнее время, скажут: сколь вялы, небрежны были эти люди по отношению к усвоению спиритуальной жизни! Духи посылают её нам вниз; но люди противятся ей. И наряду со всем трагическим и исполненным страдания, что правит в современности, это правящее начало является также судьбой, которая означает испытание. Именно как испытание надо, прежде всего, понимать и признавать все эти вещи. Позднее выявится, насколько это будет возможно, что, так называемые виноватые, страдают вместе с невинными; ибо по ходу кармы всё это будет выравнено, компенсировано. Не надо говорить: разве добрые духи не вмешаются? - Они вмешиваются в той степени, в какой мы им открываемся, если имеем мужество открыться им. Но сначала мы должны принять эти вещи с полной серьёзностью, с совершенно полной серьёзностью и пониманием.

К этому пониманию относится и то, что некоторое число людей должно приложить силы, чтобы всем своим личным элементом действительно противостать этим огненным волнам материализма. Ибо материализм, изживающийся в коммерческо-индустриальном импульсе свяжет себя с тем, что из других отставших импульсов, из китайско-японского, особенно из японского элемента всё больше и больше приходит в материализм.

Вчера здесь спрашивали о том, не думают ли те братства, которые с Запада работают ради одной группы, что с Востока будут подтягиваться, переселяться японцы? Да, те люди, которые принадлежат таким обществам, не рассматривают это как нечто плохое, но рассматривают это как поддержку материализма. Ибо то, что приходит сюда из Азии, будет представлять собой особую форму материализма. В любом случае, должно быть ясно, что надо все силы противопоставить материалистическим волнам. Это может каждый человек. Плоды стремлений будут появляться. Нет надобности в том, чтобы называть то, что должно

противостать материализму. Не называйте его «среднеевропейским началом», не называйте его «немецким», в этом нет необходимости; но взвесьте, примите во внимание противоречивую игру сил, как она вам может быть объективно показана.

В двух фразах можно обобщить то, что необходимо, чтобы работать против материализма, который, впрочем, имеет своё оправдание. В пятую послеатлантическую эпоху мир в будущем в ещё большей степени будет насаждён коммерческим и индустриальным началом; но противоположный полюс, противоположус должен иметь место: должны найтись люди, которые вследствие понимания работают на противоположной стороне. Ибо, чего хотят эти оккультные братства? Эти оккультные братства работают не из особого британского патриотизма, но хотят, в конце концов, поставить всю Землю под господство исключительного материализма. И поскольку, в соответствие с законами пятой послеатлантической эпохи, некоторый элемент британского народа наиболее сильно предопределен быть носителем души сознательной, - они, эти оккультные братства посредством серой магии хотят привести к тому, чтобы использовать этот подходящий элемент в качестве покровителя и двигателя материализма. Вот в чём тут дело. Если знают, какие импульсы играют роль в мировых событиях, то могут и направлять их. Другие составные части народа никогда не позволят использовать себя в качестве подобного материала для превращения всей Земли в материалистическую область, ни один другой народ, ни одна составная часть народа. Вот почему надо подчинить, «загнуть пятки к затылку» этим составным частям народа, лишить их всех спиритуальных стремлений, которые естественным образом живут в каждом человеке, живут именно в каждом человеке. Но поскольку карма такова, что здесь особенно действует душа сознательная, эти оккультные братства выискивают элементы именно британского народного характера. И вслед за этим они посылают через мир волны материализма, чтобы совершенно завладеть всем физическим планом. И даже о духовном мире хотят говорить только так, как будто он является откровением физического плана.

Этому могут противостоят стремления тех, кто понимает необходимость спиритуальности на Земле. И если вы рассмотрите с этой точки зрения то, что противостоит здесь, то сможете резюмировать это в двух фразах. Одно выражение

вам хорошо известно, хотя оно ещё не полностью говорит из сердца и из души человека: « Царство Моё не от мира сего ». Вопреки ему, должно звучать то царство, которое должно быть распространено на физическом плане, и которое должно быть лишь «от сего мира»; вопреки коммерческому и индустриальному материализму должно постоянно звучать слово: «Царство Моё не от мира сего». Сегодня уже нет времени для того, чтобы объяснить вам, насколько правильная оценка слов «Царство Моё не от мира сего», связано с заботой об общечеловеческом; не немецком, а именно об общечеловеческом. Индусы различали четыре касты, четыре сословия различали древние греки, одно за другим возникали они в ходе второй, третьей, четвертой послеатлантических эпох; в пятую послеатлантическую эпоху должно проявиться четвертое состояние, - общая жизнь, общечеловеческое. Не то, чтобы все могли стать священниками, но священство может стремиться к власти, к господству. Мы видим это в третью послеатлантическую эпоху, мы видим это, оживающим в иерархическо-теократических силах. Вторую касту, королевское начало в греко-романском элементе, мы видим изживающемся снова во втором послеатлантическом элементе, когда дипломатическо-политическое начало становится особенно действенным; ибо республиканское начало во Франции есть всего лишь противополож, поскольку все создаёт свой противополож. Собственному французскому государственному характеру соответствует только монархический принцип, поэтому то, что здесь звучат о республике, есть только слова; в действительности же здесь господствует король, который случайно оказался адвокатом, проводившим ранее румынские процессы. Но дело не в словах, а в делах. Именно поэтому худшее в наше время состоит в том, что позволяют так легко опьянить, одурманить себя словами. Если кого-то называют президентом, то он только от этого не становится президентом: дело в том, как складываются реальные отношения.

Третье состояние, третье сословие известно как промышленный, коммерческий элемент в (Древнем) Египте и в Древней Греции. Он снова поднимается в Британской Империи, и ещё должен царить над четвертым элементом, который представляет собой общечеловеческое. Интересно наблюдать его в отдельных проявлениях. Надо достичь действительного видения этих отношений, если хотят понять мир. Было бы курьёзом спрашивать себя: откуда в наиболее

остром, радикальнейшем смысле должны появляться социалистические теории? - Немецкие социалисты вполне соответствуют принципу, характеризованному мною: немцы всегда имеют миссию вырабатывать понятия в чистом виде. Так сами немцы выработали для социализма понятия в чистом виде, только вот, подходят эти немецкие социалистические идеи к немецким отношениям, как кулак подходит к глазу. В немецких социальных отношениях ничего не согласуется, ничего не подходит к немецкой социалистической теории! Вот почему вполне понятно, что после того как я некоторое время проработал в одной социалистической школе, я, в конце концов был изгнан из неё, поскольку говорил, что в смысле социализма должно быть заложено - развивать учение о свободе. - Со стороны вождей социал-демократии мне тогда возразили: дело не в свободе, а в разумном принуждении! - Социалистическая теория не подходит к социальным отношениям, а это означает, что социальная теория хочет развиваться на основе эволюции человечества. Отсюда она развивает три своих больших принципа: во-первых, принцип материалистического понимания истории, во-вторых, принцип прибавочной стоимости, и, в-третьих, - принцип классовой борьбы. Все три теории тонко разработаны, но к немецким отношениям они не подходят, но напротив удивительно подходят к британским. Тут всё изучено, тут был и *Маркс*, тут был и *Энгельс*, тут был и *Бернштейн*. Отсюда они возникли, к этому они приспособились, исходя отсюда они, - возьмём третий принцип, - основывались на теории классовой борьбы. Последняя, однако, правит, в сущности, в британской душе, - вспомните о Кромвеле. И если изучить всё, что правило со времен Кромвеля в британской душе, изучить в соответствие с её импульсами, то получится материал для третьего принципа, для классовой борьбы. После изобретения ткацких машин и введения той социальной жизни, которая пришла из-за этих ткацких машин, в Британской Империи правит то, что выразилось в теории прибавочной стоимости. А материалистическое понимание истории есть, в сущности, ни что иное, как педантично переведенное на немецкий язык понимание истории по *Букле*, например, по сочинению Букле «История цивилизации». (точнее «История цивилизации в Англии» - примеч. перев.) Она представлена так, как обстояли дела в британской культуре, в соответствие с основным положением - никогда не делать выводы. Дарвин тоже не делал выводов, но некоторым

образом ограничивал себя; тогда как дело это было круто и бесповоротно, - если хотите, с немецким педантизмом, - переоформлено в материалистическое понимание истории, исторический материализм у Карла Маркса. Интересно то, что для того общечеловеческого начала, которое интерпретируется как четвертая каста или класс, которое больше не может стремиться к господству - ибо под ним внизу нет больше никого, кем можно править, но можно лишь основывать отношения от человека к человеку, - для него так и не было создано никакой теории. Она придёт только тогда, если в её основу будет заложено то общечеловеческое начало, которое даётся в антропософски ориентированной духовной науке.

Это, не будучи понято неправильно, ведёт тогда ко второму высказыванию, которое подходит к словам «Царство моё не от мира сего»; это другое, второе предложение звучит так: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово». Это, однако, означает: к настоящему пониманию жизни и построению жизни можно придти только тогда, если осознать, что надо заботиться о спиритуальном элементе, поскольку духовный мир должен вмещаться в физический. - Сказать можно всё, что угодно. Дело в том, будет ли это понято всем сердцем и всей душой. Должны быть поняты слова: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово» и «Царство Моё не от мира сего». Тогда придёт атмосфера духовности, которой нет дела до всего материалистического, которое должно развиваться на Земле именно в пятую послеатлантическую эпоху. Но для этого необходимо видеть эти вещи в их истине.

Здесь мне хотелось бы обобщить эти рассуждения: пусть ваше сердце стремится увидеть эти вещи в их истинном свете. Только если найдутся сердца, которые увидят эти вещи в их истине, сердца, которые смогут пронизать взором страшный туман неправдивости, который теперь разливается по всему миру, мы пойдём дальше правильным образом. Я говорил: так как лук натянут до предела, он порвётся. И является ли тот документ, который отважились передать миру, и то, что сказано в конце этого документа, перспективой для поворота к лучшему? Могут придти даже худшие времена, но этот документ является вызовом самому духу истины, которая уже вмещается в эти отношения! Ибо возьмите только, - позвольте сказать мне это в заключение, - те образцовые, - я мог бы также сказать бывшие

образцовыми, - форму и образ нашего собственного поведения.

Мы на протяжении лет стремились быть космополитами, насколько это только можно. Мы пытались мучительным образом сохранить древненемецкую тенденцию к космополитизму. Что это дало? Прочтите, какая клевета о нас исходит от Британии; вся она со стороны тамошних теософов создаёт вид, как будто мы имели какие-либо честолюбивые германские стремления. Мы не предъявляли тех претензий, которые хотят нам приписать, подсунуть с той стороны. - Даже тот, на которого мы так полагались во Франции, Эдуард Шюре, по отношению к которому мы никогда поддавались искушению реализовать что-либо особо германское, поскольку он сам, в сущности, является носителем, переносчиком немецкой духовной жизни во Францию, - даже он интерпретировал как «пангерманское», «пангерманистское» то у нас, что не имеет ни черточки национального. - Это стало курьёзом, когда мы недавно раскрыли лексикон «Эдуард Шюре» и нашли там: «Посредник немецкой духовной культуры во Франции». Это вполне верно, ибо Шюре, в сущности, только говорит по-французски. Но поэтому человек может находить всё французским, если это «всё» он видит только в речи, в языке. - Итак, человек является «пангерманистом», если не говорит о немцах, как хотел бы этого французский шовинист Шюре, человек - немецкий агент, если он не говорит о немцах так, как этого хочет миссис Безант. Похожие явления видим мы даже в Италии, которые там набирают силу у наших бывших друзей.

Да, была необходимость защититься от этого. Но теперь появилась снова прекрасная возможность указать на нас и сказать: смотрите, как они атакуют, тут-то и видно, кто является агрессором! - Таковы, в конце концов, методы *Вольрата*, таковы методы *Гёша*. Эти методы мы видим всюду, мы узнаём о них из наших рядов. Сначала кого-то принуждают защищаться, а затем обращаются с ним как с агрессором. Это необычно эффективное средство, средство, которое теперь играет очень сильную роль в мире. Сам агрессор скрывается за шумом, криком, который он сам и поднимает, после того как он поставил другого в такое положение, когда надо защищать себя, но именно другого он клеймит как агрессора.

Однако не надо совершать ничего иного, как только служить миссии, состоящей в том, чтобы пробуждать

спиритуальную жизнь, придавать цену спиритуальной жизни. Это с одной стороны связано с основным положением: «Царство Моё не от мира сего», а с другой стороны с основным положением: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово». И то, и другое являются, как вы знаете добрым христианством. Но пройдёт ещё много времени, пока такие вещи будут поняты вплоть до отдельных подробностей. Теперь всё снова многократно попадают странные слова; позвольте мне сказать об этом напоследок. Говорят: Антанта назвала свои военные цели, но ведь и Средняя Европа тоже должна назвать свои военные цели, чтобы играть на равных. - Вообще, этот крик о среднеевропейских военных целях слышится с некоторого времени. Ну, военные цели Антанты мы с вами уже немного обсуждали. Но почему Средняя Европа должна назвать свои военные цели? Их просто никогда не было! Их нет! Поэтому, как само собой разумеющееся, появляется следующая позиция: мы будем вести переговоры, причём охотно, однако, должно выясниться, чего же вы, собственно хотите, тогда и будем говорить. Однако с нашей стороны исходит следующее: мы не должны говорить ничего особенного, мы просто хотим жить. - Конечно, на это могут ответить так: вы не выдаёте своих военных целей, наверно, за этим скрывается что-то особенное. - Ничего за этим не скрывается. Средняя Европа не желает ничего иного, как только того, чего она желала в 1912 и 1913годах. Тогда не было никаких военных целей, как нет их и сейчас. Дело не в том, что нечто говорят, а в том, соответствует ли сказанное действительности. Сегодня особенно крепкие глотки со всех сторон кричат о том, что за рождественским призывом к миру со стороны среднеевропейских сил скрывается какой-то лукавый, хитроумный финт. Какое-то лукавство, какое-то намерение одурачить другого, заложено, якобы, в этом рождественском призыве к миру. Со многих сторон утверждают, что, мол, мира они не хотят, а лишь разыскивают какое-либо хитроумное средство, для того, чтобы смочь снова вести войну. Если бы только вдумались в это! Если бы только вдумались в этот призыв к миру, тогда могли бы увидеть, представляет ли собой этот призыв какой-то финт. Таково настоящее мышление, а не то, которое держится на одной фразеологии. Победить фразу, фразеологию, всеми силами нашей души, это и есть то, что должно произойти, мои дорогие друзья; это и будет ближайшим из того, что мы должны будем внести в наши собственные души.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дорнах, 20 января 1917 г.

Имея дело с какими-либо импульсами, связанными с духовным миром, будь то импульсы с той или иной стороны, надо уяснить себе, что понимание этих импульсов возможно только с помощью духовной науки. Мы видим, что в событиях современности играют роль импульсы, которые мы вывели из сил, исходящих от людей; однако от таких людей, в чьих духовных импульсах следует разобраться.

Перед нашей душой должен выступить вопрос: так почему же некоторые люди делают то, о чём мы вели речь? - И следующий вопрос: почему мы живём теперь в то время, когда в столь многих формах действует неправдивость, неправдивое; оно действует как сила, господствующая в мире, как сила, толкающая людей, толкающая людей к страданиям? Эти страдания были бы куда более целительны, если бы претерпевались ради правды.

Поистине, это вещи связаны, прежде всего, с самыми глубокими импульсами человечества. Мы подойдём поближе к этим вещам, приблизим их к нашему времени, если в наше исследование включим то, что связано с первоочередными задачами того духовнонаучного направления, к которому мы приобщились. Вспомните, что благодаря нашей антропософски ориентированной духовной науке приобретает понимание некоторых духовных связей, существующих в мире, понимание некоторых сил, действующих в мире человека, действующих в человеческом мире не только, пока человек развивается от рождения до смерти, но также и тогда, когда человек развивается между смертью и новым рождением. Думать сегодня об этих вещах в правильном смысле современному человеку трудно, ибо он утратил некоторые качества, имеющиеся в древние времена развития человечества, качества, ушедшие на некоторое время в подосновы; качества, которые должны быть снова раскрыты, благодаря тому, что человек может заниматься

духовной наукой. Мы достаточно хорошо знаем, что в древние, давно минувшие времена человеческая душа была связана с духовным миром более непосредственно, более естественно, эта связь достигалась как нечто, само собой разумеющееся. Мы называли её атавистической. Вот почему, как мы знаем, у людей не было даже возможности для того, чтобы сомневаться в бессмертии, в жизни после смерти. Впервые такая возможность появилась лишь в переходное время, на смену которому снова должно придти время, когда будут знать о жизни между смертью и новым рождением. Ибо в древности совершенно естественным образом для человеческой души наступало некое состояние, как теперь наступают бодрствование и сон; человеческой душе было свойственно некое третье состояние. В нынешнем бодрствовании человек целиком и полностью замкнут в физически-чувственном мире, он живёт в физически-чувственном мире, он живёт во всём, что может он узнать между рождением и смертью благодаря своим чувствам и своему рассудку, связанному с мозгом. Тогда как во сне человек не имеет сознания. Существа (die Wesenheiten) «я» и астрального тела, в которых пребывает человек между засыпанием и пробуждением, ещё недостаточно сильны для того, чтобы достичь соответствующего сознания. Мы знаем, что астральное тело стало впервые развиваться с (древнего) Лунного времени (*космоса Древней Луны - прим. перев.*), а «я» - лишь с земного времени. Эти сущности по меркам космического развития слишком юны, они ещё недостаточно сильны для того, чтобы развить сознание, если они освобождаются в период между засыпанием и пробуждением. Во всяком случае, во сне поднимаются сновидения, сны в самых разнообразных формах. Смотря по обстоятельствам, в этих сновидениях содержится уже очень многое от духовного мира. Очень многое из духовного мира живёт в сновидениях, но душа человека в её теперешнем состоянии неспособна видеть за сновидением, неспособна видеть то, что изживается в сновидениях. Сновидения - это обманчивые картины, ткущие себя из тумана майи. Если бы знали, как правильно истолковать их в каждом отдельном случае, то в сновидениях могли бы получать переживания прошлых времён, или пророческие предсказания будущего. Также в сновидениях получают отображение тех процессов, которые разыгрываются между живыми и умершими,

когда человек находится в состоянии сна. Всё это получают благодаря сновидениям. Но человек на нынешнем этапе, ступени своего развития не понимает своеобразного языка сновидений, они остаются для него непонятными картинами, и это вполне естественно. Как европеец не может разобраться в звуках китайской речи, так и современный человек не может разобраться в образном языке сновидений.

Итак, в это переходное время человек действительно замкнут в том, что для него может стать осознанным лишь благодаря более древним инструментам, благодаря эфирному и физическому телам, которые развивались с сатурнического и солнечного времени (*то есть в эпохи Древнего Сатурна и Древнего Солнца - прим. перев.*). И которые поэтому наделены так, что дают человеку возможность развивать сознание, когда он находится в них - то есть от пробуждения до засыпания.

Духовная наука, поскольку мы ею занимаемся, даёт нам понятия сверхчувственного мира, господствующего в чувственном мире и за ним. Те понятия и идеи, которые мы воспринимаем в духовной науке, которые мы делаем своими собственными, которые мы усваиваем, относятся к нечувственному, сверхчувственному. Они относятся или к тому, что лежит между смертью и новым рождением, или к тому, что лежит в сверхчувственном, лежит позади чувственного. Если мы это постигаем, то мы постигаем тем самым не только определённые теории; так, по крайней мере, не должно быть, ибо дело в не том, что мы знаем то или иное, а в том, чтобы наша душа, характер приобрели особую настроенность при восприятии таких, относящихся к сверхчувственному истин.

Трудно подобрать слова для этих вещей; ведь наша речь приспособлена для внешнего физического плана, так что сначала для нас должно быть трудно, использовать нашу речь для сверхчувственных отношений. Я мог бы сказать, всё то, что мы обычно понимаем, живёт в нашей душе как бы грубо, уплотнённо, ведь мы всегда используем инструмент мозга, который приучен к работе с идеями и понятиями, относящимися к физическому плану. Но когда мы выясняем то, что не относится к физическому плану, мы должны так напрячь нашу душу, чтобы при этом напряжении, при этом изучении духовной науки участие головного мозга постепенно становилось всё меньше и меньше. И если у нас возникают трудности при понимании

того, что даёт нам духовная наука, это связано с тем, что наш головной мозг при этом, в сущности, стесняет нас. Мозг действительно выдрессирован, приучен к работе с грубыми понятиями физического плана, и мы должны прилагать усилия, чтобы усвоить тонкие понятия сверхчувственного мира. Тонкими они являются лишь для нашего человеческого рассудка. Но это напряжение носит здоровый характер, оно здоровое для нас; это напряжение целиком и полностью хорошее, ибо тем самым мы душевно живём в этой духовной науке совершенно иначе, нежели живём мы в физическом знании, науке и представлениях. Мы погружаемся в мир подвижных, тонких представлений и идей, а это важно.

Это даёт всем вам возможность придти в такое состояние, когда вы в достаточной мере пребываете в той сфере, где ваше эфирное тело живёт само по себе, позволяя мозгу лишь слегка резонировать; это происходит тогда, когда вы чувствуете, что предоставляемое духовной наукой вы не можете мыслить по произволу, как повседневные понятия. Относительно повседневных понятий физического плана вы очень хорошо знаете, что вы их производите сами. Вы развиваете их в соответствии с повседневными требованиями жизни и жизненными отношениями, вы строите их в соответствии с симпатиями и антипатиями, в соответствии с тем, что служит вам извне образцом для чувств, для рассудка, связанного с мозгом. В духовной науке, если вы вникаете в предмет правильно, вы мало помалу получаете чувство: в сущности, всё это мыслю не только я сам, нет, прежде, чем я это помыслил, оно уже было помышлено, оно, в сущности, парит, витает здесь как мысль, и только входит в меня. Если вы получили такое чувство, что оно, собственно, витает, парит в объективном мышлении мира, а в меня только входит, тогда вы многого достигли, тогда вы пережили отношение к тому тонкому эфирному миру реяния, парения и тканья, в котором живёт ваша душа. И тогда постепенное проникновение в сферу, которая является у нас общей с какими-нибудь кармически связанными с нами умершими - есть лишь вопрос времени, хотя, возможно довольно длительного времени.

Я говорил, что в прежние времена люди, собственно и говорить то так не могли - есть бессмертие, или нет. Кроме бодрствования и сна они имели ещё третье состояние, промежуточное состояние; оно не было только

сновидением, оно переживалось непосредственно, естественно, так что люди видели своих умерших лицом к лицу в духе (von geistigen Angesicht zu geistigen Angesicht). Они были здесь с теми, с кем они жили. Заглянем в человеческой эволюции назад; тогда дело обстояло так, что если человек что-либо делал или с ним что-то происходило, нечто непривычное – а ведь это постоянно происходит с человеком с утра до вечера; ведь человек – не прирученное животное и делает не только привычное – итак, если человек делал нечто непривычное, или встречался с ним, он в древности чувствовал около себя того или иного умершего, ушедшего от него давно или недавно. Человек чувствовал, что умерший содействует или советует. Итак, душа человека, живущего здесь на земле, решая то или иное, перенося то или иное, чувствовала, что тот или иной умерший содействует или сострадает. Итак, умершие были здесь. Вот почему вопрос о бессмертии или его отсутствии не дискутировался. Это не имело никакого смысла, также как бессмысленно было бы спрашивать, существует ли человек, с которым я только что говорил, или не существует. То, что испытывают – есть действительность, а в древности именно испытывали, переживали содействие умерших.

Мы знаем, по каким причинам это время должно было опуститься в подосновы бытия. Но оно возвратится, хотя и в другой форме, оно возвращается благодаря тому, что люди приобретают то настроение, которое действительно может придти к душе только от духовной науки, от деятельности, от жизни в духовнонаучных представлениях о сверхчувственном. Ибо будет возможно, чтобы душа пришла к чистому, тонкому настроению, и в это тонкое настроение войдут души так называемых умерших. Они всегда здесь, но речь теперь идёт о том, чтобы они осознанно проникли в душевную сферу. Конечно, умершие всегда витают вокруг того, с кем они кармически связаны по жизни. Но для того, чтобы они действовали в его сознании, необходимо, чтобы человек пошёл им навстречу с тем настроением, которое я только что разъяснил. Ибо, видите ли, умершие всегда могут найти подход к человеческой душе, если человеческая душа со своей душевной жизнью входит в описанное мною только что настроение, если в сверхчувственной сфере некоторым образом живут понятия и идеи, образованные человеческой душой. То, чего избегает умерший, куда он

не может войти - это телесное, физическое человека. Сюда умерший не может войти, прежде всего, не может. Также и в мысли, - которые, будучи ориентированы на физический мир, поднимаются из головного мозга - в эти мысли умерший войти не может. И так как люди сегодня имеют по большей части только такие мысли, которые поднимаются из головного мозга, умершим так трудно подойти к живущим. Но если живущие идут навстречу умершим, развивая настроение, которое оказывается в наличии потому, что имеют дело со сверхчувственными представлениями, тогда умершие могут войти в это парение и тканье души, отрешённое от земного, от телесного, не занятое исключительно телесным. Всё в наше время зависит от того, чтобы люди искали возможности вступить на путь к умершим. Тогда и умершие придут навстречу. Надо находить их в некой общей сфере.

Я часто подчёркивал, как то, что относится к сверхчувственному миру, исходя из духовной науки, то что мы развиваем в понятиях и идеях, несомненно существует как для живых, **так и для умерших**. Вот почему я советовал мысленно читать для умерших, то есть обращаться к ним мысленно и развивать мысли, относящиеся к сверхчувственному миру. Ведь благодаря этому мы строим мост к ним, мост не только к недавно умершим, но вообще к умершим, даже к тем, кто умер в давнее время, умер очень давно.

Так живые имеют возможность подойти к умершим. Но и у умерших тоже есть возможность таким же образом воздействовать на мысли живых. И если вы восприняли дух духовной науки, тогда из этих объяснений вы сможете составить себе верное представление о том, что в нашу материалистическую эпоху, в которую мы как люди живём уже так долго, умершие имеют всё меньшее и меньшее влияние на ход событий здесь, в физическом мире, ибо люди всё больше и больше отдаются материалистическим, связанным лишь с физическим миром представлениям, к которым умершие не имеют доступа. Вот почему события здесь, в физическом мире разыгрываются без, или почти без влияния тех, кто умер. Но должно придти нечто иное; должно восстановиться живое общение между живущими и умершими. Те, кто умер, должны получать возможность воздействовать на физический мир, для того, чтобы происходящее в физическом мире не совершалось

исключительно под влиянием в самом физическом мире возникших представлений.

Итак, усилия духовной науки действительно внутренне направлены на то, чтобы дать умершим возможность действовать здесь, в физическом мире. И надо сказать: эта высокая, серьёзная цель духовнонаучного стремления - вновь создать связующее звено между духовным миром, в котором находятся умершие, и физическим миром, чтобы умершие не были в том положении, когда можно сказать: мы как бы выброшены из физического мира, так как живущие внизу, в физическом мире, не развивают для нас мыслей, благодаря которым мы могли бы проникнуть в этот физический мир.

Конечно, кто-нибудь скажет: я стараюсь подняться к духовнонаучным представлениям, однако я ещё не воспринимаю никакого воздействия умерших. Да, мои дорогие друзья, в этих вещах не обойтись без терпения. Вы только подумайте о том, как уже в течение столетий жизнь людей на физическом плане была направлена именно на материалистическое, так сказать, противодействующее всему, что делает возможным правомерное воздействие умерших. Посреди всего, что происходит, что происходило в течение столетий, развилось известное чувство, известное ощущение, которое сегодня совершенно бессознательно имеют люди по отношению к духовному миру. Для этого чувства и ощущения то, что приходит из духовной науки остаётся в основном абстрактной теорией. Человек убеждён, что приходящие из духовной науки сообщения о духовном мире верны. Но конечно это ещё не переходит во всю душевную жизнь так, чтобы человек мог развить те чувства и ощущения, которые не мешали бы тому тонкому, интимному воздействию, которое исходит от умерших. Нелегко увидеть эти вещи в правильном свете. Современный человек - это внук, правнук или праправнук тех людей, которые жили на протяжении последних столетий и которые под влиянием восходящего материализма направляли свои чувства и ощущения в известное русло. Эта направленность чувств и ощущений выражена всюду вполне конкретно, в любых деталях. Мы можем иметь добрую волю, для того, чтобы правильным образом идти навстречу умершему, правильным образом вспоминать о нём, но вся позиция наших чувств и ощущений, в том, как они действуют - я мог бы сказать - перейдя к нам через кровь от наших предков, не подходит

для того, чтобы перед нашей душой действительно вставали тонкие, интимные манифестации и откровения, которые исходят от умершего. Наши чувства не могут служить в качестве светильника, волнующегося светильника поставленного перед этими интимными импульсами, которые сегодня поистине ещё очень тонки и интимны.

Оттого, что это так, не следует терять мужества, надо всегда сохранять позитивность. Позитивность состоит в действительном стремлении к тому состоянию, которое в известный момент жизни, как плод изучения духовной науки даёт душевный покой - ведь к душевному покою приходят, приходят к настроению душевного покоя - душевный покой, который делает возможным, чтобы эти тонкие, интимные манифестации и откровения из царства мёртвых доходили до нас.

Для этого необходимо также и кое-что другое - надо обрести добрую волю для того, чтобы противиться всей той неправдивости, о которой мы говорили в этих рассуждениях. Ибо эта неправдивость, наполняющая мир подобно рою, также представляет собой то, что внедряется в духовную ауру и лишает умерших возможности проникать сквозь этот плотный туман всех черных порождений, которые исходят - назовём хотя бы одно - исходят сегодня, как неправдивое от нашей публицистики, печатной и устной, что оплетает всю землю, как аура лживости. Проникнуть сквозь неё - можно сказать именно так - крайне трудно для умерших. Поэтому необходимо попытаться с помощью тех представлений, - которые мы развиваем, чтобы узнать, что же сегодня роится в мире как конкретная неправдивость, - уяснить себе, к чему в этой области действительно стремятся, познать чисто внешнюю истину физического плана, насколько она доступна, познать для того, чтобы не застилать свою душу туманными образованиями, проникнуть сквозь которые сразу духовный мир просто не в состоянии. Вы поймёте, как сильно необходимо то, что я сейчас подчёркиваю.

Теперь мы хотим, используя только что развитые нами понятия, чуть-чуть коснуться вопроса: что хотят оккультные общества, посылающие в мир те импульсы, о которых мы говорим, импульсы, которые затем во всей полноте проявляются в жизни как неправдивость и которые затем посредством неправдивости приводят к нашим нынешним болезненным событиям? Чего хотят эти

оккультные общества, о существовании которых я говорил вам кое-что? Такие оккультные общества хотят, кроме всего прочего, - ведь можно характеризовать только одно, а ведь они, безусловно, хотят и многого другого, - они хотят следующего: они хотят как бы супер-материализовать материализм, они хотят создать в мире материализм в большей степени, нежели тот, который возник благодаря естественному развитию человечества в пятую послеатлантическую эпоху. Итак, они хотят иметь ещё больший материализм. Это, так сказать, только один из исходных пунктов, к которым они стремятся; но именно этого исходного пункта, этой точки зрения, этого мнения мы хотим слегка коснуться. Ибо на основе такого мнения основываются общества, подбираются в такие общества люди, с которыми сближаются по жизни и находят их пригодными, подходящими.

Есть много разновидностей таких обществ. Одна определённая их разновидность, особенно распространённая на Западе и имеющая многообразную специфику, охватывает организации, занимающиеся церемониальной магией. Правда, церемониальная магия может быть и хорошей, но сейчас мы говорим о тех обществах, которые занимаются церемониальной магией не ради блага всего человечества, а ради блага групп людей или ради блага особых устремлений, не носящих общечеловеческого характера. Направим наш взгляд, прежде всего, на такие общества, которые с этой точки зрения занимаются церемониальной магией, магией, которая осуществляется посредством церемониала. Как сказано, она может быть и хорошей, но у этих обществ она отнюдь не хороша. Некоторые виды церемониальной магии таковы, что они обладают известным влиянием, известным воздействием на физический аппарат человека. В конечном счёте, всё физическое - это откровения духовного. Та духовность, которая возникает под влиянием некоторых церемониальных магических процедур, может воздействовать на физический аппарат человека в системе желёз, как я недавно характеризовал вам это, и в системе спинного мозга. Но самое худшее то, что посредством процедуры церемониальной магии воздействуют на церебральную систему (систему головного мозга). Всё это должно происходить окольным путём посредством духовного, но это может происходить, может действовать.

Итак, представьте себе: эти оккультные общества занимаются некоторыми видами церемониально-магической практики, и она влияет на принадлежащих к ним так, что влияние распространяется вплоть до физического тела; пусть лишь до тонких вибраций и ткущих процессов физического тела, но, тем не менее, до физического тела. Одновременно в физическое тело втекает духовность.

Что же из этого следует? Следствие таково, что сейчас же подступает нечто, что хотя и было вполне приемлемо для более ранних этапов человеческого развития, но является непозволительным для нашей эпохи развития человечества. Из-за таких церемоний, обрядов духовный мир получает возможность влиять на людей, не идущих ему навстречу по пути, на который я только что указывал, - влиять на людей, участвующих в таких церемониальных обрядах. Тем самым, для умерших, наряду с иной духовностью, создаётся возможность воздействовать на тех, кто втянут в такой круг, созданный путём церемониальной магии. Но из-за этого материализм нашего времени может стать своего рода сверхматериализмом. Представьте себе, что человек целиком и полностью - не только в отношении своего мировоззрения, но и в отношении всех своих ощущений и чувств мыслит бы материалистически, а ведь на Западе очень много таких людей. Материалистический образ мыслей возрастает во всё большем масштабе. Тогда у человека возникает побуждение завладеть влиянием на материальный мир не только будучи живым, находясь в физическом теле, но и после смерти. Его стремление таково: умерев, я хочу иметь какое-либо пристанище, центр, исходя из которого, я мог бы действовать на живых людей, оставленных мною на земле, или на тех, кто мне пригоден. В наше время уже есть такие люди, материалистический порыв которых так силён, что они стремятся к таким учреждениям, организациям, посредством которых они и после смерти могли бы опекать эти организации в материальном мире. И такими инструментами, посредством которых человек гарантирует себе материальное господство после смерти, как раз и являются центры определённой церемониальной магии.

Тем самым указывается на нечто такое, что для кого-то имеет огромное значение. Ведь только подумайте: какое-то число людей будет совместно действовать в некотором

братстве. Эти люди, прежде всего, знают: нам предшествовали другие, те, которые запечатляли такие мощные мысли о господстве и власти, что им не хватило жизни, чтобы их осуществить, так что они хотят осуществлять их и после смерти. Мы создаём для них некий круг, и благодаря тому, что мы делаем, посредством церемониальных магических действий, которые мы предпринимаем, они действуют в наших телах. Тем самым мы завоёвываем гораздо большую мощь, нежели мы имеем, тем самым мы в состоянии использовать известную духовно-магическую мощь, идя против других, слабых людей, которые стоят вне таких тайных обществ. Когда мы говорим слово, когда мы произносим речь, эти умершие действуют через нас, так как мы подготовлены своим участием, тем, что мы запутаны в обряды церемониальной магии.

Это большая разница, участвует ли человек, так сказать, честно, просто в культурном процессе нашего времени, и тогда, исходя из этой честной причастности, включённости в культурный процесс нашего времени он держит речь в парламенте, или пишет статью в газету, или же человек стоит внутри церемониально-магического круга, и, тем самым усиливаясь мощными импульсами некоторых умерших, с этими импульсами держит речь в парламенте или пишет в газету, распространяя тем самым ради своих целей гораздо более сильное воздействие, чем, если бы за ним ничего не стояло. Это одно.

Другое состоит в том, что эти люди, отдающие себя в круг некоторых церемониально-магических обществ, самим себе в свою очередь обеспечивают власть после смерти, как бы ариманическое бессмертие. И эта мысль правит очень многими; эта побуждающая мысль. Для них общества, к которым они принадлежат, являются как бы известной порукой, гарантией тому, что их силы, которые, собственно, должны жить только до их физической смерти, живут и после смерти. И с этой мыслью живут сегодня гораздо больше людей, чем вы думаете; с мыслью обеспечить себе ариманическое бессмертие, ариманическое бессмертие, которое состоит в том, что некто действует не как отдельный, индивидуальный человек, нет, он действует посредством инструмента таких обществ, как это было характеризовано. Такие общества разнообразны, и люди известных ступеней, градусов в этих обществах знают: с помощью такого общества я, с силами,

которых я должен был бы в ином случае лишиться после смерти, буду до известной степени бессмертным, эти силы будут действовать и после моей смерти.

При этом люди вследствие того, что они переживают в церемониальной магии, в любом случае оглушаются, анестезируются так, что их больше не смущает мысль, которая должна была бы встать перед душой того, кто принимает эти вещи с правдивой серьёзностью и достоинством; ибо насколько человек приобщается к «бессмертному умиранию», или, лучше сказать, к ариманическому бессмертию, настолько же он теряет сознание другого, действительного, настоящего бессмертия. Но многие души в наше время сильно захвачены материализмом, и их не беспокоит, что они наркотизированы напрочь, и на самом деле умирают вследствие ариманического бессмертия. Можно сказать: сегодня есть общества, которые в спиритуальном, оккультном смысле являются «Обществами по страхованию ариманического бессмертия»!

Всегда имеется лишь малое число людей, которым доверены эти вещи, ибо такие общества, как правило, организованы так, что церемониальная магия действует именно на тех людей, которые недогадливы, которые ничего не подозревают, но которые имеют известную потребность вступить в отношения с духовным миром посредством всевозможных символических действий. Таких людей много. По правде говоря, это сами по себе не самые плохие люди, те, кто хочет этого достичь. Такие люди вовлекаются в круг церемониальной магии, и тогда составляется малое число тех, для которых другие, вовлечённые в круг церемониальной магии, служат лишь инструментом. Вот почему следует быть осторожным по отношению ко всем так называемым оккультным обществам, которыми управляют высшие градусы, высшие степени, цель которых неизвестна градусам нижестоящим. Эти правящие градусы охватывают, как правило, тех, кто, в сущности, посвящён настолько, чтобы иметь представление о том, о чём я только что говорил: они охватывают тех, кто должен действовать конкретно и осознанно, кто задаёт известные цели и направления, которые затем осуществляются благодаря тому, что есть масса других людей, лишь втянутых, запутанных в круг церемониальной магии. Всё, что делают эти люди, делается так, что это происходит в направлении,

предписанном высшим градусом, и при этом подкрепляется, благодаря силам, приходящим из церемониальной магии. Кому удаётся бросить взгляд на необъятно большое число таких обществ Запада, которые занимаются церемониальной магией, тот сможет тогда представить себе, каким чудовищно действенным инструментом могут быть такие общества для далеко идущих мировых планов. Ибо существенное состоит, как вы видели, именно в том, что некоторое проникающее воздействие спиритуального на физически-чувственное, что было правильным в ранние времена, пробирается в наше время, когда правомерно то, что человек вышеописанным образом сам идёт навстречу умершим, так что он встречается с умершими как бы на полпути. В показанном вам выше настроении следует искать путь, тогда как путь, существовавший в более ранних, атавистических временах вносится в современность посредством медиума церемониальной магии.

Это должно дать вам представление о том, каким несоразмерным образом сегодня беспредельный материализм, материализм, ставший сверх-материализмом хочет перешагнуть границу того мира, границу, которую можно сегодня переступить только с помощью приведения души в то настроение, которое могут дать сверхчувственные понятия. Сегодня правильным является вот что: никогда не принимать ничего непонятного, что даётся сегодня во многих оккультных обществах, - а сегодня даётся и принимается чрезвычайно много непонятного, непонятого. Правильным является вот что: то, что дают в таких обществах рассматривать как, по крайней мере, недооценку, пренебрежение высказываемым словом, словом, воспринимаемым посредством понятия.

Во многом, что как неправдивость и как себялюбие роится в мире, где стало возможным говорить об эгоизме как о чём-то священном - хотя и не Папой освящённым - ведь говорят о *Sacro egoismo*, этом новом, хотя и не канонизированном Папой святом, - итак, во многом, что как эгоизм и неправдивость роится по миру, действуют импульсы, оказывается влияние, подкреплённые вышеуказанным способом из мира умерших. (*Sacro egoismo*, святой эгоизм - выражение, пущенное в ход итальянским премьер министром Саландро). Но исследуя эти импульсы, находят присоединение других импульсов.

И об этих импульсах, об этих других импульсах вы найдёте пояснения в моей книге «Духовное водительство человека и человечества» (ПС т.15). Лекции, лежащие в основе этой книги, были прочитаны в 1911 году в Копенгагене, для чего тогда было более чем достаточно оснований. Там вы найдёте объяснение, как некоторые ангельские силы (Angeloikraefte) третьей послеатлантической эпохи отстали, чтобы в наше время развивать силы подобные тем, которые должны были быть развиты в течение египетского периода. Тогда было сказано:

«Как прекраснейшие вещи могут служить испытанию и соращению человечества, если человек следует им односторонне, так и - если имеет место указанная односторонность - все возможные добрые стремления выявлялись бы в фанатической форме. Как истинно то, что человечество, благодаря своим благородным импульсам движется вперёд, так истинно и то, что из-за фанатических и легкомысленных представителей благороднейшего импульса на правомерное развитие может воздействовать наихудшее».

А затем указывалось на то, как некоторые силы, которые были правомерны в третью послеатлантическую эпоху (2907-747гг до Р.Х.), действуют в наше время. И точно так же - об этом сегодня можно говорить - точно также, как человек находит правомерную связь со своим добрым Ангелом (mit seinem richtigen Angelos), он может, используя такие силы, ища такие импульсы, которые в качестве ариманических усилий являются из мира умерших, он может найти доступ к этим отставшим духам египетско-халдейской эпохи, к этим отставшим Ангелам. И эти отставшие Ангелы играют большую роль в таких оккультных обществах, которые я только что вам описал. Они являются там важными помощниками и важными ведущими духами. В этих оккультных обществах имеется многое, непосредственно стремящееся к тому, чтобы древним способом перенести египетско-халдейское начало в современность. Если это не пустая болтовня, если это действительно причастно оккультной жизни, тогда это происходит под влиянием отставших существ из иерархии Ангелов. Здесь они - вожди. Тем самым мы указали на тех существ из ближайшей сверхчувственной иерархии, которых ищут в таких обществах.

Тем самым указывается на самое-самое важное (Allerallerwichtigstes). И только поняв, как в таких

обществах консервируются в живом виде (ветхие) заветы, не заветы, написанные для жизни, но силы, которые, пройдя через смерть, не должны были бы действовать, но, тем не менее, консервируются, - только поняв это, можно заметить ту магическую власть, которую реализуют подобные общества и которая даёт им возможность выдавать неправдивое за правду, напечатлевать неправдивому штемпель правдивости.

Важное магическое действие состоит уже в том, когда неправду распространяют в мире так, что она действует как правда. Ведь в этом воздействии «неправды как правды» заключается чудовищная сила зла. И эта сила зла используется как нечто должное с самых разных сторон.

Вот что хотел я сегодня высказать вам, чтобы дать подспудное эзотерическое обоснование тому, что я высказывал экзотерически. - Давайте завтра поговорим об этих делах дальше, и попытаемся в некоторые вещи проникнуть ещё глубже.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ Дорнах 21 января 1917

Для начала я позволю себе обратить ваше внимание на то, что может быть для вас особенно интересным, прежде всего на статью в «Швейцарской строительной газете» от 20 января 1917, где говорится о строительстве Иоаннова здания в Дорнахе рядом с Базелем (*первоначальное название «Гётеанума» - примеч. перев.*), на основе недавнего посещения этого здания швейцарскими инженерами и архитекторами. Статья очень оптимистическая и прекрасно написана; она представляет собой настоящий оазис, можно сказать, по отношению к тому, что было напечатано в последнее время, кроме того, что даже сейчас печатается о наших устремлениях, причём печатается, исходя из нашего круга. Это очень радостный факт, что с внешней стороны появилось объективное и профессиональное изложение, по достоинству оценивающее здание. Итак, статья появилась в «Швейцарской строительной газете» за 20 января 1917;

советую вам прочесть эту вещь. Господин Энглерт, который тогда проводил экскурсию швейцарских инженеров и архитекторов, заинтересовавшихся нашим зданием с профессиональной и эстетической точки зрения, содействовал мне в том, чтобы эта статья была опубликована также в «Техническом бюллетене» издающемся в Женеве на французском языке.

Далее я хотел бы обратить ваше внимание на появившуюся книгу, - извините, что я не могу прочесть её заглавие на языке оригинала, - это книга Андрея Белого, нашего друга, гражданская фамилия которого, под которой вы его знаете - Бугаев. Книга опубликована на русском языке и очень подробно и доходчиво описывает отношение духовной науки к мировоззрению Гёте. Особенным образом сообщается об отношении мировоззрения Гёте к тому, что когда-то было сказано в Берлинском курсе лекций об основных позициях различных мировоззрений, - в цикле лекций под названием «Космическая и человеческая мысль», - также сообщается и о том, что содержится в духовной науке. Отношение к мировоззрению Гёте излагается подробно и доходчиво; вот почему очень радует появление этой книги нашего друга Бугаева на русском языке, как манифестации нашего духовнонаучного мировоззрения.

Господин Меебольд недавно опубликовал книгу, на которую мне бы хотелось указать; книга появилась в изд. Пипер и К. в Мюнхене. Она называется: «Путь к духу», - душевная биография, что может оказаться интересным для вас по той причине, поскольку в этой книге описывается опыт, полученный господином Меебольдом в связи с Теософским Обществом.

Это - оазис посреди тех опустошительных атак, одна из которых - ещё не получена мною - но должна быть особенно невероятной, так как опять исходит от нашего многолетнего старого члена; но я ещё не читал эту напечатанную статью, только сообщения о ней.

Это атаки, исходящие из круга членов, именно старых, многолетних членов, что особенно «радует» (в кавычках), поскольку известно, что эти члены могли бы представлять себе это иначе. Но, как было сказано, я сам ещё не получал этой статьи, а лишь сообщения о ней.

Вчера мы кое-что говорили в связи с отношением человека к духовному миру, насколько в этом духовном мире можно представлять себе наших умерших, и вообще

развоплощённых, прошедших через врата смерти людей. В связи с нашим нынешним положением имеет совершенно особое значение то, чтобы уяснить себе, что внутри того мира, в котором получает опыт человек между смертью и новым рождением, происходит точно такое же развитие, осуществляется эволюция, как и здесь, на физическом плане.

Мы говорим здесь, на физическом плане, если рассматриваем сначала короткий промежуток времени, например, говорим о послеатлантической эпохе, об индийском, персидском, египетско-халдейском, греко-латинском периоде, о современном периоде и так далее; указывая на такие периоды, мы полагаем, что осуществляется эволюция, что в некотором смысле и души людей и проявления этих человеческих душ в течение этих следующих друг за другом периодов характерным образом отличаются.

Точно таким же образом можно говорить, - если, конечно, человек смог получить наглядные понятия об этом, - о той эволюции, которая в указанные периоды осуществляется в той области, где получают опыт, эволюции, которую проходят умершие: ибо и здесь тоже происходит эволюция. И в самых разных местах, где это только могло быть, указывалось на эту эволюцию; об этом делались различные сообщения. Единственно, говорили об эволюции на физическом плане, насколько это легко, - хотя вы знаете, что в наше материалистическое время это уже не совсем легко, - насколько легко это для физического плана, но для духовного мира это, естественно, не так, поскольку по отношению к духовному миру мы не имеем правильно выработанных понятий. Речь создана для физического мира, поэтому требуются всевозможные наглядные представления, всевозможное перефразирование, если человек хочет указать на духовную сферу, в которой находятся умершие, причём указать, обращая внимание на эволюцию.

Для нас, конечно, особенно значительно то, что жизнь между смертью и новым рождением в нашу пятую послеатлантическую эпоху тоже стала соответственно иной, нежели прежде. В то время как здесь на Земле разыгрывается материалистическая культурная эпоха, в духовном мире тоже разыгрываются всевозможные вещи. И там умершие переживают такие, связанные с эволюцией вещи, ещё более интенсивно, чем переживают их здесь на

физическом плане живущие люди; самым интенсивным образом судьба умерших зависит от той формы, от того вида, в которых протекает эволюция в определенном периоде. Умершие реагируют на то, что изживается в эволюции гораздо интимнее, гораздо тоньше, чем живые, - если мы хотим употребить это выражение, - и, возможно, даже в большей степени, чем в иные времена, это заметно в наше материалистическое время.

В этой лекции мне хотелось бы для понимания того, что мы хотим обсуждать, добавить кое-что, полученное благодаря тщательному наблюдению фактического положения вещей. В этом отношении я буду должен, забегаая вперед предоставить вам всевозможные рассмотрения, которые должны подготовить вас к тому, что, в сущности, мне надо сказать. Я уже указывал на то, что правильно рассматривают человека в его отношении к Вселенной, если мы рассматриваем отдельные члены его тела в отдельности друг от друга. Для духовного рассмотрения то, что находится здесь на физическом плане, является в большей степени отображением, откровением. Так мы можем, продолжая то, что уже было обсуждено, рассматривать человека, - как он выступает на физическом плане, - как состоящего из четырёх частей, четырех членов.

Прежде всего, мы имеем голову. Она, как вы знаете из более ранних рассмотрений, в той форме, в которой она выступает в какой-либо инкарнации, в сущности, предназначена к тому, чтобы в этой инкарнации придти к своему завершению, концу. Голова в наибольшей степени подвергнута смерти, обречена на гибель. Ибо то, как сформирована наша голова, - вспомните об этом из наших прежних рассмотрений, - как организована наша голова, является результатом нашей жизни в более ранней инкарнации. И напротив, наша «следующая» голова, голова, которая будет сформирована в следующей инкарнации, будет результатом нашей нынешней телесной жизни. Вкратце я это выразил недавно, когда сказал: тело человека, кроме головы, преобразуется в голову для ближайшей инкарнации. Остальное следующее тело прирастает к этой голове, в то время как нынешняя голова, которую мы носим, является преобразенным телом прежней инкарнации. Остальное наше теперешнее тело в большей или меньшей степени прирастало (к голове)

благодаря условиям наследственности, - на разных стадиях это происходит по-разному.

Такова метаморфоза. Голова как бы отпадает в одной инкарнации; она является продуктом тела предшествующей инкарнации. Тело преобразуется в голову, оно претерпевает метаморфозу, подобно тому, как в гётевском учении о метаморфозе лист преобразуется в цветок. Однако, вследствие того, что голова образована из земного тела предшествующей инкарнации духовный мир с этой головой между смертью и новым рождением работает особенно много, ибо он должен первоначальную форму, прообраз головы из духовного мира переработать в соответствие с кармой. Вот почему у эмбриона голова появляется в первую очередь как сформированная наиболее совершенно, ибо она, главным образом подвержена космическому влиянию. Вот почему остальная организация, остальной организм формируется у эмбриона позднее, чем голова. Голова, - конечно не в соответствии со своим физическим формированием, которое берёт физические вещества в соответствие с наследственностью, но по отношению к своему формирующему началу, по отношению к своему прообразу, - голова сформирована из Космоса, сформирована, как можно сказать, из сферы. Ваша голова не напрасно в большей или меньшей степени имеет шарообразную форму; голова является отображением всей мировой сферы, и вся мировая сфера работает над построением вашей головы. Так что мы можем сказать: голова сформирована из сферы.

Точно так же, как здесь, в теле, проявляется интенсивная деятельность, чтобы строить машины, чтобы обеспечивать меркантильные нужды и тому подобное, так и в духовном мире человек посреди всего иного, не исключительно, но наряду с прочим занимается тем, что развивает некое техническое начало, - которое теперь является спиритуальным техницизмом, - чтобы из сферы, из всего мира, из всего Космоса построить свою голову для следующей инкарнации, в соответствие со своей кармой в более ранней инкарнации. Тем самым мы заглядываем в глубину мистерии становления.

Второе, на что следует обратить внимание, рассматривая человека как откровение всего Космоса, - это всё то, что касается грудных органов с центром в легких и сердце. Лучше всего рассматривать их отдельно от головы. Голова является отображением всего шарообразного

Космоса. Не так обстоит дело с органами груди. Они являются откровением тех сил, которые приходят с Востока. Они формируются - можно сказать - из полусферы. Если Космос мы представим себе так (см. рисунок на стр....), то голову вы можете представлять себе как отображение Космоса; если же вы представите себя здесь, на Востоке, то можете представлять себе органы груди как отображение того, что излучается сюда с Востока, то есть полусферу, которую здесь я заштриховал зеленым цветом. Над органами груди работает только полусфера. Если хотят выражаться парадоксально, можно было бы сказать, что грудные органы есть половина головы.

Это тоже основная форма. У головы в основе заложена круглая форма, у грудных органов в основе заложена часть круга, в некоторой степени половина круга. Только она изогнута по-разному, более точно её увидеть нельзя. Вы бы могли видеть, что ваша голова действительно является шаром, если бы на человека не оказывали воздействие люциферические и ариманические силы. Вы видели бы, что ваши органы груди, грудная клетка действительно представляет собой полусферу, если бы эти силы не действовали на неё. Это направление в сторону центрального пункта есть направление на Восток, однако можно сказать: для обычных земных геометрических соотношений этот центральный пункт находится на бесконечном удалении. Итак, полусфера - на Восток.

Теперь в качестве третьей части тела мы имеем всё то, что находится в человеке как часть органов, находящаяся вне головы и груди: органы нижней части тела с присоединёнными конечностями. Всё это я хочу, - несмотря на то, что такое наименование не очень точно, - назвать органами нижней части тела. То, что мы обобщаем как органы нижней части тела, мы можем отнести к внешним организующим силам, которые здесь в данной области действуют на человека на окольном пути посредством эмбриологии, но именно на этом окольном пути всё же действуют, поскольку во время беременности мать зависит от сил, которые должны формировать нижнюю часть тела, точно так же, как в сфере мы отыскиваем силы для формирования головы, в Востоке,

полусфере мы отыскиваем силы, формирующие грудные органы.

То, что таким же образом воздействует в качестве силы на органы нижней части тела, вы должны представлять себе так, что они приходят из центра Земли, но дифференцируются в соответствии с территорией, на которой находились родители и предки: силы дифференцируются из-за территории и всего, что с этим связано. Итак, отметим, что силы приходят из центра Земли; приходит ли человек в мир в Северной Америке или Австралии, Азии или Европе, силы приходят из центра Земли, но всегда будучи дифференцированными, то как силы, дифференцированы действующие посредством европейской территории, то, будучи дифференцированы посредством американской территории, то как силы, дифференцированы посредством азиатской территории, и так далее. Так что я могу сказать: органы нижней части тела определяются из центра Земли, будучи дифференцированы посредством территории.

Если мы хотим полностью рассматривать человека на оккультном уровне, мы должны рассмотреть также нечто четвёртое. Тут мы скажем: теперь мы имеем человека в целом. Но в оккультизме надо рассматривать ещё нечто четвёртое. Сейчас мы рассмотрели три члена человека; теперь же мы можем рассмотреть человека в целом, всего человека. Целое тоже является своего рода членом, частью. Итак, голова, туловище (грудь), нижняя часть тела, ну а теперь всё вместе; в качестве четвёртого члена мы имеем целое, и это целое опять-таки формируется посредством сил. Однако это целое образуется с помощью сил всего земного окружения. Итак, сейчас уже не происходит дифференциации по территории, но человек как целое образуется посредством сил всего окружения, итак благодаря окружению Земли.

Сейчас я изображал вам физического человека как отображение Космоса, как он является, в некотором роде образом сил, совместно действующих из Космоса. Мы можем рассмотреть также и другие связи с Космосом. Тут мы должны подумать об отношении к человеку, не только физического Космоса, но и духовного Космоса. То, что мы только что рассмотрели - это физический человек. Поэтому мы могли ограничиваться физическим Космосом. Рассматривая человека как развоплощённое существо между смертью и новым рождением, мы не должны

останавливаться на том, что исчерпывается в пространстве, ибо трёхмерное пространство, как мы его имеем, имеет решающее значение, подходит для физического человека, который живёт между рождением и смертью, но не имеет решающего значения для духовного человека, который живёт между смертью и новым рождением. Надо также уяснить себе, что умерший имеет в своём распоряжении иной мир, нежели те, кто живёт в трёх измерениях.

Если рассматривают развоплощённого человека, так называемого умершего человека, надо, вероятно, избрать несколько иную форму рассмотрения. Надо придерживаться такой формы рассмотрения, которая более подвижна. И, конечно, надо проводить рассмотрение с различных точек зрения, так как жизнь между смертью и новым рождением точно так же сложна, как и жизнь между рождением и смертью. Но прежде всего мы положим в основу отношение человека, находящегося здесь на Земле к человеку, который через смерть вступил в духовный мир.

Здесь мы тоже имеем первый член, - но теперь он носит более временной характер, - первую стадию развития, так можно сказать. Умерший входит, - так я мог бы выразиться, - в духовный мир; он выходит из физического мира и входит в духовный мир, он оставляет физический мир, но остается, особенно в первые дни, связанным с физическим миром. При этом весьма значительно то, что умерший выходит из физического мира, будучи приспособлен к тем конstellляциям, которые для его жизни задаются положением планет. Пока умерший остаётся связанным со своим эфирным телом, через его эфирное тело чудесным образом звучат и веют планетарные силы, конstellляции планетарных сил. Как в эмбриональных водах при возникновении физического человека исключительно сильно резонируют территориальные силы Земли, так у умершего, который ещё находится в своём эфирном теле, необычным образом резонируют силы, связанные со звёздными конstellляциями, имевшими место в тот момент, когда, - всё в целом, конечно, обуславливается кармой, - умерший покинул физический мир. Если только подходить к этому с благоговением и достоинством, можно было бы сделать интересные открытия, если подходить к этому с той же тщательностью, которую, к сожалению, используют по

эгоистическим причинам, чтобы исследовать звёздные конstellации рождения. Гораздо более не эгоистические, более прекрасные результаты можно получить, если составить гороскоп, а именно планетарный гороскоп, положение планет на момент смерти. Это в высшей степени показательно для всей сущности душевного человека, в высшей степени показательно относительно связи кармы с наступлением смерти именно в данный момент.

Если кто-либо будет предпринимать исследования в этом направлении, - правила здесь те же самые, как и в случае гороскопа рождения, - тот придёт ко всевозможным интересным результатам, особенно в том случае, если он в жизни более или менее хорошо знал людей, для которых он делает эти вещи. Ибо умерший на протяжении дней со своим, ещё не сложенным эфирным телом, носит в себе нечто, что является резонансным отзвуком звёздно-планетарных конstellаций. Так что мы можем сказать: первая стадия развития: направление в звёздные конstellации. Это продолжается до тех пор, пока человек остаётся связанным со своим эфирным телом.

Второе, что следует рассматривать в связи с отношением человека к Космосу, это то, что человек действительно, можно сказать, оставляет мир в определенном направлении, когда он сам становится духовным после сложения эфирного тела. Это то, где в последний раз ещё можно применять в правильном смысле, - а не только в образном смысле, как это делает умерший, - те понятия, которые происходят из физического мира; ибо после этой стадии понятия в большей или меньшей степени превращаются в образы.

Можно сказать: на второй стадии, - теперь направление ещё носит физический характер, хотя и выводит из физического, - избирается направление соответствующее Востоку. И благодаря тому, что соответствует Востоку, умерший в некотором временном пункте перемещается в чисто духовный мир. Итак, это направление на Восток. Важно вызвать это однажды в своём воображении, поскольку одно старое слово различных братств, сохраненное из лучших времен оккультного познания человечества, ещё и сегодня обращает на это внимание. Во всяких братствах о том, кто умер, говорят, что он «вступил на вечный Восток». Такие вещи, насколько они не являются позднее приставшей

мишурой, соответствуют древним истинам. Точно так же, как здесь мы должны говорить о том, что органы груди имеют свою структуру с Востока, так и исход умершего мы должны представлять себе как уход умершего через Восток. Но когда умерший через Восток известным образом выходит из физического мира и входит в духовный мир, он достигает сферической области, то есть, он получает возможность принимать участие в сферических силах, которые, как для человека здесь, не носят центробежного характера, но центростремительно действуют в направлении центрального пункта Земли; в сфере он достигает возможности действовать на Землю.

Так что в качестве третьей стадии мы можем поставить - переход в духовный мир, а в качестве четвертой стадии: воздействие или работа из духовного мира, работа с силами из духовного мира.

С такими идеями мы интимно подступаем к тому, что связывает здесь человека с духовными мирами. Вы даже можете, если правильным образом рассмотрите эту схему, увидеть, что номер 4 смыкается с тем, что начинается здесь под номером 1, то есть: работа над головой, исходящая из сферы. Она организуется самим человеком, если он через Восток вовлекается в духовный мир.

	1.	2.	3.	4.
	голова	органы груди		органы нижней
целое			части тела	
	из сферы	из Востока		из центра Земли
посредством				дифференцируясь
окружения				по территориям
Земли				
	первая стадия	вторая стадия		третья стадия
	четвертая стадия			
	развития	развития		развития
	развития			
	направление	направление		переход
действие				

в звездные на Восток в духовный их
духовного
 конstellяции мир
мира

То, что умерший должен оставить физический мир в направлении на Восток, должно очень сильно восприниматься при общении с умершим. Они находятся в мире, которого они достигают через врата Востока. Они находятся по ту сторону врат Востока. И по отношению к таким вещам, значительны те переживания, которые имеет человек сейчас, в пятую послеатлантическую эпоху, в сфере развития материализма.

Видите ли, в эту пятую послеатлантическую эпоху умершие, вследствие материалистической культуры очень много лишены, во многом нуждаются. Много может стать для вас ясным уже из сказанного вчера. Если человек учится с помощью соответствующих средств познавать жизнь умерших в наше время, в современности, обнаруживается, что они имеют очень сильное влечение вторгаться в те вещи, которые делают люди здесь на Земле. Но в более раннее время, когда на Земле изживалось меньше материализма, умершие могли с большей легкостью вмешиваться в то, что происходило на Земле. Через земных людей, посредством того, что земные люди ощущали и чувствовали как последующие воздействия умерших, это последние могли с большей легкостью воздействовать на земную сферу. Сегодня это можно переживать довольно часто, и я видел, что это всё снова и снова ошеломляющим образом действует в конкретных случаях, что люди, которые принимали интенсивное участие в некоторых эпохальных событиях, умирали, а затем жили дальше после смерти, не проявляя никакого интереса к событиям эпохи, которые разыгрывались после их смерти, вследствие отсутствия связи. Даже среди нас есть такие души, которые, будучи здесь на физическом плане, проявляли большой интерес к эпохальным событиям, оказавшись по ту сторону, в духовном мире, в отчуждении противостояли тем событиям времени, которые разыгрываются теперь, после их смерти. Это часто происходит именно с замечательными душами, которые здесь проявляли активный интерес и большие способности. Но это продолжается уже долго. Так обстоит это дело, для всего времени пятой послеатлантической эпохи, причём лишь

усиливаясь всё больше и больше; начиная с 15, 16 веков это лишь усиливалось. Можно было пережить, что умершие, поскольку они могли меньше вмешиваться в то, что делали люди, стали больше заниматься тем, - очень жаль, что приходится использовать такие тривиальные понятия, но надо ведь использовать понятия, которые есть в речи, - итак, умершие должны были больше вмешиваться в то, чем являются люди как отдельные личности. Видно, что интересы умерших и работа умерших, с 15, 16 столетия в большей степени направлена на отдельные личности, нежели на большие связи среди людей. После того, как я именно в этом направлении занимался этой проблемой, я убедился в том, что с тем, что я сейчас говорил, связано одно совершенно определённое эпохальное явление. Тому, кто интересуется подобными вещами, оно особенно сильно должно броситься в глаза в нашей новейшей истории. В нашей новейшей истории мы имеем, в противоположность к более ранним временам, одно замечательное явление; люди, родившиеся с очень значительными задатками, дарованиями, которые, в общем, действуют с большим идеализмом, с превосходными стремлениями, - эти люди, однако, не приходят к широкому взгляду на жизнь, обзору, не достигают широкого кругозора. Это, в сущности, уже с давнего времени находит выражение во всех письменных источниках. В отдельных идеях, понятиях, представлениях, ощущениях, которые эти люди выражают, будь то в литературе, в искусстве, даже в науке, находятся порой сильные начинания. Однако, - и поэтому именно таким людям так трудно подняться к широкому кругозору, обзору, который необходим в духовной науке, - к такому большому обзору, широте кругозора, эти люди не приходят. По большей части это происходит потому, что умершие в большей степени подходят к отдельному человеку и вырабатывают в нём то, что в большей степени достигается в детстве, в период юношества, в то время как то, что даёт человеку возможность широкого взгляда, кругозора, обзора, и создается в период зрелости, в наше материалистическое время более или менее отделено от деятельности умерших. Незавершённые, оставшиеся заготовкой таланты, не только в большом мире, но и в отдельности, в мелочах, по этой причине встречаются сегодня очень часто, ибо умершие могут больше подступать к отдельным душам, нежели к тому, что сегодня живёт как социальное в развитии человечества. Умершие имеют сильный порыв подступать к тому, что как социальное живёт в развитии человечества, однако именно в

нашем пятом послеатлантическом периоде это исключительно трудно для них.

Затем в настоящее время, в современности, имеет особое значение познакомиться с другим явлением. Видите ли, в наше время существует много понятий, много представлений, которые должны быть как следует определены, иначе с этими представлениями дальше не двинешься. Особенно в современной более меркантильной жизни должны вырабатываться понятия четко очерченные математически. К ним привыкла наука, но к ним привыкло даже искусство. Вы только представьте себе, какое развитие в этом отношении претерпело искусство! Не так уж давно мы оставили позади тот период искусства, когда искусство доходило до больших идеальных связей, и, - я могу сказать, - слава Богу, не хватало понятий, чтобы с легкостью интерпретировать произведение искусства; произведения искусства были многозначны, говорили о многом. Теперь это уже не имеет места в том же масштабе. Сегодня стремятся к натурализму, и могут быть легко подобраны понятия, поскольку само произведение искусства часто создается только на основе понятий, а не из элементарного напряженного ощущения. Человечество заполнено теперь определенными тривиальными, натуралистическими понятиями, которые детерминированы тем, что они всецело сформированы на физическом плане, где и вещи тоже детерминированы и индивидуализированы.

Очень значительно то, что так называемые умершие не любят таких понятий. Умершие не любят четко очерченных понятий, понятий, не являющиеся подвижными, которые не живут. Тут можно испытать замечательные переживания, получить опыт, который очень интересен, если только позволительно употребить столь тривиальное, банальное выражение для отношений, столь достойных уважения. В последнее время я, как вы знаете, прилагал здесь много усилий, ведь мы всё это проходили совместно, проводили всевозможные рассмотрения о периодах искусства с помощью наших световых картин, диапозитивов. Я старался некоторые художественные явления, явления искусства облечь в понятийную форму. Если хочешь говорить, надо облечь их в понятия. Однако у меня всегда была потребность не облекать закономерности искусства в жесткие, четко очерченные понятия. Если я пытался при этих рассмотрениях очерчивать, ограничивать понятия, то, как можно шире: ведь чтобы уложить их в слова, необходимо их

удерживать в рамках определений. Однако во время образования понятий при подготовке к этим рассмотрениям, я действительно, можно сказать, испытывал известное неудовольствие, когда мне приходилось использовать слово, которое облекало связи, на которые следовало указать в столь скудные понятия, насколько это было только возможно, при желании высказаться. В этой области нам только тогда удастся понять друг друга, если вы в некотором смысле сделаете обратный перевод сказанного в узких понятиях, к понятиям широким.

Если в то же время переживают, - я бы сказал, - то, что имеют дело с развоплощёнными душами, то обнаруживают, что именно тогда, когда человек хочет обозреть явление, по отношению к которому у него возникает ощущение: ты ещё недостаточно разумен, чтобы охватить это явление рассудочными понятиями, ты созерцаешь явление, но тебе не хватает рассудка, чтобы то, что происходит, облечь в понятия, - если у человека возникает это переживание, и он может иметь его именно при рассмотрении художественных явлений, тогда человек может с совершенно особой тонкостью, интимностью, обходиться с развоплощёнными душами, с душами умерших; ибо они любят понятия, которые не очерчены резко, которые позволяют с большей подвижностью сочетаться с явлениями. Из-за резко очерченных понятий, из-за понятий, похожих на те, что формируются здесь на физическом плане под воздействием физически-чувственных отношений, умершие чувствуют себя как бы пришпиленными к определённому месту, в то время как они нуждаются в свободном движении для их жизни в духовном мире.

По этой причине занятия духовной наукой значительны, для того, чтобы войти в ту интимную сферу переживаний, где, в соответствии с указаниями, данными вчера, живой человек мог встретиться с умершим; дело в том, что духовнонаучные понятия являются не столь детерминированными, как те, которые вырабатываются для физического плана. Вот почему злонамеренные или ограниченные люди с легкостью находят противоречия в духовнонаучных понятиях, ибо эти понятия живые, а живое включает в себе в известном смысле, хотя и не решительные контрадиктурные противоречия, но являются подвижными в себе. Но это происходит вследствие того, что занимаются духовным. Тут вещи необходимо освещать с самых разных сторон. И именно это освещение с самых разных сторон,

действительно приближает человека к духовному миру. Поэтому чувствуют себя лучше, если могут войти в сферу человеческих понятий, не педантично очерченных, но подвижных. Наименее благоприятно чувствуют себя умершие, если им приходится входить в наиболее педантичные понятия, какие составляются в последнее время относительно сверхчувственного мира, составляются для людей, которые, ни коим образом не желают жить в духовном мире, которые хотели бы иметь в качестве духовного мира нечто чувственное, которые проделывают спиритические эксперименты, чтобы прочно заполучить духовные понятия в чувственную сферу. Это, в сущности является наибольшим материализмом. Эти люди ищут для общения с умершими именно жестких понятий. Поэтому они мучают умерших наибольшим образом, поскольку принуждают их, если они хотят подойти, вступать в ту область, которую умершие в соответствие со всей своей организацией любить не могут. Они любят подвижные понятия, а не жесткие понятия.

Таков, как я полагаю, опыт, переживания, которые можно совершенно особенным образом испытать в эту эпоху, в пятом послеатлантическом периоде, когда здесь на Земле господствует материализм, а среди умерших господствуют те отличительные особенности, которые я вам описал. Ибо это совершенно одно и то же; то, что здесь на Земле обуславливает материализм, а тем самым обуславливает и всю определенную жизнь также и в духовной сфере. В греко-латинскую эпоху умершие выступали по отношению к живым иначе, нежели в наше время. Сегодня в пятую послеатлантическую эпоху в духовной сфере, я бы сказал, находится больше земного, - но вы, конечно, должны представлять себе это в имагинативной, образной форме, - в субстанциональности умерших земных закономерностей больше, чем раньше. Умерший проявляется сегодня по отношению к человеку в облике, содержащем гораздо большей земных соотношений; умерший сегодня, я мог бы сказать, гораздо больше похож на человека, нежели он был раньше. И вследствие этого умершие воздействуют на живущих здесь более или менее парализующим образом. Поэтому сегодня трудно подступиться к умершим, ибо человек очень легко оглушается посредством них. Здесь на Земле господствуют материалистические мысли; в духовном мире в качестве следующей отсюда кармы, господствуют материалистические последствия, овеществление,

приземлённость спиритуальной телесности у умерших. Но вследствие того, что умершие, - если я позволю себе так выразиться, - имеют избыточные силы, они действуют оглушающим образом. И человек сегодня должен благодаря как можно более сильным духовнонаучным ощущениям сперва приобрести силы, чтобы выступать вопреки этому оглушению. В этом состоит трудность, одна из трудностей при вступлении в отношения с духовным миром.

Для земной сферы, которую можно рассматривать также и духовно, вещи, если мы их видим на духовном уровне, надо рассматривать иначе, нежели судят о них, если эти вещи не рассматриваются духовно. Само собой разумеется, мы говорим с полным правом, и мы часто сообщали; мы живём в материалистическую эпоху. Почему? Поскольку люди, не те, кто понимает, но люди в общем, - как ни парадоксально это звучит, - слишком духовны. Поэтому они так легко доступны влияниям такой чистой духовности, как ариманическая и люциферическая. Люди слишком духовны. И именно вследствие этой духовности люди сегодня с лёгкостью становятся материалистичными. Не правда ли, то, во что человек верит и что он думает, является чем-то совершенно иным, чем является он сам. Именно наиболее духовные люди сегодня становятся легко доступными для ариманических наущений и вследствие них становятся материалистичными. Как бы остро не должен человек бороться с материалистическим мировоззрением и материалистическим формированием жизни, он не смеет говорить, что в кругах этих материалистов находятся наиболее бездуховные люди. Действительно, если мне будет дозволено перейти на личности; я находил многих духовных людей, не таких, кто имеет духовные взгляды, но тех, кто являются духовными людьми, в монистических союзах и тому подобном, и, напротив, грубые материалистические натуры я находил, преимущественно в союзах спиритуалистов. Именно там мы находим, даже если там и говорят о духе, наиболее грубые материалистические натуры. И действительно, - отвлекаясь от того, что он часто утверждал, - : вполне духовным человеком, который именно вследствие духовности стал доступен некоему ариманическому мировоззрению, является, например, Геккель. Геккель является духовным человеком, всецело одухотворённым человеком. Это особенно ясно бросилось мне в глаза, когда я в Веймаре заседал в тогдашней «Кузнице искусств»: - я об этом уже рассказывал, возможно не раз, - и там был Геккель по другую сторону

стола, с его прекрасными духовными синими глазами и его прекрасной головой. Рядом со мной находился знаменитый бухгалтер, экономист Герц, который оказал немалые услуги немецкой экономике, и который, хотя и знал в общем о Геккеле, не знал, что сидящий за другим концом стола – Геккель. Когда Геккель однажды сердечно рассмеялся, Герц спросил: что это за человек, который так смеется внизу, за столом? – я сказал: это Геккель. – Это же невозможно, – сказал он, – злые люди не могут так смеяться!

Понятия современных материалистов столь скудны, я бы сказал, скудны в отношении духовности, поскольку они не подступают к откровениям духовности в материальном, для них духовное и материальное разделяются друг с другом, духовное приравнивается к чистым понятиям. Во всяком случае, сегодня грубейшие, вульгарнейшие материалисты обнаруживаются в многочисленных обществах, объединениях и т. п., называющих себя спиритуальными. Там обнаруживается вульгарный материализм, который иногда используется даже для того, что свои славословия по поводу своего собственного происхождения от обезьяны, – да ещё от определенного вида обезьян, – приписывают человечеству. Их не удовлетворяет общее происхождение человека от обезьян, они прослеживают его назад к вполне определённого виду обезьян. В этом отношении можно пережить нечто гротескное. Для тех, кто не знает, я поясню, что пару лет тому назад появилась книга, где мисс Безант и мистер Ледбитер точно указали, от каких обезьян произошли они в древнейшие времена, они проследили своё родословное древо до определенных обезьян, так что там можно прочесть об этом родословном древе от обезьян. Эти вещи встречаются в современную эпоху в популярных книгах.

Понятия, которые я развивал сегодня, нужны нам для того, чтобы глубже проникнуть в некоторые места тематики, обсуждаемой в нашей современности. Ведь этот мир здесь находится в полной зависимости от духовного мира, в котором находятся умершие, и связан с духовным миром. Вот почему я пытаюсь развить сегодня перед вами такие понятия, которые имеют отношение к наблюдениям непосредственной современности. Всё то, что происходит здесь в физическом мире, действительно находится под известным воздействием сверху из духовного мира. Но и духовный мир с деяниями умерших тоже обнаруживает себя или в том, что могут делать умершие для физического мира, или даже в том, что они не могут делать именно в

современную материалистическую эпоху. Мы характеризовали эту материалистическую эпоху, насколько она стала даже сверх материалистической, из-за некоторых оккультных братств, как я излагал вам это вчера. Сегодня в высшей степени в основе всех мировых событий лежит тот тип материализма, который можно назвать меркантильным типом. И как просил я вас, - с одной стороны, - отметить себе для завтрашнего дня те понятия, которые я поставил сегодня перед вашей душой относительно жизни умерших, так попрошу я вас, - с другой стороны, - обратить внимание на то, как мало сегодня безусловно принимается многое из того, что в менее материалистический век было бы принято как само собой разумеющееся. Связь с этими явлениями станет нам ясной только завтра. Единственно, что для нашего времени очень характерно то, что на меркантильное начало распространяется тот понятийный ход мыслей, который ускользает от того, кто не обращает внимания на такие эпохальные явления. А они не должны ускользать от человека. С одной стороны, меркантилизм хорош; но его надо представлять в правильном свете, в котором он присутствует в социальной жизни. Для этого необходимо, чтобы человек имел для всего соответствующий масштаб. Но сегодня живут в многообразном понятийном хаосе. И если в понятийном хаосе создаются совершенно детерминированные понятия, как это и происходит в материалистический век, когда создаваемые понятия целиком определяются чувственными представлениями, а затем снова выступает тот же понятийный хаос, что происходит в сегодняшнем материализме, - тогда проводится наиболее резкая черта между физическим миром, в котором живут люди между рождением и смертью, и сверхчувственным миром, в котором люди живут между смертью и новым рождением.

Вы хотя бы однажды рассмотрите в этой связи тот факт, что в противоположность к другим областям, где к труду подходят менее философски, именно в Средней Европе к меркантильному началу относятся философски, несмотря на то, что оно не столь родственно Средней Европе. В Средней Европе из всего делают философию. Философствуют даже о том, что типично для материализма нашего времени. Есть одна интересная книга, интересная именно как культурный феномен, она называется: «Идеал и гешефт», автор Ярослав, а появилась она задолго до войны. В этой книге есть некоторые главы, которые были для меня особенно интересны в культурно-историческом значении. Меня

интересовало не то, что в них написано, но интересовало в культурно-историческом смысле; например, особенно заинтересовала глава «Платон и производство деталей». Итак, речь там идёт обо всём, что касается коммерции, меркантильности. Там есть не безынтeресная глава «Крупная торговля у Цицерона». Другая глава - «Портреты купцов у Гольбейна и Либермана», Весьма интересна также глава «Якоб Бёме и проблема качества». Но самая интересная - «Богиня Фрейя в германской мифологии и свободная конкуренция». Особенно интересна глава «Хозяйственный дух, которому учил Иисус».

Как вы видите, тут всё свалено вместе. Но именно благодаря тому, что оно свалено вместе, вещь приобретает тот характер, который создается материализмом. Примите это как подготовку к другому рассмотрению, которое мы проведём завтра.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дорнах, 22 января 1917 г

Если вы вспомните отдельные высказывания из венского цикла «Внутренняя жизнь души и жизнь между смертью и новым рождением», то вы найдёте понятия, или, лучше сказать, внутренние душевные переживания, которые могут возникнуть у человека. Благодаря им, он приближается к тому миру, о котором мы говорили вечера: этот мир является общим, как для нас, так и для развоплощённых человеческих душ, душ, прошедших через врата смерти и готовящихся к новому воплощению, новому земному бытию. Прежде всего, вы можете оживить понятие, которое отнюдь не лишне, если хотят получить настоящее представление о духовном мире; это то, что многое, - я подчёркиваю, многое, но не всё, - рассматриваемое с точки зрения духовного мира отображается прямой противоположностью по отношению к проявлениям физического мира. Положим в основу это представление и рассмотрим с помощью этого представления потустороннюю жизнь и потустороннее восприятие человека по ту сторону, в духовном мире.

Здесь, бодрствуя, то есть, находясь между пробуждением и засыпанием, мы связаны с нашим

физическим телом так, что это физическое тело мы используем как инструмент наших переживаний в мире; здесь мы по отношению к духовному миру чувствуем себя не в состоянии охватить, понять его, удержать его откровения. Поскольку мы заключены в физическое тело, мы используем грубые инструменты физического тела, чтобы что-то воспринимать. Мы должны их использовать. Если же мы не можем их использовать, как в случае между засыпанием и пробуждением, наше астральное существо и существо «я», - произошедшие впервые в период Древней Луны и Земли, - оказываются слишком тонки, субтильны для того, чтобы что-либо охватить. Духовный мир находится вокруг нас всегда, как и воздух находится вокруг нас. И будь мы, можно сказать, достаточно плотными в нашем астральном существе и «я»-существе, то мы всегда могли бы охватывать, перцепировать, воспринимать то, что всегда находится вокруг нас в духовном мире. Мы не можем этого потому, что мы слишком тонки в нашем астральном и «я»-существе, потому, что там ещё нет сформированных инструментов, таких как физические органы чувств, или как мозг, чьи способности представления служат для того, чтобы при бодрствовании в душе возникали переживания.

Когда человек проходит сквозь врата смерти, он, по крайней мере, в ближайшие десятилетия находится тогда в основном в той субстанции, в которой мы находимся во время нашего сна. Эта субстанциональность не может оставаться такой субтильной, тонкой, какой она была во время нашего физического воплощения, иначе мы не осознавали бы всех переживаний между смертью и новым рождением. Она и не остаётся такой, наоборот, между смертью и новым рождением наступает сознание совершенно иное, но гораздо более яркое, мощное, нежели было оно в то время, когда мы находились в физическом теле. Тут мы должны спросить: как же реализуется это сознание, когда мы находимся в астральном теле или в «я»-существе?

Здесь, в физическом теле мы имеем физические органы, причём мы проникнуты - можно сказать, одеты, окутаны - инградиентами, образующими физический мир, то есть нас окружает минеральное, растительное, животное царство. То, что подготовлено для нас здесь как физическая телесность, есть инструмент нашей бодрственной жизни. Аналогичным образом для нас

приготавливается инструмент между смертью и новым рождением. Первое из того, что подготавливается нам после смерти благодаря тому, что мы вообще являемся людьми, что безусловно должно быть подготовлено для нас, когда мы сбросим своё эфирное тело, это то, что приходит от иерархии Ангелов. Мы как бы погружаемся в субстанциональность иерархии Ангелов. Ведь существо из иерархии Ангелов принадлежит нам самим и известным образом является ведущим существом нашей человеческой индивидуальности. Но при нашем вращении в духовный мир с этим существом из иерархии Ангелов, с которым мы связаны вначале, соединяются другие существа из иерархии Ангелов, и так образуется в нас, или, лучше сказать для нас ангельский организм, который сконструирован иначе, нежели наш физический организм.

Пожелав схематически провести перед душой то, о чём я здесь говорю, можно сделать это следующим образом; можно сказать: сквозь врата смерти мы вживаемся в духовный мир. Пусть схематически это будет наша индивидуальность (см. рис. стр. 224, фиолетовое), с которой связано то существо, которое мы ощущаем как приданное нам из иерархии Ангелов (красное). Но при отделении нашего эфирного тела, это наше ангельское существо вступает в отношения с другими ангельскими существами из иерархии Ангелов, присоединяет себя, и мы чувствуем в нас весь этот ангельский мир. Мы чувствуем его в нас, мы переживаем его как внутренний опыт, не говоря, конечно, о внешних переживаниях, которые нам благодаря этому сообщаются.

Возникновение этой пронизанности миром Ангелов делает также возможным и то, что мы вступаем во взаимоотношения с другими развоплощёнными людьми, с другими людьми, прошедшими через врата смерти прежде. Я хотел бы сказать: также как здесь, во внешнем мире наши органы чувств сообщают нам нечто, так эта включённость в мир Ангелов сообщает нам о духовных существах, о людях, которых мы встречаем в духовном мире. Так как здесь, в физическом мире, находясь в зависимости от отношений физического мира, мы сохраняем тем или иным способом построенный организм, так сохраняем мы «своего рода духовный организм», сформированный благодаря этой сети ангельской субстанции. Однако то, как образуется, как строится эта сеть ангельской субстанции, сильно зависит от того,

насколько мы вработались в духовный мир. Если мы вработались в духовный мир так, что ощущений для духовного мира у нас мало, что в нас слишком много, чересчур много отзвуков физических наслаждений, вожделений и инстинктов, физических симпатий и антипатий, то образование ангельского организма затрудняется. И время пребывания в душевном мире, как мы его называем, служит нам именно для того, чтобы освободиться от того, что из физического мира ещё пронизывает нас, что мешает нам соответствующим образом построить ангельский организм.

фиолитовое- violet
красное - rot
синее - blau

Он образуется постепенно в то время, когда мы пребываем в душевном мире. Мы растаем в этот ангельский организм. Но одновременно выступает другая необходимость, необходимость проникнуться не только ангельским организмом, но также проникнуться и более отдалённой субстанциональностью, а именно - организмом Архангелов. Наше сознание между смертью и новым рождением оставалось бы очень смутным, если бы мы не могли проникнуться организмом Архангелов. Если бы мы прониклись только организмом Ангелов, мы оставались бы в духовном мире в грезящем состоянии, грезящими, спящими существами, сотканными из - я мог бы сказать - из всевозможного имагинативного вещества духовного мира; мы проспали бы бытие между смертью и новым рождением. Для того, чтобы не проспать его, чтобы наступило яркое, мощное сознание, мы должны проникнуться Архангельским организмом (см. рис. синее).

Это делает наше сознание ярким. Благодаря этому мы как бы впервые просыпаемся в духовном мире. Но в той степени, в какой мы пробуждаемся для духовного мира, в той же степени получаем мы свободное отношение к физическому миру здесь. И здесь мы должны иметь свободное отношение к физическому миру. Надо было бы спросить: каково отношение физического мира к развоплощённому человеку, прошедшему через врата смерти? Это вы так же можете найти в венских лекциях. (*Венский цикл: «Внутреннее существо человека и жизнь*

между смертью и новым рождением» ПС т.153) Здесь, в физическом мире человеку, поскольку он может иметь сильное себялюбие, со своими мыслям и чувствами трудно подняться к восприятию духовного мира, мира небесного. Человек томится по представлениям о мире небесном, но ему нелегко развить сильную способность представления, чтобы вовлечь этот небесный мир в свою сферу. В известном смысле для пребывания в духовном мире между смертью и новым рождением дело обстоит противоположным образом. Прежде всего, туда следует за нами то, что было пережито в физическом мире; то, что в физическом мире имело значение, то, что было воспринято, это следует за нами. Это следует за нами довольно своеобразно. Примеры, приводимые мною, дадут вам представление о сложности этих вещей. Для физической способности представления у человека эти примеры выглядят порой гротескно, парадоксально, но нельзя пережить в духовном мире ничего конкретного, если не принимать такие представления во внимание.

Восприятие того, что существует в минеральном царстве, почти сразу же теряется, как только человек проходит сквозь врата смерти. Здесь, в физическом мире, человек, благодаря своим органам чувств обладает наибольшей способностью восприятия минерального царства, можно сказать почти исключительной способностью восприятия. Ибо когда человек ограничен своими органами чувств, он мало что воспринимает другого, кроме минерального царства. Вы скажете: мы ведь ещё воспринимаем животных, мы воспринимаем растения. Но почему? Видите ли, если здесь вы имеете растение, то в этом растении находятся минеральные продукты. И то, что пульсирует, живёт как минеральное, то, что содержится в растении как минеральное - это, собственно, и воспринимается в растении; точно также и в животном. Так что можно сказать: человек благодаря своим органам чувств воспринимает почти без исключения минеральное. Итак, это минеральное царство, которое человек воспринимает здесь, там исчезает. Приведём конкретный пример. Здесь вы каждый день видите на своём столе поваренную соль, вы видите её там как внешний минеральный продукт. Развоплощённый человек, прошедший сквозь врата смерти, не может видеть эту поваренную соль в солонке. Но если вы посолите суп и попробуете его, это вызовет процесс внутри вас, в вашем

собственном внутреннем, и то, что произойдёт здесь, внутри вас, а именно - процесс, который сопровождается ощущением солёного, - это воспринимает умерший. Итак, в тот момент, когда соль начинает вызывать на языке вкус, то есть процесс переходит в ваше внутреннее, начинает протекать внутри вас самих, с этого момента умерший может воспринимать соль - в процессе её воздействия. Вот как обстоит дело. Тем не менее, мы можем сказать: в том застывшем виде, в каком находится здесь минеральное царство, если оно не оказывает воздействия на человеческий, животный или растительный организм, умерший, прошедший через врата смерти воспринимать минеральное царство не может. Отсюда вы можете видеть следующее: так называемое внешнее окружение умершего совершенно отлично от того, что здесь между рождением и смертью человек характеризует как свой внешний мир.

Но одно всегда остается воспринимаемым для умерших, - и важно обратить на это внимание, - это то, куда втекают человеческие мысли и ощущения; есть даже такие человеческие мысли, которые воспринимаются. Поваренную соль как природный продукт умерший не воспринимает. Солонку, которая сделана, может быть из стекла или из какого-либо другого материала, он также не воспринимает, но поскольку в солонке при её изготовлении угнездилась человеческая мысль, эта человеческая мысль становится воспринимаемой для умершего. Если вы представите себе, как в нашем окружении повсюду, куда мы не взглянем, на всё, что не является природным продуктом, человеческая мысль наложила своего рода сигнатуру, оттиск, в соответствие с которым устроена, организована эта вещь, тогда вы получите представление о том, что может воспринимать умерший. Умерший также воспринимает все отношения между существами, то есть отношения между людьми и так далее; всё это живо для него.

Однако, дело ещё и в том, что по отношению к некоторым вещам в физическом мире умерший точно так же стремится вырвать их из своих представлений, из своих душевных переживаний, освободиться от них, как бы стереть их точно также, как здесь физический человек страстно желает заполучить некоторые представления о потустороннем мире. Здесь у человека есть страстное стремление получить представление о потустороннем. А там, после смерти, относительно некоторых человеческих

дел здесь, на земле, - а ведь эта земля становится для умерших потусторонней - человек страстно стремится погасить эти вещи, стереть их. Однако для этого необходимо как раз проникнуться субстанцией тех высоких иерархий Ангелов и Архангелов. Ибо, проникнувшись этой субстанцией, можно погасить в сознании то, что должно быть погашено. Тем самым вы получаете представление о вращении в духовный мир, о том способе, которым человек вращается в духовный мир; при этом он как бы пронизывает свою собственную индивидуальность субстанцией существ высших иерархий. Очень важно отметить следующее; чтобы уничтожить в сознании, стереть, удалить из сознания всё то, что более или менее личным образом связано с человеком, - а это все искусственно созданные изделия, продукты, которыми мы пользуемся и о которых я говорил: умерший видит их, поскольку они воплощают человеческие мысли, - чтобы изъять, удалить всё это из сознания, прежде всего, необходимо, чтобы человек надлежащим образом проникся субстанцией Ангелов. Однако ещё и нечто иное тоже должно быть отброшено, нечто другое должно быть погашено, для того, чтобы человек мог правильным образом пребывать в духовном мире.

Как бы ни странно прозвучало это с земной точки зрения, и, тем не менее, это верно; есть помеха, препятствие для вращении в то, что даёт нам ясное, светлое сознание в духовном мире, и помехой, препятствующей нашему легкому вращению в духовный мир является, - как бы странно это не звучало, - человеческая речь, речь, которая здесь на земле служит для физического понимания человека человеком. Умерший должен постепенно вырасти из речи, в ином случае то, что он застрял в аффициях, в сродстве, связывающем его с речью, воспрепятствует его вращению в царство Архангелов. Поистине речь предназначена только для земных отношений, но внутри человека эти земные отношения сильно срастаются с речью. Для многих людей именно в нынешнюю материалистическую эпоху мышление содержится непосредственно в речи. Сегодня, в эпоху материализма люди почти совсем не мыслят мыслями, в мыслях, а чрезвычайно сильно делают это в речи, в словах. Вот почему они бывают так довольны, находя выражение, штамп, для того или иного. Однако такие штампы, такие словесные обозначения годятся

только здесь, в физической жизни, а после смерти встаёт задача освободиться от таких словесных обозначений.

Даже по отношению к таким вещам духовнонаучное рассмотрение даёт известную возможность вжиться в царство сверхчувственного. Ведь как я уже часто говорил вам, к настоящему, действительному понятию можно придти лишь приблизительно, описывая своего рода круг вокруг вещи, вокруг слова. Как я часто показывал вам, для того, чтобы придти к понятию, надо попытаться посредством всестороннего освещения, посредством использования разных слов как бы освободиться от слова. Духовная наука в известном смысле эмансипирует нас от слова. Это она делает в значительной степени. Вот почему она вводит нас в ту сферу, которую мы имеем общей с умершими.

Итак, эмансипация от речи внутренне связана с вращением в субстанцию Архангелов. Мост между здешним миром и духовным миром создаётся посредством того, что мы именно духовнонаучным образом снова эмансипируемся от речи, что мы создаём духовнонаучные понятия, которые более или менее независимы от речи.

Заострив своё внимание на только что сказанном мною, вы тем самым обратите внимание на важные отношения между здешним миром и миром духовным; если же вы продумаете эти мысли живо, то получите важное средство для понимания некоторых импульсов, исходящих от тех братств, о которых я неоднократно говорил вам на этой неделе. Эти братства создаются в большей или меньшей степени с прямой целью: удержать человека в материальной области - это вы можете понять из некоторых данных мною пояснений. И мы видели в эти дни, что в этих братствах речь идёт даже о том, чтобы ещё более усилить материализм, сделать его сверх-, суперматериализмом, чтобы создать в известном смысле - как я это назвал - ариманическое бессмертие для членов таких братств. Они способны на это преимущественно потому, что представляют групповые интересы, групповой эгоизм, и делают они это в очень большом масштабе. Стремление представлять групповые интересы состоит хотя бы в том, что самые влиятельные из этих братств - как я показал - берут за исходный пункт следующее положение: полностью наводнить пятую послеатлантическую культуру всем англоязычным, всем, что говорит на английском. Ибо эти братства определяют

пятую послеатлантическую культуру так; к людям пятой послеатлантической культуре относятся все те, кто говорит по-английски, англоговорящие, англоязычные люди. Поэтому уже в первоначальном основном положении заложена концентрация на эгоистическом групповом интересе.

Тем самым подразумевается нечто необычайно значительное в духовном смысле. Это отнюдь не мелочи, когда воздействие распространяется на человеческую индивидуальность не только тогда, когда она воплощена в физическом теле между рождением и смертью, но и тогда, когда она живёт между смертью и новым рождением. Ибо вследствие того, к чему здесь стремятся, достигается то, что человеческая индивидуальность, вживаясь в духовный мир, проникается иерархией Ангелов, но не восходит к иерархии Архангелов. Это есть своего рода стремление оторвать от человеческого развития иерархию Архангелов!

Если вы обратите внимание на то, что вам, может быть известно, может быть не молодым - в смысле членства - но более старым среди наших сочленов, то в Теософском Обществе вы увидите явные признаки этих вещей. Вспомните - я имею в виду тех, кто ещё участвовал в жизни Теософского Общества, - вспомните, что отдельные, задающие тон его члены, и прежде всего пользующийся недоброй славой мистер Ледбитер (Laedbeater), говорили, что во многих отношениях жизнь между смертью и новым рождением есть своего рода сонная жизнь. Конечно те, кто были старыми членами Теософского Общества знают, что эти вещи распространялись.

Неудивительно, что утверждали нечто подобное, ибо у некоторых душ, у которых уже было достигнуто нечто подобное, и которых Ледбитер потом находил в духовном мире, это действительно имело место. Некоторые души действительно дошли до того, что отсоединились от мира Архангелов, почему им и недоставало яркого, сильного сознания. Так что Ледбитер наблюдал именно те души, которые уже подпали под махинации таких братств. Он не заходил так далеко, чтобы наблюдать, а что же будет с такими душами через известное время; ведь эти души не могут всё время между смертью и новым рождением оставаться без того ингредиента, той составной части, которую при нормальной жизни получают от мира Архангелов, им приходится получать нечто другое. И они действительно получают эквивалент, их понижает нечто

другое, но откуда? Они пронизываются тем, что приходит от Архаев, остановившихся на ступени Архангелов. Следовательно, вместо того, чтобы нормальным образом проникнуться субстанцией правомерных Архангелов, они проникаются субстанцией Архаев, Духов Времени, но таких, которые не поднялись до Духов Времени, но остановились на архангельской ступени. При нормальном процессе эволюции они должны были бы стать Архаями, но они остановились на ступени Архангелов. А это значит, что они в полном смысле пропитаны ариманическим. Для того чтобы полностью оценить значение этих фактов, надо иметь совершенно верные представления о духовном мире. Когда оккультными средствами стремятся обеспечить мировое господство отдельному Народному Духу, это означает, что действия должны быть нацелены вплоть до духовного мира, это означает, что вместо правомерного господства над умершими Архангелов, установилось неправомерное господство Архаев, оставших на ступени Архангелов, неправомерных Духов Времени. И тем самым достигается ариманическое бессмертие.

Вы, конечно, могли бы сказать: как могут люди быть настолько глупы, чтобы прямо-таки программно отмежеваться от нормального развития и примыкать к совершенно иной духовной эволюции? - Но это весьма близорукое суждение, суждение, которое даже не учитывает то, что вследствие некоторых импульсов люди могут получить страстное желание искать своё бессмертие в ином мире, нежели тот, который мы обозначаем как нормальный. Я мог бы сказать: то, что вы не имеете желания участвовать в этом ариманическом бессмертии - что ж, - это право же очень хорошо! Но ведь многое другое нельзя объяснить посредством простейших понятий, и точно также вы должны согласиться и с тем, что есть нечто необъяснимое в том, когда люди хотят уйти из мира, который мы, - имея в виду жизнь между смертью и новым рождением, - считаем нормальным, когда они говорят себе: мы не хотим и дальше следовать за Христом как за Вождём - а Христос является Вождём в этом нормальном мире, - мы хотим иметь другого вождя, мы хотим стать в оппозицию к этому нормальному миру. - Вследствие подготовки, проделанной ими - об этой подготовке я вам уже говорил - подготовки, которая происходит посредством церемониальной магии, они получают представление, что мир ариманической власти

есть гораздо более сильный духовный мир, что там они смогут продолжить то, что они усвоили здесь в физической жизни, что они смогут сделать бессмертными материальные переживания физической жизни.

Именно сегодня пора приглядеться к этим вещам. Ибо кто этих вещей не знает, кто не знает, что сегодня распространяются такие вещи, тот не в состоянии увидеть то, что происходит в нашей современности: ибо за всем физически видимым, за всем физически воспринимаемым лежит сверх-физическое, лежит физически не воспринимаемое. Имеется немало людей, которые сегодня - или в плохом, или в хорошем смысле - работают с помощью средств, которые являются импульсами, стоящими за чувственным. Средства, для того, чтобы уйти из мира, о котором мы могли бы сказать, что он может развиваться правильно, если люди ставят себя на службу Христу, - средства эти весьма многообразны; о некоторых их таких ближних средств говорить нелегко, поскольку, соприкасаясь с близлежащим, простым, люди не представляют себе, что оно, будучи распространено в человеческих душах, является в то же время чудовищно мощным оккультным импульсом.

Вы знаете - чтобы упомянуть о самом ближнем - в определённый момент был установлен догмат о так называемой непогрешимости. (*Infallibilitaetsdogma, догмат о непогрешимости Римского Папы, принят 18 июля 1870г на Первом Ватиканском Соборе*). Этот догмат о непогрешимости - это теперь важно - был принят, акцептирован многими людьми. Тот, кто является настоящим христианином, мог бы подумать: как же обстоит дело с этим догматом о непогрешимости? Он мог бы, например, задать вопрос: что сказали бы о догмате непогрешимости первые Отцы Церкви, ещё стоявшие близко к первоначальному смыслу христианства? Они назвали бы это богохульством! И тем самым отнесли бы к этому по-христиански. Тем не менее здесь указывается на исключительно действенное оккультное средство - с помощью чего бы то ни было пробуждать в высшей степени антихристианскую веру. Однако эта вера является важным оккультным импульсом, направленным в определённую сторону, чтобы отвести от нормального христианского развития. Вы видите, что можно коснуться ближайшего, и всюду в мире находить оккультные импульсы

Точно такой же оккультный импульс, только неудавшийся, исходил и от миссис Безант, когда она вызвала суматоху с Альционом. (*В Теософском Обществе имя Иидди Кришнамурти, род 1895г. Ведущие теософы ложно считали, что в нём вновь воплотился Иисус Христос*). Если бы та вера в воплощение Иисуса в Альционе распространилась, это был бы сильнейший оккультный импульс. Вы видите, что сильный оккультный импульс состоит уже в самом распространении некоторых идей, понятий. И так как те братства, о которых я говорил, ставят себе задачей в эгоистических, групповых интересах сделать пятый послеатлантический период (1413-3573 гг. по Р.Х.) общим импульсом в земном развитии и погасить, исключить из земного развития то, что должно придти в шестую (3573- 5733 гг. по Р.Х.) и седьмую (5733- 7893 гг. по Р.Х.) послеатлантические эпохи, то вам станет понятно, какие именно вещи исходят от этих братств, что я имел в виду, говоря о «исходящем от них». Для этого создаются импульсы, которые имеют значение не только для воплощённого человека, но и для человека развоплощённого. Пришло такое время, в которое, по меньшей мере, отдельные люди должны эти вещи видеть, для того, чтобы иметь представление о том, что же, в сущности, происходит, что же совершается.

Но это должно быть связано с тем, чтобы образовались всё более и более правильные понятия о жизни человека на земле. Невозможно, чтобы продолжали жить те понятия, которые именно в наше время причиняют так много бед. Ибо чем больше будет людей, получивших правильное представление об этих вещах, тем меньше будет возможностей для некоторых оккультистов ловить рыбу в мутной воде. Во всяком случае, пока в Европе смогут говорить об отношениях народов так, как говорят сейчас, говорят, намеренно искажая истину, до тех пор будет существовать множество оккультных импульсов, для того, чтобы отбросить земную эволюцию от шестой послеатлантической эпохи (*то есть русско-славянской эпохи, 3573-5733 гг. по Р.Х. - примеч. переводчика*). Ибо этой шестой послеатлантической эпохе предстоит нечто очень важное. Я уже не раз подчёркивал, настоятельно подчёркивал: Христос умирал для индивидуального человека. Это мы должны рассматривать как нечто самое существенное в Мистерии Голгофы. Христу надо совершить важное деяние в пятой - это мы хотим отметить прежде

всего, - а также и в шестой послеатлантических эпохах: именно здесь грядёт для Земли Спаситель для преодоления, для окончательного преодоления всего того, что исходит из национального принципа. Но заранее прикладываются усилия для того, чтобы это не могло произойти, чтобы Христос не обладал влиянием в шестую послеатлантическую культуру; на это направлены импульсы тех братств, которые хотели бы законсервировать пятую послеатлантическую культуру тем способом, как я вам это показывал и разъяснял.

Этому можно противодействовать, только развивая верные, правильные понятия, которые должны постоянно становиться всё более и более живыми. Они, эти правильные понятия должны стать живыми. Народы смогли бы жить мирно в той мере, насколько бы они стремились увидеть свои отношения в правильных понятиях и представлениях. Не с помощью программ, не через всевозможные абстрактные идеи - это я уже говорил - приходят к тому, что должно наступить, но только посредством правильных, конкретных понятий. Как это ни трудно по отношению к общепринятым сегодня представлениям, которыми в достаточной степени заражены и наши друзья, следует все же обратить внимание на то, что ведёт к верным, правомерным понятиям. В конце концов, вы должны всё материальное привести к верным, правомерным понятиям. Как только оно будет освещено, человек получит правильные, конкретные представления.

Давайте теперь снова вернёмся к тому, о чём с некоторой точки зрения мы уже говорили. Здесь, в нашем земном круге, в нашем европейском мире об отношениях народов говорится так, что умершие от этих речей испытывают настоящие мучения, поскольку все создаваемые представления, все понятия извлекаются из лингвистических особенностей, особенностей речи, языка. Создавая понятия о национальном, исходя из лингвистических особенностей, люди постоянно мучат умерших. Как можно мучить умерших, как можно не иметь никакой любви к умершим - в этом можно особенно убедиться на спиритических сеансах, участвуя в спиритических заседаниях. Там умершие прямо-таки принуждаются проявлять себя в той или иной речи, говорить на том или ином языке. Умершие должны говорить на определённом языке, ибо даже при

постукиваниях стола манифестации умерших должны проявляться на каком-то определённом языке. То, что вы причиняете умершим, принуждая их выражаться на определённом языке, вы могли бы совершенно правомерно сравнить с тем, как если бы вы взяли раскалённые щипцы и этими раскалёнными щипцами стали бы постоянно щипать существо, живущее здесь во плоти. Так спиритические сеансы, направленные на то, чтобы умерший говорил на определённом языке, причиняют этому умершему боль. Ибо его нормальная жизнь направлена на то, чтобы освободиться от языковых различий.

Уже вследствие того, что представления об отношениях европейцев создаются в соответствии с речью, делают нечто такое, с чем едва ли возможно достичь взаимопонимания с умершими. Поэтому я могу сказать: сегодня необходимо, или, по крайней мере, становится необходимым формировать такие представления, которые можно было бы обсуждать также и с умершими, с которыми можно было бы достичь взаимопонимания и с умершими. Само собой разумеется, дело не в том, чтобы распространить по земле некий «воляпук», всеобщий язык (эсперанто), или как там ещё называются такие вещи; ведь хотя и правильно то, что все люди носят одежду, они не должны носить одинаковую одежду. Но точно также нельзя требовать, чтобы мы эту одежду считали за нас самих. И также не можем мы рассматривать как принадлежащую нам самим, нашему собственному существу, ту необходимую нам в физическом мире, дифференцировку речи, которой духовное начало уже наделило нас для физического мира. Только надо как следует уяснить себе это.

Как можно придти к понятиям, постоянно возвышающимся над той этнографией, которая почти целиком ограничивается одной и только одной речью? В этом отношении антропософия тоже должна перерасти чистую антропологию, которая, в сущности, не имеет для разрешения этого вопроса иных средств, кроме как обращать внимание на дифференцировку в смысле языков, лингвистическую дифференцировку.

Я сказал, что европейские народы могли бы успешно жить в мире, если бы они нашли соответствующие, адекватные понятия, живые понятия. Я бы хотел сказать, что, указав на так называемый закон передвижения

согласных звуков (см. GA 173, л.6-7), мы уже сделали шаг к тому, чтобы придти к таким живым понятиям. Я показал вам, как некоторые языки останавливаются на более ранних ступенях. Мы имеем ступени, следующие одна за другой: готическая, англосаксонская – сегодняшний английский, – а затем верхненемецкий. Верхненемецкий (Das Hochdeutsche) до некоторой степени формировался дальше, тогда как английский остановился на известной ступени. Это не оценивающее суждение, однако, это факт, который следует объективно принимать во внимание, точно также как и закон природы. Там, где в верхненемецком мы имеем «t», там в английском мы имеем «d», что соответствует совершенно определённом закону, закону так называемого передвижения согласных звуков. Но этот закон является в определённой области выражением тех отношений, которые имеются в европейской жизни. И здесь весьма знаменательно то, что некоторые понятия и представления разрабатываются прямо-таки с бессознательным желанием вызвать непонимание. Примите эти вещи с полной объективностью.

Опираясь на вышеприведённое можно сказать: в Средней Европе имеется как бы изначальная закваска, изначальный «замес» того, что излучается по периферии Европы, а именно на Запад. Рассмотрим этот изначальный «замес». (см. Рисунок на стр.33). С давних пор сложилось так, что народом-представителем этого «замеса» называют немецкий народ. Народы Запада как бы мстили этому народу тем, что они не желали обозначать его тем словом, каким он обозначал себя сам, и которое говорит о глубоком инстинкте: их, немцев, называют тевтонами, аллемандами, германцами, как только можно, но при этом, говорящие на языках Запада, не могли себя заставить сказать «дойче», в то время как именно это обозначение глубоко связано с сущностью народа. Это, можно сказать, своего рода замес, закваска. Один поток, один луч спустился на юг. Его мы характеризуем, обратив внимание на культовое, папское, иерархическое начало. Другой поток направлен на Запад. Его мы характеризуем, указав на дипломатическое, политическое начало. Третий луч, поток идёт на Северо-Запад. Его мы характеризуем, указав на меркантильное. В центре образовано то, что фактически сохраняет текучее развитие, ибо, только подумайте о том, что даже речь в звуках на периферии остановилась, в то время как среднеевропейская Германия (Дойчия) в

передвижении согласных звуков сохранила возможность вырастать над звуком и подниматься к следующей звуковой ступени. (см. GA 173 л.7 «Слово и мысль во французском, английском, немецком и русском языках»).

Что, собственно, лежит здесь в основе? Вот что: замес, закваска, источник - ещё не дифференцирован, он содержит в себе все элементы, которые отсюда излучаются. Они действительно излучаются. Народности спускались вниз сквозь всю Италию; нынешние итальянцы - это не только потомки древних римлян, но и всех тех, кто произошёл от смешения спускавшихся вниз германских народностей. Весь процесс начался с того, что римляне вели войны против дойчей (немцев), они вели эти войны с помощью людей, которые сами были немцами, германцами и были ассимилированы римлянами: это были, как правило лучшими воинами римлян. Затем все шло дальше, как вы это знаете из истории. Франки переселились на Запад, англо-саксы - на Северо-Запад. Как нам найти адекватное, правильное представление о том, что собственно, выделилось?

Видите ли, в недифференцированной, неразделённой части человечество тоже было до известной степени расчленено, даже оставаясь нераздельным. И правильное представление имеют тогда, когда различают эту недифференцированность, нераздельность с более поздней дифференцированностью, раздельностью. Во всяком случае, в этом первоначальном «замесе», «первичной каше», сохранялось и то, что опускалось на юг, но сохранилось как член, как составная часть. Вот эта одна составная часть, сохранившаяся здесь (красное), выделявшаяся вниз в своей односторонности. Если вернуться к известному людям пра-древнему кастовому подразделению, то можно сказать: на юг выделялась каста с задатками священства, священническая каста. И в последующем священство, священническое начало всегда проявлялось из той части периферии, в той форме, в которой оно вступило туда; ведь даже в новейшее время такие проявления носили, хотя и весьма своеобразный, но полностью священнический характер. Дело не только в импульсе «священного эгоизма», *Sacro egoismo*; тут вообще умеют употреблять священные слова, как употреблял их знаменитый д'Аннунцио (Габриэль д'Аннунцио, итальянский поэт, 1863-1938 гг. «преобразующее блаженство» слова из его речи от 12

мая 1916 г.) Апогеем «преобразующего блаженства» становится тут то, что затем облачается в священнические одежды. Как в хорошем, так и в дурном: священство, священническое начало. То, что осталось, встало в оппозицию, как я уже вам показал. То, что потом реализовалось в реформации – это тот же элемент, оставшийся в замесе, элемент, который противостоял к односторонне образованному священническому элементу. То, что сегодня от этого священнического элемента почти ничего не воспринимается или, то, что там есть, воспринимается едва-едва, связано с состоянием внутренней опустошённости, о которой я вам говорил.

В западном направлении выделялся другой элемент: военная каста, королевская каста, королевское начало. Мы уже говорили об этом. Этот Запад подпал республиканству лишь вследствие аномалии. В действительности он целиком и полностью организован по-военному, по-королевски, и он всё время будет подпадать этому военно-королевскому началу. Во всяком случае, это опять-таки излучение, так что этот элемент, вытянувшийся на Запад тоже сохранился в исходном «замесе», где он опять-таки должен вставать в оппозицию к Западу (синий).

Северо-Западное направление: - меркантильный, торгово-экономический элемент (оранжевый). Само собой разумеется, что и он как часть, как член сохранился в исходном «замесе» и встаёт в оппозицию к тому, что образовалось как одностороннее. Тем самым не даётся оценка, ибо не следует полагать, что я придерживаюсь столь распространённого мнения, будто меркантильное начало по сравнению со священническим началом достойно презрения. Здесь нам следует расценивать всё иначе, отказавшись от известной шкалы ценностей. Как мы показали, для пятой послеатлантической эпохи именно меркантильный элемент является самым существенным. Следует видеть действительность такой, как она есть; её то и надо видеть. И если люди сегодня ещё не видят её, они увидят её в будущем.

Точно также как с первой стороны (от священства) исходят многочисленные оккультные импульсы, служащие групповым интересам священства, священнического начала, так со второй стороны исходят оккультные импульсы, служащие военному началу;

Pr I - rot - красное (священническое начало)

Kr II - blau - синее (военно-политическое начало)
Mk III - orang - оранжевый (меркантильное начало)

И именно сегодня вышеописанным образом с третьей стороны исходят оккультные импульсы, которые используют как средство, главным образом меркантильное начало. Они усиливаются, ибо первое и второе начала есть лишь повторение третьей (2907-747гг до Р.Х. - Египетско-халдео-вавилонская эпоха)* и, соответственно четвёртой культурных эпох (747г. до Р.Х.- 1413г. по Р.Х.- Греко-римская эпоха)*, тогда как третье соответствует пятой послеатлантической эпохе (1413-3573гг по Р.Х.- германо-европейская эпоха)*. Вот почему импульсы, приходящие с третьей стороны, сильнее, чем импульсы, идущие с первой и второй сторон. Импульсы с третьей стороны становятся наиболее сильными, так как они совпадают с основным характером пятой послеатлантической эпохи. Они станут столь же сильны, как сильны были некоторые импульсы египетской культуры в третий послеатлантический период, а также некоторые импульсы, которые, исходя именно из Передней Азии, прорастая через Грецию и Рим, имели место в четвёртой послеатлантической эпохе. Колдовство древних египтян и кровавые жертвоприношения являются предвестниками того, что исходит от тех оккультных братств, о которых здесь идёт речь, хотя это не одно и то же. Тут всё это носит, так сказать, более тривиальный характер, говоря в обычном человеческом смысле, поскольку при этом используется меркантильное начало.

По поводу этих вещей надо иметь полную ясность. Исцеление, благо может придти в эволюцию только благодаря тому, что человек почувствует себя жизненно включённым в то, что есть. И только благодаря этому можно научиться различать правду от лжи, от той лжи, которая сегодня чудовищной волной бьёт во всех импульсах, проходящих сейчас через мир. Во многих представлениях, которые неправдивы, лживы, заключена огромная оккультная сила, поскольку люди верят в них.

И так как раньше тому, что должно действовать как импульс, служили другие средства, так в нашу пятую послеатлантическую эпоху служит полиграфическое искусство, печать, и всё то, что связано с меркантильным началом. Как привкус наступающей скверны можно

рассматривать ту сильную зависимость прессы и того, что распространяется сегодня посредством искусства печати, от меркантильных групп людей, которые хотят совсем иного, нежели то, о чём они говорят в своих газетах. Они хотят делать гешефты, или достигать того или иного посредством гешефтов, и имеют для этого средства, позволяющие распространять воззрения, где дело идёт не об истине, а об успехе какого-либо гешефта или чего-то в этом роде. Сегодня очень хорошо, если о многом, что посылают посредством печати во внешний мир, не задаются вопросом: «Что же он думает?», а спрашивают: «Кому он служит?» «Кто оплачивает то или иное мнение?» Вот то, откуда многое появляется сегодня. Это не просто публикации, а использование важного оккультного средства: это именно то, чего хотят те самые оккультные братства, ведь это служит им. И если дело будет уже не в том, что говорится, а лишь в том, что действует на людей в известном направлении, будучи на службе тех, кто принадлежит группам, тогда подобные оккультные братства достигнут важной цели.

Дело в том, чтобы как можно яснее, трезвее смотреть на такие вещи. Удовлетворительные, я бы сказал, во всех оттенках очерченные понятия об этих вещах получают только тогда, если правильно рассматривают эти вещи в их связи с духовным миром. Тем самым, как я вам говорил, указываются симптомы, указывается на «Симптоматологию истории» (*ПС т.185*). Конечно, вы не должны во всём подобном подозревать чёрную магию. Тем не менее, вещи, имеющие здесь место, поставлены на службу серой или чёрной магии. Вы не должны ко всем вещам прикладывать моральное суждение, но вы должны видеть их в правильном свете. Те, кто хочет видеть вещи в правильном свете, едва ли забудут, скорее увидят кое-что, если они в большой речи сэра Эдварда Грея (*Речь английского министра иностранных дел сэра Э.Грея 1862-1933 гг. от 3 августа 1914г. см. «Великобритания и европейский кризис»*), - которая была как бы прелюдией для вступления Англии в эту европейскую войну - среди прочего, менее важного, - хотя это важно, то, чему верят люди, - натолкнутся на известные слова, которые как бы пропитаны кровью пятой послеатлантической эпохи; я имею в виду душевную кровь. Ведь эти слова не только верны, они исходят от тех побудительных истин, истин, извлечённых из того, что как

материалистическое начало живёт в пятой послеатлантической эпохе. Грей сказал: «Я опасаясь, что мы сильно пострадаем от этой войны, вмешаемся ли мы в неё, или нет. Торговля с заграницей прекратиться не потому, что будут нарушены связующие пути, но потому, что на их других концах торговля утихнет. Континентальные нации, близкие нам народности со всеми их силами, всею их государственностью замешаны в отчаянную борьбу и не могут поддерживать торговлю так, как они это делали в мирное время, независимо от того, будем ли мы участвовать в этой войне, или нет» и так далее.

Вся Западная Европа подчинена сегодня одному вопросу о власти. И эта речь о гешефтах, торговых делах, о том, чтобы, прежде всего, из меркантильных соображений не уклоняться от войны, но принять в ней участие - это более глубокая истина, чем всё то, что стоит в этой речи, и что надо было сказать, чтобы поверили. Сегодня не важно, что именно говорят люди, чтобы поверили. Они могут говорить это бессознательно. Не следует выносить о ком-то моральное суждение; дело в том, чтобы из внутренней истины познать эволюцию человечества, в которой эта истина находит своё выражение. А в данном случае истина высказана в самом широком смысле. Те же самые факты, те же самые импульсы, исходящие от вышеназванных братств, высказываются здесь в истинном свете; я указывал на эти братства, которые ведут к тому, чтобы пропитать меркантильное течение оккультными импульсами.

Человечество должно однажды узнать об этих вещах, оно должно однажды пережить их. Ибо не пережив их, оно не стало бы достаточно сильным. Оно должно закалиться, противодействуя тому, что лежит в этих вышеназванных импульсах. Когда-то тирания состояла в том, что некоторые люди долгое время были обязаны считать за правду только то, что признавал Рим. Тирания станет гораздо большей, если придёт время, когда основами для веры будет не то, что решат философы, не то, что решат учёные, а то, во что позволят верить органы этих оккультных братств; чтобы ни одна человеческая душа не верила ни во что иное, кроме того, во что предписано верить с этой стороны, чтобы ни с какой другой стороны не вводились в мир обычаи, кроме предписанных этой стороной. Вот к чему стремятся эти братства. Это

говорится не против идеалистов; в любом случае идеализм – это хорошее качество, но эта наивная вера некоторых идеалистов, если полагают, что удастся миновать те вещи, о которых идёт речь, к чему стремятся здесь, что это, якобы, прекратится, как только прекратится война. Война – это только начало всего того, что, – как это было характеризовано – наступит после. И возможность вырваться отсюда лежит только в ясном, правильном понимании того, что есть; всё остальное не годится. Вот почему всегда должны быть люди, – даже если с известных сторон об этом будут слышать и видеть это весьма неохотно, и принимать против них карательные санкции – всегда должны быть люди, которые действительно указывали бы на всю интенсивность происходящего, люди, которые не позволили бы себя запугать и действительно указывали бы на всю напряжённость происходящего.

В качестве введения к этим рассмотрением я говорил о том, что немцы называли себя «Дойче» (Deutsche). Но к ним в связи с этим наименованием отнеслись крайне нелюбезно, называя их «германцами» и так далее, что не совпадало с их смыслом слова, ибо сами немцы называли «германским» всё то, что в лингвистической истории было объединено на одной ступени как германо-говорящие, германоязычные, но вообще-то не являлось ни верхненемецким, ни немецким. То есть скандинавы, англосаксы, голландцы полностью принадлежали к «германцам» (Germanus); под этим подразумевалось ничто иное, как заложенное под поверхностью лингвистическое родство. «Германское» в немецком смысле совсем не означает чего-то особенного, так как не отвечает современной реальности. И если кто-то, находясь вне Германии, использует выражение «пангерманизм», это нечто такое, с чем немцам вообще нечего делать по той простой причине, что для немцев «германизм», «германское» больше не может быть реальным, субстанциальным объектом. Это отменяет, игнорирует образование других народов, и если бы чисто теоретически стали рассматривать выражение «пангерманизм», пришлось бы возвратиться к более ранним эпохам, но нельзя было бы обозначить ничего, что имеет отношение к будущему или настоящему времени. Тогда как в наименовании «deutsch», дойч, заложен глубокий инстинкт.

В каком-то смысле существуют три касты, первая, вторая и третья касты, разделившиеся и развившиеся при выделении из того, что я назвал первичным «замесом». Четвёртую касту я некоторое время тому назад обозначил как тех, кто просто хочет остаться только человеком, ничего большего, не хочет специализироваться, дифференцироваться, тех, кто всегда остаётся, проделывая при этом своеобразное, даже кажущееся другим гротескным развитие, как те, сложившиеся из первой сакраментальной ступени аллитерации при усовершенствовании в передвижении согласных. Это чрезвычайно интересно, поскольку они составили одну часть, один член среди многих других. Поэтому можно сказать: выделилась известным образом дифференцированная, разделившаяся группа народов: остался «народ», «das Volk», «diet». Народное государство, например, называлось «Диетрих», «Dietrich», «diet», «диет» затем, позднее превратилось в «deutsch», «дойч», а «дойч» означает ничто иное как «быть народом», «Volk sein». Народ, который остался – это и есть четвёртое. Три других выделились, а народ остался.

Делом тут управляет инстинкт; четвёртая часть представляет собой чисто человеческое начало. Вот почему, то, что осталось внутри народа, предрасположено к тому, чтобы не становиться законченным организмом, сохранить развитие в его текучей стадии, что действительно обнаруживается во всех подробностях. Конечно, священнический элемент тоже имеется внутри, но существуют предпосылки выйти из этого элемента священства, подняться над ним. Военный элемент тоже остаётся внутри, но есть предпосылки выйти из военного элемента, подняться над ним. Меркантильный элемент тоже имеет место, но есть предпосылки выйти из него, подняться над ним, точно также как в древней лингвистической, языковой форме были предпосылки, задатки, чтобы перейти в другие языки, но и возможность выйти из них, подняться над ними.

С этим связано одно явление, которое на понятийном уровне вызывает бесконечно много непонимания. В более глубоком смысле это следует рассматривать как трагическое непонимание, но оно было именно вызвано,

потому что в первичном «замесе» естественно сохранилось многое, несущее предпосылки того, что затем снова выступило на периферии. Однако, в то время как на периферии оно выступает в явной, характерной форме, и его находят уместным, соответственным, в первичном «замесе» то же самое считают в высшей степени ненормальным. Возьмём, например милитаризм. Он совершенно неуместен в немецкой сущности, но вполне уместен во французской. Но там его не порицают, поскольку он развивается органично. У немцев его же рассматривают как нечто неуместное, неприемлемое, как то, чего здесь не должно быть. Поэтому, если он возникает там по какой-либо настоятельной необходимости, - что я уже характеризовал, - а именно, в связи с географическим положением, то его порицают. То, что у некоторой части людей проявляет себя как юнкерство и тому подобное, является в Средней Европе ничем иным, как тем, из чего развивалось начало, перешедшее затем в Британскую Империю и существующее там как нечто само собой разумеющееся. Когда же то же самое развивается в своей форме в Средней Европе, оно опять-таки бросается в глаза, его находят чем-то вызывающим, из ряда вон выходящим. Вследствие этого возникает бесконечное непонимание и необъективная оценка действительности. Сегодня то тут, то там хватаются за многое, находят прозрачные представления, которые оказываются разрушительными, как только их подхватывают, представления, которые по самой своей внутренней природе разрушительны. Тот, кто действительно понимает такие вещи, не может ничего поделать с ними; тот, кто мыслит в соответствии с действительностью, ничего не может начать с ними, и, тем не менее, эти вещи играют роль импульсов, ибо они подобно динамиту действуют на общественное мнение. Иные из этих вещей выглядели бы крайне комически, если бы не были в то же время бесконечно трагичны.

Возьмем, например такой феномен; люди Антанты воспринимали Трейчке (*Генрих фон Трейчке, 1834-1896, немецкий историк - прим. перев.*), как нечто чудовищное, как человека, чьи воззрения были бы ужасны для Европы. Он рассматривался как некая составная часть тех среднеевропейских воззрений, из-за которой Средняя Европа вынуждена была претерпеть ту судьбу, которую мы характеризовали. Можно было бы посмотреть его

отдельные воззрения, например его взгляд на турок. Взгляд Трейчке относительно турок был таков: он считал, что турки должны исчезнуть из Европы, что они не должны жить в Европе, что они должны быть перемещены в Азию. То, что сегодня мы читаем в речи Вудро Вильсона (*Президент США в 1912-1920гг. при котором США достигли геополитического могущества, автор 14 пунктов, в соответствие с которыми была переустроена жизнь Европы после Первой Мировой войны; именно Вудро Вильсон на Парижской конференции 1919 г. явился инициатором предложения об отторжении от России Кавказа, Украины и Сибири, покровитель Л.Троцкого-Бронштейна - примеч. переводчика*) в точности повторяет воззрения Трейчке! Трейчке обвиняли, но взгляды его по этой проблеме - а их я мог бы вам привести множество - принимают и даже афишируют. Можно было бы просто списать мнение Трейчке о турках и вставить его в ноту Вильсона, ибо это в точности одни и те же воззрения. - Это я и называю разрушительным понятием, ибо подхваченное Вильсоном, со знанием дела, оно разрушительно. Столь же разрушительны иные понятия, нужно лишь немного узнать о них. Но сегодня всё говорят, не будучи осведомлёнными, и это счастье для тех, кто в мутной среде хочет распространять собственные понятия, понятия, которые должны оказывать влияние. Как часто сегодня говорится о том, что всё это вполне «гуманно» - заблокировать Среднюю Европу и морить её голодом. Среди иных оснований, подтверждающих, что это гуманная форма ведения войны, взывают к тому, что Германия в 1870г, также сочла «гуманным» заблокировать Париж и морить его голодом, тут величина территории не играет роли, это то же самое. - Но, в конце концов, говорить так может только тот, кто не знает истории - само собой разумеется, что я не имею в виду историю, описанную в газетах. Но какие факты имели место на самом деле?

В 1870-71гг. Бисмарк (*Отто фон Бисмарк, канцлер Германской Империи «Мысли и воспоминания» гл 3 -прим. перев.*), тот, кто нёс ответственность за все эти вещи, был категорически против того, чтобы создавать голод в Париже, и если прочитать Бисмарка, станет видно, как был он тогда возмущён, что Париж хотят завоевать, организовав там голод: эта идея окольным путём из Англии была подана императрицей, женой Фридриха III. (*Kaiserin*

Friedrich, императрица Фридриха - супруга германского кронпринца, впоследствии Императора Фридриха III(1831-1888гг), правившего всего 99 дней, мать императора Вильгельма II, урождённая принцесса английская Виктория Адельгейда Мария Луиза(1840-1901гг), старшая дочь английской королевы Виктории (1819-1901гг), в1858-1888гг была в супружестве с Фридрихом и имела на него большое влияние, что вызывало недовольство канцлера Бисмарка -примеч. переводчика). Бисмарк писал: К сожалению эта англичанка принудила нас использовать «эту гуманную акцию» в Париже, - он, следовательно, говорит об английской разновидности гуманизма.

Вот тут-то вы и видите эти исторические связи. Непременно надо знать об этом, если хочешь судить о таких вещах и не подхватывать разрушительных понятий. Поистине это выглядит чудовищно, когда сравнивают одно с другим; однако часто первое и второе не совпадают, если мы проводим сравнение, обращая внимание на то, что лежало в основе дела. Ведь даже слово «гуманность» по отношению к «голодомору» в Париже – уморить голодом - есть целиком и полностью английское изобретение в новейшей истории. Это напоминание (о блокаде Парижа-примеч. перев.) не посмели бы делать, если бы прорабатывали действительное; речь идёт именно о том, чтобы прорабатывать действительность. Ничто иное не может принести избавления, как только понимание вещей на основе действительности.

Вот почему именно здесь, присоединяясь к другим темам, которые мы развиваем в иных областях, и в связи с желанием многих наших друзей, мы отдельно рассматриваем современные события, для того, чтобы пробудить в душе серьёзность, с которой надо рассматривать вещи в их действительности. Если найдётся хотя бы несколько человек, которые смогут решиться смотреть на вещи в соответствии с действительностью, то после смутного времени, которое мы теперь переживаем, наступят снова благие времена, придёт время исцеления. Посев должен созреть. Но правильным, урожайным посевом будет, если вы сегодня примете в свои души мысли о действительности, о которых мы сможем сказать прямо: с такими мыслями мы можем найти понимание, согласие и с умершими. Ведь так часто теперь с болью слышишь слова, идущие со всех сторон, что мы будто бы «в

долгу перед умершими, погибшими». Там, где событие, которое ещё ради удобства называют войной, - ибо оно стало чем-то совершенно иным, - там, где это событие желают продолжать, декларируется всюду, что мы, мол, должны павшим, мы в долгу у мёртвых! Если бы люди знали, какое богохульство они тем самым высказывают, утверждая, что наш долг перед павшими - продолжать кровопролитие, если бы эти люди знали, как относятся к этому умершие, то они хотя бы от такого богохульства воздержались!

Итак, дорогие друзья, благодаря подробным описаниям того, что исходит от людей, вы видите, сколь необходимо построить мост между живыми и умершими. И духовная наука строит этот мост, она делает возможным найти взаимопонимание с теми, кто прошёл через врата смерти. Общая жизнь охватывает человеческие души, - и тех, кто в теле, и тех, кто живет между смертью и новым рождением, - общая жизнь охватывает их, если мы понимаем человеческое существо в его основах; жизнь в теле или жизнь вне тела - есть лишь две различные формы одной и той же всеобъемлющей жизни. И в познании того, что человек имеет две различных формы жизни, будь он в теле, или будь он без тела, в этом познании, воспринятом конкретно, заложено благо, исцеление для будущего, но только при условии, что люди живо и действенно проникнутся этой идеей.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Дорнах 28 января 1917

Сегодня я скажу о некоторых общих вещах, возможно в афористической форме, чтобы затем во вторник прочесть кое-что о значении нашей антропософски ориентированной духовной науки для современности и для эволюции человечества. Затем мне хотелось бы высказать нечто весьма достойное внимания для нас, что с одной стороны должно стать ретроспективным обзором нашей деятельности, а с другой стороны отобразить также и то,

что может оказаться важным для целостной оценки нашего духовнонаучного движения и того, какое положение мы занимаем. Мне кажется, что в настоящий момент времени необходимо, сердечно пережить такое рассмотрение.

Сегодня мне, прежде всего, хотелось высказать кое-что из того, что позволило бы нам как людям почувствовать своё положение во Вселенной. Видите ли, нечто подобное такому чувству человек имеет в том случае, если ему отрубают палец или руку, или ампутуют ногу, забирая у него то, что связано с его физическим, телесным существом; он ощущает взаимную принадлежность этой части со своей телесностью в целом. В более ранние времена эволюции человечества чувствовали себя совершенно иначе. Человек чувствовал, что не только кисть, рука, нога являются его членом тела, но и себя он чувствовал членом какого-то целого. Для ранних времён надо было бы говорить о групповом «я» в совершенно ином смысле, нежели теперь; племена, семьи, восходя поколение за поколением, чувствовали себя как одно целое. Мы неоднократно говорили об этом. Но в древние времена человеческого развития человек в отношении своего внешнего физического бытия чувствовал ещё нечто иное; человек ощущал себя стоящим внутри Вселенной, формирующимся из всей Вселенной. Как теперь человек чувствует, что палец, рука являются членами всего организма, так в древности он чувствовал: там вверху есть Солнце, оно идёт своим путём, и то, чем оно является, имеет отношение к нам самим. Мы являемся частью той области, которую обходит Солнце, мы – часть Вселенной, которая благодаря Луне обладает некоторым ритмом. Короче, человек чувствовал Вселенную как большой организм, ощущал себя внутри, как мог бы ощутить себя палец на теле. То, что это чувство, это ощущение у человека в большей или меньшей степени пропало, очень связано с появлением материализма. Именно нынешняя наука такова, что очень стыдится придавать особую цену этому стоянию внутри Вселенной. Наука рассматривает человека так, как он сам представляет себя в качестве отдельной телесности, затем она на уровне анатомии, физиологии исследует его отдельные части и описывает то, что тут можно заметить. У науки больше нет потребности, рассматривать человека как члена всеобщего организма Вселенной, насколько он физически видим.

Человеческое воззрение, а также научное рассмотрение должно снова вернуться назад к тому, что человек является членом во всём космическом целом. Он уже не может больше делать это так, как это было в древнее время. Он сможет это благодаря тому, что свою нынешнюю абстрактную, обращенную на отдельного человека науку расширит посредством некоторых соображений, некоторых суждений, из которых мы - мы ведь указывали на это несколько недель тому назад, - хотим привести сегодня лишь одно; они должны показать нам, в каком направлении должно двигаться научное мышление, если человеку вновь суждено обрести сознание, что он находится внутри космического целого.

Вы знаете, что так называемая точка весеннего равноденствия, то есть точка, где стоит Солнце в начале весны, не всегда находится в одном и том же месте, но движется по кругу, который мы называем Зодиаком. Мы знаем, что означает эта точка весны; и всегда, долгое время, с тех пор, как человечество стало мыслить, оно отмечало то место в Зодиаке, где эта точка весны находится. Так приблизительно с 8 столетия до Мистерии Голгофы до 15 столетия после Мистерии Голгофы Солнце в начале весны видели в созвездии Овна, но не всегда в одном и том же месте: точка весны, этот пункт восхода сдвигалась. В течение этого времени она прошла созвездие Овна. С того времени точка весеннего равноденствия сдвинулась в созвездие Рыб. Я настоятельно отмечаю, что сегодня астрономия ведёт счёт не по самим созвездиям; поэтому сегодня вы найдёте точку весеннего равноденствия в календарях в созвездии Овна, то есть там, где в действительности эта точка не находится. Астрономия удержала гипотезу, связанную с прежними циклами; в соответствии с ней весь круг просто делится на двенадцать частей; совершенно независимо от самого созвездия двенадцатую часть называют знаком, и, несмотря на их смещение, продолжают придерживаться такого расчленения. Из нашего календаря вы знаете, как тут обстоит дело. Впрочем, это для нас не важно. Для нас важно то, что эта точка весеннего равноденствия сдвигается вперед, проходя через весь круг Зодиака так, что всегда восходящий пункт Солнца оказывается немножко дальше. Таким образом, он должен пройти через весь зодиакальный круг и снова вернуться на старое место. Для этого требуется приблизительно 25920 лет. Эти

25920 лет также обозначают как так называемый Платоновский Год, Мировой Год. Итак, это - великий год, Платоновский Год. Этот Платоновский Год охватывает период времени, в течение которого точка весеннего равноденствия, точка (весеннего) восхода Солнца проходит через весь круг Зодиака. Итак, время, в течение которого солнечный восход весной приходит в тот же самый пункт, составляет 25920 лет. Данные могут быть при разных способах исчисления разными, дело тут не в точных цифрах, а в ритме, который заложен внутри. Вы можете представить себе, что здесь заложен великий мировой ритм, что эти движения, о которых только что шла речь, через 25920 лет всегда повторяются.

Итак, мы можем сказать: эти 25920 лет представляют собой нечто очень важное для жизни Солнца, ибо эта жизнь Солнца в течение этого времени составляет некое единство, некую единицу измерения, правильную единицу, так как в следующие 25920 лет последует повторение. Итак, мы имеем дело с ритмическим течением с единицей в 25920 лет.

После того, как мы рассмотрели этот великий Мировой Год, рассмотрим нечто малое, то, что связано с нашей жизнью между рождением и смертью, то есть с той жизнью, в соответствие с которой мы являемся людьми физического Космоса. Рассмотрим это в первую очередь. Несомненно, что для этой жизни в физическом теле важнейшим является дыхание, вдох и выдох, ибо на этом вдохе и выдохе основана, в сущности, вся наша физическая жизнь; как скоро прерывается дыхание, мы не можем жить физически. На самом деле дыхание есть нечто очень значительное. Дыхание приносит нам воздух; он оживляет нас в той форме, в которой он может оживлять нас физически. Этот воздух мы преобразуем всем нашим организмом, так что он становится смертельным воздухом и может убить нас, если бы мы его, в том состоянии, в котором он находится после вдыхания, не выдыхали снова.

Человек делает в среднем в одну минуту восемнадцать дыханий. Они не всегда одинаковы, в молодости они иные, нежели в старости, но если взять среднее значение, то, как нормальное число дыханий, получится восемнадцать в минуту. Таким образом, мы восемнадцать раз в минуту ритмически обновляем свою жизнь. Теперь проверим, сколько раз мы это делаем в течение дня. Итак, за один

час 18 раз по 60 равняется 1080. А за двадцать четыре часа: $1080 \times 24 = 25920$, итак 25920 раз!

Вы видите, жизнь, протекающая за один день, имеет достойный внимания ритм. Если мы примем за одну единицу, за одну жизненную единицу одно дыхание (вдох-выдох), то это будет для нас чем-то весьма значительным, поскольку ритмическое повторение дыхания поддерживает нашу жизнь. Такие дыхательные ритмы в течение одного дня дают нам точно такое же число, как и число лет, которые нужны Солнцу, для того, чтобы относительно своей точке весеннего равноденствия вернуться в ту же самую точку восхода. Это значит, что если мы представим себе одно дыхание как один год в малом, окажется, что мы совершаем малый платоновский год, - то есть отображение, микрокосмическое отображение платоновского года, - за один день. Это чрезвычайно значительно, так как отсюда вы видите, что в наш дыхательный процесс, то есть в то, что протекает в нашем человеческом существе, заложен тот же самый ритм, - хотя и отличающийся по времени, - как тот, который в макрокосме, в большом, заложен, как ритм движения Солнца.

Важно поставить однажды такую вещь перед душой. Ибо если то, что тем самым сказано, претворить в чувство, это чувство скажет нам: мы являемся отображением Макрокосма. Это не просто фразы, не просто разговоры о том, что человек является отображением Макрокосма, нет, это можно доказать в деталях. Отсюда вы можете получить чувство, насколько хорошо обоснованы законы, приходящие из духовной науки; ведь все они покоятся на таком интимном знании внутренних законов Вселенной; только не все они могут быть так ясно детализированы.

По отношению к таким вещам мы, конечно, должны в первую очередь уяснить для себя то, что человек некоторым образом частично оторван, вырван из целостной Вселенной. В целом он хотя и подчинен ритмам Вселенной, но, до некоторой степени эмансипирован от них; кое-что он изменил, так что взаимное соответствие не является точным, но как раз в этом неточном взаимном соответствии и заложена возможность его свободы. Однако, в общем, в этом взаимном соответствии заложена его внутренняя принадлежность космическому целому, Вселенной.

Только что сделанное мною по известной причине замечание я должен был сделать для того, чтобы то, что я буду говорить сейчас, не было неправильно понято. После того как мы рассмотрели дыхание, мы рассмотрим теперь наиболее крупный из ближайших, наиболее крупных элементов жизни - смену бодрствования и сна. Дыхание мы расцениваем как наименьший из элементов жизни. Теперь же мы рассматриваем смену бодрствования и сна. На самом деле, смену бодрствования и сна можно в некотором смысле рассматривать по аналогии с дыханием.

Вы знаете, что неоднократное вбирание астрального тела и «я» при пробуждении, и опять-таки высвобождение астрального тела и «я» при засыпании я описывал как производящийся днем и ночью вдох и выдох. Но мы можем взглянуть на это даже в более материалистическом смысле. Если мы вдыхаем воздух, он входит внутрь и выходит наружу. Это и есть вбирание воздуха, вдыхание воздуха, то есть качание материального то туда, то сюда: наружу, внутрь, наружу, внутрь. И совершенно таким же образом этот ритм прекрасно выполняется при смене состояний сна и бодрствования. Ибо если мы утром при пробуждении вбираем в себя наше «я» и наше астральное тело, то наше эфирное тело оттесняется назад, оно оттесняется из головы в большей степени в другие члены организма. Если же мы снова засыпаем, астральное тело и «я» отсылаются из нас наружу, а эфирное тело распространяется в голове тем же самым образом, как распространено оно во всём туловище, во всей нижней части тела, так что мы имеем постоянный ритм: эфирное тело оттесняется вниз - это пробуждение; оно остаётся внизу, пока мы бодрствуем. Если мы засыпаем, оно снова оттесняется вверх, в голову. Так оно идёт то вверх, то вниз, то вверх, то вниз в течение двадцати четырёх часов, подобно тому, как дыхание то входит, то выходит. Итак, мы имеем дело с ритмическими движениями эфирного в течение двадцати четырех часов. Конечно, у человека имеют место отклонения от регулярности, но именно на этом держится его способность быть свободным, его степень свободы; однако в целом дело обстоит так, как я говорил.

Мы могли бы сказать: итак, нечто дышит в нас, - это дыхание другого рода, это теперь некое поднятие и опускание, - нечто дышит в нас в течение одного дня, как

дышит в нас нечто в течение одной восемнадцатой части минуты.

Давайте проверим, можно ли отобразить то, что дышит здесь в этом поднятии и опускании эфирного тела, как некий циклический процесс, как возвращение к своему исходному пункту. Тут мы должны проверить, чем, в сущности, являются 25920 дней. Ибо 25920 таких дыханий - поднятий и опусканий - должны были бы стать в отношении этих поднятий и опусканий отображением Платоновского Года. Как один день соответствует 25920 дыханиям, так и 25920 дней тоже должны чему-то соответствовать в человеческой жизни. Скольким годам они, эти дни соответствуют? Давайте проверим.

Возьмём год в среднем равным 365 с четвертью дней, и поделим (то есть 25920 поделим на 365 с четвертью), то получим $25920 : 365,25 =$ примерно 71, итак, скажем семьдесят один год, что означает среднюю продолжительность человеческой жизни. Конечно, у человека есть своя свобода, и он часто оказывается гораздо старше, но вы знаете, что патриархальный, традиционный возраст жизни измерялся семьюдесятью годами. Вы имеете здесь продолжительность человеческой жизни: 25920 «дней», 25920 больших вдохов и выдохов: то есть цикл, который удивительным образом на микрокосмическом уровне отображает макрокосмическое. Так что мы можем сказать: живя в течение дня, мы отображаем своими 25920 дыханиями платоновский Мировой Год; живём мы семьдесят один год, то мы снова своими 25920 большими дыханиями - поднятием и опусканием от пробуждения до засыпания - отображаем этот Платоновский Год.

От этого мы можем перейти к тому, что, будучи приведено в деталях, завело бы нас сегодня слишком далеко, но я хочу указать на то, что можно почувствовать на оккультном уровне. Мы окружены воздухом. Воздух даётся нам как ближайший жизненный элемент, который реализуется в ритмах дыхания. Итак, этот ритм задаёт нам то, что находится на Земле, то есть воздух. - А кто же задаёт нам следующий ритм? Сама Земля! Ибо этот ритм определяется тем, что Земля при смене дня и ночи вращается вокруг своей собственной оси, если мы говорим в смысле новой астрономии. Итак, мы можем сказать: воздух дышит в нас при одном дыхании; Земля, когда она позволяет нам пробуждаться и засыпать, дышит,

пульсирует в нас посредством вращения вокруг своей оси, посредством смены дня и ночи. А продолжительность нашей жизни мы можем по отношению к Земле представить себе как один день некоего живого существа, которое, вместо того, чтобы делать одно дыхание в течение одной восемнадцатой части минуты, делает одно дыхание в течение дня и ночи. Для этого живого существа семьдесят лет как раз и являются одним днём: смена дня и ночи в обычном смысле для него являются дыханием.

Вы видите, человек может почувствовать себя внутри некой более великой жизни; только дыхание тут более длительно, а именно это дыхание продолжается двадцать четыре часа, а более долгий день длится семьдесят, семьдесят один год. Тут человек может почувствовать себя внутри живого существа, которое имеет более долгий ритм пульса и дыхания. Итак, вы видите: целиком и полностью правильно то, когда говорят о микрокосме как об отображении Макрокосма, ибо это отображение в целом может быть доказано арифметически. Итак, если мы говорим: воздух дышит в нас, вдыхает себя в нас, земное дышит в нас, поскольку мы принадлежим более великому живому существу, то мы можем поставить радикальный вопрос: может быть мы имеем отношение не только к воздуху, который находится на Земле, не только ко всей Земле с её ритмом дня и ночи, но и ко всему (весеннему) восхождению Солнца, подобно тому, как оно в течение Платоновского Года вновь возвращается к своей исходной точке?

Эти вещи в высшей степени интересны, но нынешняя наука пропускает их мимо как несущественные, ибо не уделяет им никакого внимания. Однажды это противоречие сегодняшней науки и науки, которая должна придти выступило мне навстречу, можно сказать, особенно ощутимо. Я уже, возможно, рассказывал вам, что осенью 1889 был приглашен для сотрудничества в Архив Гёте и Шиллера в Веймаре для работы над естественнонаучными трудами Гёте; я должен был редактировать эти труды для большого веймарского издания Гёте, так называемого издания Софии. Речь тут шла о том, чтобы изучить всё, оставшееся после Гёте в документах, пересмотреть его исследования по анатомии, физиологии, зоологии, ботанике, минералогии, геологии, а также метеорологии. Гёте создал исключительно много научных трактатов о погоде в течение года в связи с барометрическими

данными; можно только удивляться огромному числу таблиц, разработанных Гёте для целей метеорологии. Лишь немногие из них были опубликованы. Некоторые из таких таблиц вы могли бы найти в репродукциях в моём издании, но публикаций об этом мало. Гёте действительно, - как сегодня в табличной форме делают температурные кривые, - регистрировал в таблицах барометрические данные одной местности, различных местностей. При этом он получал барометрические показания в определенное время, затем через два часа, затем ещё позднее, снова позднее и так далее на протяжении месяцев. Таким образом, он пытался построить для различных местностей соответствующие кривые.

С такими графиками барометрических показаний сегодняшняя наука только ещё начинает знакомиться. Но Гёте хотел получать эти кривые, которые служили ему в качестве аналогии пульса, регистрируемого в температурных кривых больного. Итак, он хотел получить, своего рода пульс Земли, регулярный, упорядоченный пульс Земли. Что же он тем самым хотел? Он хотел доказать, что колебания барометрических показаний по ходу года происходят не столь неупорядоченно, как считают обычно метеорологи, но в них живёт известная регулярность, упорядоченность, которая только модифицирована в зависимости от условий времени (года). Он хотел доказать, что гравитация Земли в течение года представляет собой выдох и вдох, он хотел указать и на то, что это находит своё выражение и в человеческом выдохе и вдохе. Это он тоже хотел снова обнаружить в барометрических показаниях. В будущем такие модели будет строить и наука, если снова начнут исследовать микрокосмическое и макрокосмическое. Гёте создал целое множество таких таблиц, для того, чтобы исследовать пульсацию, дыхание, выдох и вдох Земли, как он сам это называл.

Вы видите, как и в этом отношении, в разработках Гёте заложен облик той науки, какой она должна стать только в будущем. При этом получаешь также представление о том огромном упорстве, которое проявлял Гёте для того, чтобы придти к тому, к чему он пришел. Нечто подобное не было у него просто утверждением (необоснованным), как часто бывает у других. Если он и говорил другим о пульсации Земли, то это он часто делал в образной, метафорической форме, для него это было просто остроумное замечание.

Однако Гёте даже для одного такого замечания, уместяющемся в три или четыре строчки, - как, например, в том случае, когда он говорил, что Земля выдыхает и вдыхает, - имел целую кучу таблиц, на основе которых он выдвигал такое утверждение. За этим всегда стояло знание, полученное на опыте; в то время как большинство людей говорит: знание, полученное на опыте - это пустой звук! То, что надо иметь за собой нечто, если делаешь высказывание, можно особенным образом изучать на примере Гёте. - Итак, нам тоже надо именно так подходить к познанию того, что сама Земля дышит как огромное существо.

Давайте проверим, можно ли говорить о таком дыхании, если включить себя во весь Платоновский солнечный Год. Тут мы имеем 25920 лет. Примем теперь безоговорочно эти 25920 лет за один Год и поищем, как он будет относиться к одному дню. Если мы рассматриваем это целое как один Год и захотим найти, сколько составит один день, нам надо будет делить на 365,25; тогда мы получим один день. Если весь Год представляет собой одно целое, и мы поделим это на 365,25, будем иметь один день. Давайте посмотрим, что получится в результате деления. Мы уже производили такое деление, и получили семьдесят один год, продолжительность человеческой жизни. Это значит, что продолжительность человеческой жизни является одним днём всего Платоновского Года. Весь Платоновский Год, следовательно, можно рассматривать относительно к продолжительности человеческой жизни так, что мы как физическое существо, пройдя свой жизненный путь, сами оказываемся выдохнуты из того что совершается во всём Платоновском Годе; тогда семьдесят один год, рассматриваемые как один день, были бы одним дыханием того Существа, которое живёт в течение Платоновского Года.

Итак, в соответствие с одной восемнадцатой частью минуты мы являемся жизненным членом воздуха. В соответствие с одним днём мы являемся жизненным членом Земли. В соответствие со всей продолжительностью нашей жизни мы как бы являемся, - с нашего рождения, - как одно дыхание выдохнутыми из того Существа, которое 25920 лет рассматривает как один Год; нас выдохнули на один день и снова вдохнули назад. Тем самым мы как бы являемся, - если взглянем на наше физическое существо, в этом физическом теле, живущем в

течение патриархального возраста, - являемся одним дыханием (выдохом-вдохом) того великого Существа, которое живёт так долго, что 25920 лет составляют для Него один Год. Тогда как мы сами, с нашим патриархальным возрастом представляем собой один день. Итак, если мы рассматриваем существо, которое живёт с нашей Землей, сменяющей день и ночь в течение двадцати четырех часов, то тут представлено одно дыхание нашего эфирного тела. А одно дыхание нашего астрального тела будет тогда нашим обычным дыханием в течение одной восемнадцатой части минуты.

Тут вы имеете аналогию одного древнего утверждения, так как в древности существовало представление о том, что называли «Днём и Ночью Брахмы». Тут вы имеете нечто аналогичное этому. Представьте себе духовное Существо, для которого наш семьдесят один год является тем же самым, что одно дыхание для вдыхаемого нами воздуха: тогда мы оказываемся (одним) дыханием этого Существа. Когда мы посредством нашего рождения маленьким карапузом доставляемся в мир, нас выдыхает то Существо, Которое переживает Платоновский Год как один год, итак, тем самым измеряется Его возраст. Итак, это Существо выдыхает нас во Вселенную, а когда мы умираем, Оно снова вдыхает нас: выдыхает - вдыхает. Теперь переходим к Земле: она в течение одного дня выдыхает и вдыхает нас. А теперь переходим к воздуху, который является частью Земли: он в течение одной восемнадцатой части минуты выдыхает и вдыхает нас и всегда создается число 25920 -число возвращений к исходному пункту. Тут вы имеете регулярный, правильный ритм, тут человек чувствует, что он поставлен во Вселенную, тут человек учится познавать, что человеческая жизнь и один день человеческой жизни для великих всеобъемлющих Существ есть поистине, то же самое, как одно дыхание в нашей жизни. И если человек принимает это познание в себя на уровне чувства, для него чрезвычайно значительными становится слово об успокоении во Вселенной.

Эти вещи всецело лежат на пути научного рассмотрения, и нет необходимости в чём-то ином, кроме духовнонаучного образа мыслей, чтобы эти числа, о которых знает каждый, которые есть в каждой энциклопедии, использовать таким образом. Но если они будут использованы так однажды, то тем самым, исходя из

обычной науки, будет достигнут контакт с антропософски ориентированной наукой.

Сходным образом, - как мы только что видели, - можно обнаружить во всём такую же упорядоченность в соответствии с числом, а также и в соответствии с мерой. И такие библейские слова о том, что все во Вселенной упорядочено в соответствии с числом и мерой, могут обрести глубокое содержание на основе человеческой науки.

Но пойдём дальше. Что связано с нашим дыханием, находится в зависимости от нашего дыхания? Наша речь! Наша речь органически связана с дыханием: речь не только происходит из одного органа, но именно говорение связано с дыханием, то есть с тем, что подчинено ритму одной восемнадцатой части минуты. Так говорим мы и так говорит человек, находящийся рядом с нами на Земле. Как воздух находится рядом с нами на Земле, облекая нас, так люди, находящиеся в нашем окружении говорят, будучи поставлены в отношении к дыхательному ритму. Отсюда следует, что также и с тем дыханием, которое связано с днём и ночью, связано некое говорение, некая речь, оно связано с тем существом, которое принадлежит организму Земли, которое принадлежит к организму Земли так, как человек принадлежит к воздуху. То, что из высших миров сообщалось людям как мудрость в более ранние древнейшие времена, сообщалось им не так, чтобы это было связано с ритмом дыхания в одну восемнадцатую часть минуты, но было связано с тем дыхательным ритмом, единицей которого являлся один день. В древности нельзя было учиться быстро; тогда люди должны были долго ожидать слов, которые соответствовали дыханию, продолжаясь двадцать четыре часа. Таким образом, возникли те древние познания, которые правят сегодня в основе вещей и которые человек узнаёт в различных традициях. Эти познания были сообщены высшими существами, которые связаны с Землей так же, как человек связан с воздухом; они доходили до человека. Тот, кто сегодня прорабатывается вверх до инициации, кое-что замечает из этого. Ибо вещи, сообщаемые из духовного мира, приходят к человеку гораздо, гораздо медленнее, чем вещи, которые сообщаются на крыльях наших обычных воздушных процессов.

Поэтому важно, чтобы стремящийся к инициации учился чувствовать большое значение перехода при засыпании и пробуждении. В засыпании и пробуждении, в этом переходном состоянии мы в первую очередь чувствуем, как с нами таинственно говорит духовное существо; только позднее это происходит несколько более произвольно. Если вы хотите достичь доступа в тот мир, где пребывают умершие, хорошим путём к этому будут, если вы осознаете, что умершие в первую очередь говорят в моменты засыпания и моменты пробуждения. Во всяком случае, при засыпании это оказывается труднее, поскольку человек, как правило, если он засыпает, сразу же впадает в бессознательное состояние и не воспринимает того, что ему говорят умершие. Но при пробуждении, если человек достиг того, что момент пробуждения хорошо воспринимается, человек может в первую очередь вступить в коммуникацию с умершими, именно при пробуждении. Только надо пытаться этот момент пробуждения взять в свои руки, поставить под свой контроль. Получить над ним контроль, иными словами означает: надо добиваться того, чтобы пробуждаться, но не переходить к дневному свету. Вы, может быть знаете, что есть одно правило, -вы, возможно назовете его предрассудком: если человек хочет удержать сон в своей памяти, то он не должен смотреть в окно, на свет, иначе он легко забудет сон. Но именно так обстоит дело с теми тонкими наблюдениями, которые притекают из духовного мира. Надо стараться пробудиться, ещё не вживаясь в день, в некоторой темноте, в произвольно выбранной темноте, когда не слышно шума, когда человек сознательно не открывает глаза. Тогда лучше всего замечают приход сообщений из духовного мира.

Вы можете сказать: но ведь тогда удастся получить очень мало сообщений в течение своей жизни! - Однако всё же представьте себе, как было бы трудно, если бы мы обладали возможностью получать в течение своей жизни столько же таких сообщений, сколько мы получаем их обычно в течение дня. Их хватает, но мы не можем воспользоваться ими, ведь существует детство и так далее. Но тут принимает участие Земля, и, - прошу вас обратить на это внимание, - Земля получает эти сообщения в своё эфирное тело; тут можно и дальше изучать эти сообщения, поскольку они остаются записанными в эфире Земли. Точно также в наполняющем весь мир солнечном эфире

можно изучать ещё более охватывающие сообщения, которые сообщаются Существом, имеющим в качестве своего жизненного элемента Платоновский Год, изучать так, как это описано в отдельных частях книги «Как достигнуть познания высших миров?» и в других книгах.

Отсюда вы видите, как могут быть протянуты связи от обычной науки к духовной науке. Конечно, тот, кому чужда духовная наука, едва ли придёт к тому, чтобы соответствующим образом использовать то, что получено внешней наукой. Но тот, кто обладает духовнонаучным образом мыслей, не может сомневаться в том, - если он смог вникнуть в эти дела, - что когда-нибудь наступит время, когда внешняя наука и духовная наука будут полностью взаимосвязаны.

Я говорил: я привёл вам только одну часть, а именно - тот ритмический ход, который включен в дыхание. Но есть многое, что, будучи представлено математически, показывает, как микрокосм согласуется с Макрокосмом; человек может обрести всеохватывающее чувство от этой согласованности. Такое всеобъемлющее чувство давалось также древним ученикам мистерий вплоть до пятнадцатого века. Ещё перед тем, как они должны были получить какое-либо знание, им пытались привить чувство принадлежности ко Вселенной. И отличительным признаком материалистического времени является то, что сегодня можно получить знание, не будучи подготовленным к этому знанию на уровне чувства. Я обращал на это внимание ещё во вступительном слове к первой главе книги «Христианство как мистический факт», где указывал на то, как в мистериях сначала развивали известное чувство, и только потом получали знание.

Особо важным было чувство соответствия между микрокосмом и Макрокосмом, если человек хотел прийти к конкретным понятиям о том, о чём сегодня существуют одни абстракции. Ибо чем в нынешнее абстрактное материалистическое время часто является «народ»? Столько то, и столько то людей, говорящих одинаково! Ибо материалистическое время не обладает суждениями о Существо народа, - (Volkswesen) - как об особой индивидуальности, о которой мы часто говорили. Мы говорили о Существо народа, народном Существо как об особой индивидуальности, как о соответствующей отдельной индивидуальности. Так говорим мы о сущности народа, о народном Существо. Но для материализма

народное Существо является ничем иным, как неким числом людей, которые говорят на одном языке. Это абстракция, здесь понятие не имеет отношения к конкретному существу. Но, что же следует для вас из того, если говорят поистине не об абстракции, то есть о народности (Volkstum) или народной сущности (Volkswesen), но о некоем конкретном Существое?

В антропософии имеется возможность изучать людей как конкретных существ: физическое тело, эфирное тело, астральное тело, «я». Если народная сущность (Volkswesen) тоже является конкретным Существом, то это народное Существо тоже можно изучать, можно было бы так же допускать наличие отдельных членов у народного Существа, - вот как могли бы вы сказать.

Это тоже можно. В настоящем оккультизме изучают также и других существ, которые существуют здесь кроме человека, которые являются точно такими же конкретными существами, как и человек. Только их члены надо искать в другом, нежели у человека; иначе, если бы они имели те же самые члены, то Народная Душа (Volksseele) была бы человеком; однако человек не является Народной Душой, он как раз является другим существом. Дело обстоит так, что в народной сущности (Volkswesen) действительно следует изучать отдельную Народную Душу (Volksseele); тогда получают понятие, которое верно. Не надо также обобщать, генерализировать, иначе снова придёшь к абстракции; вот почему следует говорить лишь, используя примеры. Возьмём для примера одну Народную Душу (Volksseele), ту, которая сегодня, скажем, управляет итальянским народом, поскольку народ в своей отдельности управляется Народной Душой (Volksseele). Возьмём такую отдельную Народную Душу и спросим себя: как можем мы говорить об этой особой Народной Душе? - В случае человека мы скажем, что человек имеет своё физическое тело, и когда мы в случае человека говорим об этом физическом теле, то скажем: столько-то и столько-то солей, столько-то и столько-то других минералов, пять процентов твёрдых веществ; затем жидкость, затем газообразное, находящееся в нём и так далее. Это и есть его физическое тело. Если же мы говорим об одной Народной Душе как итальянская, то она не имеет человеческого тела, но тоже имеет нечто, что, по крайней мере, можно рассматривать как аналогию физического тела. Только она - итальянская Народная

Душа - не имеет для этого физического тела ни солей, ни твёрдых составных частиц, ни жидких составных частей - именно итальянская Народная Душа, - тем самым я не хочу сказать, что другие Народные Души не имеют жидких составных частей, - но она начинается с газообразных составных частей. Она не содержит в себе никаких водных и никаких других составных частей: тело итальянской Народной Души соткано из воздуха как из наиболее плотного материала: всё остальное в ней более тонко. Так что, если мы говорим о человеке, что он имеет в себе земное (твёрдое), то об итальянской Народной Душе мы должны сказать: она, прежде всего, имеет газообразное. Если у человека мы имеем жидкое, то у итальянской Народной Души мы имеем тепло. Человек имеет газообразное, которое он вдыхает и выдыхает, тогда как итальянская Народная Душа имеет для этого свет, который у неё соответствует воздуху у человека. Человек имеет в себе тепло; итальянская Народная Душа имеет аналогично этому звуки, а именно музыку сфер.

Тем самым вы имеете примерно то, что соответствует физическому телу; лишь ингредиенты являются другими. Вместо того, чтобы, - как сказали бы мы в случае человека, - сказать: твёрдое, жидкое, газообразное и тепловое, - мы должны, если хотим указать на нечто подобное физическому телу, - это всё же физическое тело не в том же самом смысле, - на нечто подобное физическому телу для итальянской Народной Души, сказать: воздух, тепло, свет, звук. - Но отсюда вы можете видеть, что если итальянская Народная Душа одушевляет людей, к которым она принадлежит, она может избрать окольный путь через дыхание, поскольку её низшей, наиболее плотной составной частью является воздух. На самом деле корреспонденция между отдельным человеком и Народной Душой у итальянского народа осуществляется посредством дыхания. Тут Народная Душа общается с человеком. Это действительный, реальный процесс. Конечно, дышат посредством чего-то другого, но в процессе дыхания Народная Душа незаметно оказывает своё влияние.

С таким же успехом можно было бы исходить из того, что соответствует эфирному телу. Оно стало бы начинаться с жизненного эфира; затем вместо светового эфира имело бы место то, что в моей «Теософии» было приведено как «пламя вождедений»; затем звуковому эфиру

соответствовало бы то, что в «Теософии» приведено как «текучая возбудимость», и так далее. Эти ингредиенты вы уже находили приведенными в моей «Теософии», вы только должны суметь их применить. Если бы вы стали изучать дальше, как осуществляется эта корреспонденция, корреспонденция между Народной Душой и отдельным человеком, если бы вы стали дальше штудировать основы того, что я здесь привожу, вы увидели бы, как все свойства, отличительные признаки, заложенные в народном характере, связаны с этими вещами. Это надо изучать вдоль и поперёк, целиком и полностью, изучать конкретно.

Такие вещи можно сообщать только на примерах. Скажем, мы хотели бы изучить русскую Народную Душу (Volksseele). Здесь в качестве низшего члена мы вообще не нашли бы никакого материала в том смысле, какими являются твёрдое, жидкое, газообразное и тепловое, но здесь в качестве низшего члена, то есть того, что присуще русской Народной Душе подобно тому, как человеку присуще солеобразное, в качестве «твёрдого», мы обнаружили бы световой эфир. Затем мы бы нашли, что звуковой эфир присущ русской Народной Душе, как присуще человеку то, что он имеет в себе как жидкость; жизненный эфир, - как у человека воздух, - а «пламя вожделений» в том, что у русской Народной Души соответствует физическому телу, соответствовало бы тому, что человек имеет в себе как тепло. Можно было бы спросить: а как же русская Народная Душа вступает в коммуникацию с отдельным русским человеком? - Это происходит таким образом: свет, падающий вниз, некоторым образом отражается от того, чем является Земля. Свет производит некоторое воздействие на Землю. Он отражается назад, я бы сказал, не только физически; нет, но из растительного покрова, из вегетации, из того, что несёт почва, свет отражается назад. Свет действует на отдельного русского не прямо, но, сперва он воздействует на Землю, - но не на грубую физическую землю, но действует в растениях и во всём том, что растёт и распускается на земле: это и отражается назад. И в том, что здесь отражается назад, содержится коммуникативное средство, медиум того, посредством чего русская Народная Душа вступает в связь в коммуникацию с отдельным русским. Вот почему у русских отношение к своей почве, ко всему, что приносит земля, много больше, чем у других народов. Это связано с этим особенным поведением

русской Народной Души. И текучая возбудимость, - это чрезвычайно значительно, - является первым эфирным ингредиентом для русской Народной Души, который является чем-то подобным свету для человека.

Так вы приходите к конкретному народному Существованию, приходите к тому, что можно изучать: как говорит один дух к другому духу, который теперь, если первый дух является человеком, является Народной Душой. Это происходит в подсознании. Когда итальянец дышит и дыханием поддерживает свою жизнь, - то есть сознательно хочет чего-то другого, и, стало быть, вдыхает и выдыхает, чтобы поддержать свою жизнь, - в его подсознании ему нашептывает и говорит с ним его Народная Душа. Он этого не слышит, но его астральное тело воспринимает это и живёт в том, что здесь, под порогом его сознания происходит как обмен между Народной Душой и отдельным человеком.

А в том, что излучает русская почва, оплодотворённая солнечным светом, содержатся тайные руны, нашептывающие руны, посредством которых русская Народная Душа говорит с отдельным русским, в то время как он идёт по своей земле или ощущает жизнь, которая излучается свету. Ибо не думайте, что эти вещи хотят быть восприняты на вещественном уровне. Вы, как русский, можете, конечно, жить в Швейцарии; в Швейцарии тоже есть свет, который отражается от земли. Если вы итальянец, то вы и в Швейцарии с дыханием будете слышать нашептывание вашей Народной Души; если же вы русский, вы тоже будете чувствовать, как от швейцарской почвы поднимается то, что вы, как русский, можете услышать. Эти вещи вы должны принимать не материально. Это не связано с местом, хотя, само собой разумеется, поскольку человек в некотором смысле обусловлен материальным, собственная местность даёт больше. Итальянский воздух со всем климатом, само собой разумеется, облегчает и подкрепляет это говорение, эту речь, которую я характеризовал; русская почва облегчает и подкрепляет другое, но вы не должны принимать это материалистически. Само собой разумеется, русский может быть русским и где-то в другом месте, нежели в России, хотя, само собой разумеется, русская земля особо способствует русскому бытию. Вы видите, что здесь с одной стороны принимается в расчет материализм, но, с другой стороны, это носит относительный, не абсолютный

характер. Ибо в теле русской Народной Души содержится не только тот свет, который находится над русской почвой, но и свет повсюду, вообще; и русская Народная Душа, - как вы знаете, я всё это уже характеризовал, - имеет именно ранг Архангела. Но Архангел не прикован к месту, он носит сверхпространственный характер.

Такие вещи, такие конкретные понятия должны быть заложены в основу, если ведется предметный разговор об отношении человека в своему народу. Представьте себе, насколько удалилось современное человечество от того, чтобы иметь хотя бы некоторое представление о той конкретике, о которой идет речь, если называют имя народа. И, тем не менее, сегодня рассеиваются мировые программы, в которых постоянно прокручиваются названия народов. В какой степени всё это остаётся на уровне фраз, кишащих в мире, вы можете довести до своего сознания, если примете к сведению, что народная сущность (Volkswesen) является конкретным Существом, и каждое народное Существо, по существу иное. Ибо чем для итальянского народного Существа является воздух, тем для русского народного Существа является свет: а это, опять-таки обуславливает совершенно иной вид коммуникации между народным Существом и отдельным человеком. Антропология является материалистическим, внешним рассмотрением; антропософия же должна раскрывать истину, реальные отношения, действительность. Поскольку люди сегодня в своём материализме так удалились от всякой действительности, не удивительно, что они столь произвольным, и поэтому лживым образом говорят о тех вещах, которые сегодня становятся мировыми программами.

Во вторник мы снова будем говорить о сущности нашей антропософски ориентированной духовной науки. В связи с этим я хочу поговорить кое о чём современном, что может быть действительно понято только с позиции духовной науки. Ибо страдания, переносимые человечеством сегодня, многократно связаны с тем, что не желают вносить ясность в то, о чём говорят; страдания связаны с тем, что рассылают по миру яростные слова, будучи далеки от того, чтобы знать действительность. Это особенно бросается в глаза, если в руки попадает нечто подобное, например, появившейся в Швейцарии брошюре «Conditions de Paix de l'Allemagne» («Условия мира из Германии») от имени некоего, называющего себя

Хунгарикусом, которую стоит прочитать; это поможет увидеть все недостатки современного, запутанного материалистического мышления, если человек обладает образом мыслей, ориентированным духовнонаучно. Поэтому мне хотелось бы, методически рассматривая этот образ мыслей, сказать во вторник пару слов об этой брошюре, - «Conditions de Paix de l'Allemagne», Хунгарикуса - поскольку эта брошюра поистине характерна для этого материалистического, запутанного мышления.

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ Дорнах, 30 декабря 1917

Мне кажется, было бы правильно, привести сегодня некоторые мысли о значении и сущности нашего духовного движения, как мы говорим - антропософски ориентированной духовной науки. Надо будет ориентироваться на те или иные явления, выступавшие по ходу времени, посредством которых это движение частично подготавливалось, частично развивалось. Если при этом, как может показаться, будут сделаны те или иные замечания личного плана, то произойдет это не из каких-либо личных причин, но постольку, поскольку на личное приходится опираться, ради того, что высказывается объективно. То, что духовное движение, которое знакомит человечество с глубинами источников бытия, причем именно человеческого бытия, является в известном смысле необходимым, может стать очевидным для каждого, просто потому, что культура современности, в своём развитии в некотором смысле дошла до абсурда. Ибо при глубоком размышлении никому не может придти в голову, назвать разыгрывающиеся теперь события иначе, нежели доведением до абсурда того, что жило в импульсах нового времени.

Из того, что стало вам известно из духовной науки, вы хорошо почувствуете, как всё то, что, по всей видимости, разыгрывается столь внешне, в конце концов, опирается на представления и мысли людей. Что происходит на деле, что

развертывается в материальной жизни, является целиком и полностью, можно сказать, результатом того, какие представления имеют люди. Воззрения внешнего мира, как они формируются сегодня среди человечества, дают картину, которая весьма сильно указывает на недостаточность мыслительных сил. Я однажды уже использовал это слово: события переросли людей, вышли из повиновения, поскольку мышление стало слабым и больше не в состоянии проникать в действительность. Слова, прилагаемые к вещам на физическом плане он майи, от внешней видимости, должны были бы теми, кто уже знает их, приниматься гораздо серьезнее, нежели они часто принимаются. Они должны были бы глубоко, глубоко отпечатываться в общем сознании времени. Единственно в этом может быть заложено спасение от того вреда, который с известной необходимостью распространяется среди людей. Кто пытается сегодня разумным образом заглянуть в приводной механизм действий, то есть в то, что сегодня приводит мысли в действие, тот должен познать необходимость, внутреннюю необходимость того, чтобы человеческая душа стало охваченной мощными, дружественными по отношению к действительности мыслями.

В сущности, в основе нашего движения лежит то, чтобы дать человеческой душе мысли, дружественные действительности, мысли, более пропитанные действительностью, нежели абстрактные шаблоны современности. Всегда окажется недостаточным, как бы часто мы не указывали на то, как человечество сегодня любит абстракции и не желает осознать, что это понятийно-теневое начало не может по-настоящему внедриться, проникнуть в ткань бытия. Это особенно проявилось в четырнадцати-пятнадцатилетней истории нашего движения. Становится всё более необходимым, чтобы наши друзья проникались тем специфическим, чем обладает наше антропософское движение. Вы знаете, поскольку это часто акцентировалось, что имелось намерение как можно более возвеличить слово «Теософия», какое сопротивление оказывалось тому, чтобы придать ему смысл опознавательного слова движения, своего рода пароля. Но вы знаете также и все обстоятельства, вследствие которых это стало необходимым. Хорошо будет даже то, если мы проведём это дело перед душой по возможности более точно. Вы знаете, что со всей доброй волей, - ибо эта добрая воля имела у многих из вас, - было в так называемом

теософском движении связано и то, как оно было основано благодаря Блаватской, и то, как оно было потом продолжено в устремлениях Синнетта, Безант, и так далее. Поистине нет необходимости, чтобы всё снова подчеркивать перед нашими членами и то множество злонамеренных искажений, которые приходили извне, и то, что ставшее антропософским движение исходило из самостоятельного центра, и как то, что мы теперь имеем, зародилось в лекциях, прочитанных в Берлине и опубликованных затем в сочинении о мистике средневековья. Можно всё снова отмечать, что благодаря этому сочинению существующее тогда теософское движение приблизилось к нам, а не мы к ним. Это теософское движение, в чьём фарватере мы должны были находиться в первые годы, существует и существовало не без связи с другими оккультными устремлениями 19 века, и в лекциях, прочитанных тут я уже указывал на эту связь. Но надо видеть наиболее характерное в этом движении.

Если мне придется, так сказать, конкретно указывать на наиболее отличительные признаки, то надо будет указать, - на что я уже часто, или, по крайней мере, иногда намекал, - на публикацию в журнале «Люцифер-Гнозис» того, что впоследствии получило название «Из Акаша-Хроники». Один представитель Теософского Общества, читавший это, спросил, каким путем данная вещь была извлечена из духовного мира? И из дальнейшего разговора с ним было очевидно, что речь шла о том, чтобы узнать, на каком более или менее медиумическом пути были достигнуты эти вещи. Человек не мог даже представить себе, что этого можно достичь с помощью иных средств, нежели те, когда человек, будучи медиумически предрасположен, держит своё сознание в подавленном состоянии и выносит нечто из подсознания, а затем записывает. Что же, собственно, лежит тут в основе? Человек, говоривший так, был далёк от того, чтобы представить, что такие вещи можно исследовать при полном сохранении бодрствующего сознания, и это несмотря на то, что он был обученным и чрезвычайно образованным представителем теософского движения. Многие члены этого движения были, в сущности, далеки от этого, поскольку многие из них усвоили нечто из того, что в высшей степени наличествует в современной духовной жизни: известное недоверие к собственным силам познавательных возможностей человека. Человеческим познавательным силам не доверяли, не доверяли, что они могут открыть в себе силу для истинного проникновения во внутреннюю суть

вещей. Находили, что познавательные возможности человека ограничены, что рассудок только мешает, - так они полагали, - если человек хочет с ним проникнуть в вещи; вот почему надо его погасить, приглушить. Человек будто бы должен проникать в суть вещей, без того, чтобы при этом был задействован человеческий рассудок. - Это имеет место в случае медиума, так как недоверие к человеческому рассудку придает этому импульсу авторитетный характер. Тут предпринимается экспериментальная попытка говорить с духом, полностью исключив понятийную познавательную деятельность.

Можно сказать, что теософское движение, в том виде, каким оно было в начале нашего столетия, было сильно проникнуто этим настроением; это настроение было там как у себя дома. Это настроение можно было почувствовать, исследуя с пониманием некоторые вещи, укоренившиеся в теософском движении как мнения, воззрения, взгляды. Вы знаете, что в девяностые годы 19 столетия, а затем в 20 столетии в теософском движении большую роль играла миссис Безант. К тому, что она должна была говорить, прислушивались. Её лекции являлись центральным пунктом работы в Лондоне, а также в Индии. И всё же стоило послушать, что говорили о миссис Безант личности из её окружения. 1902 году мне встретилось нечто очень значительное. Миссис Безант расценивалась во многих отношениях, - со стороны ученых мужей из её окружения, - как весьма малообразованная дама; но, в то время как с одной стороны сильно подчеркивали, что имеют дело с необразованной женщиной, с другой стороны всё же видели в том, можно сказать, не помраченном научными представлениями, наполовину медиумическом образе действий, которым она славилась, вспомогательное средство для получения познаний. Я мог бы сказать, эти люди не доверяли себе, чтобы самим получать познания. Они также не верили, что миссис Безант может получать познания в бодрствующем сознании. Однако, поскольку она, не получив научного образования, не пришла к полному бодрствующему состоянию, её рассматривали как в некотором смысле средство, с помощью которого сообщения из духовного мира могли быть получены в физическом мире. Такая концепция, впрочем, вырабатывалась в её самом ближайшем окружении. Так что можно сказать: такой способ производил впечатление, как если бы миссис Безант в начале 20 века выглядела как своего рода современная сивилла. В этом

направлении можно было бы услышать именно в самом близком окружении отрицательные суждения относительно научного образования миссис Безант, можно было услышать, что её не считали способной критически относиться к своим внутренним переживаниям. Таково было настроение, которое, конечно, тщательно скрывалось, - я не хочу сказать, хранилось в тайне, - от большого круга теософских руководителей.

Кроме того, что здесь осуществлялось вследствие сивиллических способностей миссис Безант, в конце 19 века наряду с учением Блаватской, своего рода Библией в теософском движении была книга Синнетта, лучше сказать, книги Синнетта. В тесном кругу слышались разговоры о книгах Синнетта; в них столь же мало апеллировали к познавательным силам человека. В узком кругу придавали большую ценность тому, что Синнетт в своих публикациях не приводил ничего из своих собственных переживаний, своего опыта. Ценность такой книги как «Эзотерический буддизм» Синнетта видели именно в том, что содержание их целиком и полностью происходило из «магических писем», посредством писем, которые были получены, которые неизвестным образом были посланы на физический план, можно сказать, были подброшены; затем их содержание было просто переработано в книгу «Эзотерический буддизм».

Вследствие всех этих вещей даже в более отдалённых кругах теософских руководителей существовало настроение, которое было в высшей степени сентиментально-молитвенным. Некоторым образом взирали вверх к некой мудрости, которая упала с неба, и переходила в почитание личностей, что по-человечески понятно. Однако тут имело место стремление к сильной неискренности, которое можно было проследить в отдельных явлениях.

Так, например, я уже в 1902 году услышал, как в самом узком кругу в Лондоне говорили о том, что Синнетт является зависимым, подчинённым мыслителем, подчиненным духом. Тогда мне это говорила одна ведущая личность: да, Синнетта можно сравнить с журналистом «Франкфуртской газеты», перемещенным в Индию, это журналистский дух, которому просто повезло, что он получает письма мастеров и журналистским образом использует их в книге «Эзотерический буддизм», что так нравится людям нового времени! - Но она также знала, что всё это имеется в широкой литературе, в широкой печати. Ибо в последние десятилетия 19 столетия и в первое десятилетие 20 столетия

появился, не скажу «всемирный потоп», но некое наводнение из сочинений, назначением которых было каким-либо образом подвести человека к спиритуальному миру. Среди этих сочинений были и такие, которые стояли в непосредственной связи со старыми традициями, насколько они были сохранены в различных оккультных братствах. В сущности, это интересно, исследовать развитие этих традиций.

Я уже часто указывал на то, как во второй половине 18 века в кругу, чьим руководителем был Сен-Мартен, «неизвестный философ», древние традиции проявлялись соответствующим образом во всей полноте. И если сегодня человек возьмётся за сочинение Сен-Мартена, именно за «Истину и заблуждение», он найдет там очень, очень многое от того последнего облика, который принимала древняя традиция. Проследив эту традицию назад, можно достичь представлений, которые господствуют в конкретном, которые внедряются, проникают в действительность. У Сен-Мартена понятия стали уже теньвыми. Но они являются тенями тех понятий, которые когда-то были живыми, они теньвым образом в последний раз оживили древние традиции. Итак, мы находим у Сен-Мартена весьма здоровые понятия, но в той форме, которая является последней вспышкой. Особенно интересно видеть, как Сен-Мартен боролся с уже появляющимся тогда понятием материи. Откуда же постепенно появилось это понятие материи? Его становление обусловлено тем, что весь мир представляли себе как туман из атомов, которые каким-либо образом движутся и сталкиваются, и которые благодаря своей конфигурации вызывают всё то, что образуется вокруг людей как мир. Теоретически материализм, в сущности, достигает вершины вследствие того, что человек отрицает всё остальное, кроме этого мира атомов. Сен-Мартен ещё придерживался той точке зрения, что вся атомистика, вообще вера, что материя есть нечто действительное - есть бессмыслица, недоумие, как фактически и обстоит дело. Если вещи сводят к телам, которые нас окружают в химическом, физическом смысле, то, в конечном счете, приходят не к атомам, не к материальному, но к духовным существам. Понятие материи является вспомогательным понятием; ничему действительному оно не соответствует. Ибо там, где, - используя выражение Дюбуа-Раймонда, - «материя является в пространстве подобно призраку», в действительности наличествует дух, и если хотят говорить об атомах, то в

лучшем случае можно было бы говорить об атоме, как о наименьшем импульсе духа, причем, несомненно, ариманического. Таково здоровое понятие Сен-Мартена, такова его борьба с понятием материи.

Также весьма здоровым было у Сен-Мартена понятие, посредством которого он в живой форме указал на тот факт, что в основе отдельной, конкретной человеческой речи, языка, лежит некая универсальная речь. В прежнее время это можно было сделать, в сущности, лучше, чем в более позднее время, по той причине, поскольку человек ещё живо общался с той речью, которая среди всех современных языков ближе всего стоит к изначальной универсальной речи, к древнееврейскому языку, ибо в самих словах древнееврейского языка ещё можно почувствовать нечто от изливания духа; вследствие этого в самих словах можно ещё почувствовать нечто духовно-идеальное, нечто действительно духовное. Поэтому у Сен-Мартена вы ещё можете найти конкретно спиритуальные указания на то, что означает само слово «еврей» (Hebraeër). В той форме, в том виде, как он это воспринимает, видно, какое живое сознание ещё существовало об отношении человека к духовному миру. Ибо слово «еврей» связано со словом путешествовать (reisen): кто является евреем, так это тот, кто совершает путешествие по жизни, жизненное путешествие, который получает опыт, переживает в путешествии. Это живое пребывание в мире заложено в этом слове, но и заложено во всех других словах древнееврейского языка, если он реально ощущается.

В своё время Сен-Мартен не мог найти больше представлений - больше можно было бы найти только с помощью духовной науки, - которые точнее, сильнее указывали бы на изначальную речь. Но древний язык стоял перед его душой как предчувствие. Но тем самым он не имел абстрактного понятия о единстве человеческого рода, которое было сформировано в 19 столетии, но имел конкретное понятие об этом. Это конкретное понятие о единстве человеческого рода привело его, однако, к тому, чтобы, по крайней мере, в своём круге, полностью оживить некоторые духовные истины, например, истину о том, что человек, если только он этого хочет, может вступить в общение с духовными существами высших иерархий. Это кардинальная фраза у Сен-Мартена, что каждый человек может вступить в общение с духовными существами высших иерархий. Но вследствие этого в нём живет нечто от древнего, настоящего мистического настроения, которое

знало, что знание может приниматься не только в понятиях, - если это истинное знание, - но должно приниматься в некотором состоянии души, то есть после известной подготовке души. Тогда оно становилось спиритуальной жизнью души. С этим, однако, связана некоторая сумма требований, эволюционных требований к человеческой душе, притязающей на то, чтобы принять какое-либо участие в эволюции. С этой точки зрения интересно, как затем Сен-Мартен от того, что он достиг благодаря познанию, благодаря науке, - которая у него носила спиритуальный характер, - переходит к политике, когда он приходит к политическим понятиям. Ибо тут он выставляет точное требование: каждый правитель должен быть своего рода Мельхиседеком, своего рода правителем-священником.

Представьте себе, если это требование, которое было оценено в относительно малом кругу, появилось перед французской революцией, если бы это требование стало не вечерней, а утренней зарёй, если бы в сознание эпохи перешло нечто от мельхиседековского характера тех, кто своими представлениями и силами вмешался в человеческие судьбы, - то насколько иным должен был бы стать 19 век, нежели он стал! Ибо 19 столетие поистине отстояло, как возможно далеко от понимания того, что было только что характеризовано. Требование, чтобы политики проходили через школу Мельхиседека, само собой разумеется, сопровождалось смехом.

Следует указать на Сен-Мартена, поскольку в нём ещё было заложено нечто подобное последнему тлеющему отблеску мудрости, которая развивалась из отдаленной древности. Она должна была догореть, ибо человечество будущего должно было подняться к иному виду спиритуальной жизни. Оно должно было подняться к иной форме, поскольку никогда чистое сохранение, чистое традиционное продолжение старых представлений не соответствовало зародышевым силам человеческой души. Эти ещё неразвившиеся силы человеческой души имели тенденцию к тому, чтобы в ходе 20 столетия у большего числа людей, - это часто подчеркивалось, - произошло действительное прозрение в эфирные процессы. Течение первой трети 20 века можно обозначить как критическое время, когда большое число людей должны будут обратить внимание, как в эфире, который живет вокруг нас также как и воздух, должны будут видны события. Мы особенно остро указывали на событие, которое должно быть увидено в эфире,

если человечество не хочет впасть в деградацию: мы указывали на видение эфирного Христа. Необходимость этого должна наступить. И человечество должно подготовить себя, чтобы не дать по-настоящему засохнуть тем силам, которые уже имеются в зародыше. Эти силы не должны засохнуть, ибо, если допустить случай, что эти силы засохнут, что бы тогда произошло? Тогда в сороковые, пятидесятые годы 20 столетия человеческая душа в широчайших кругах приняла бы совершенно обособленную, изолированную форму. В душе поднялись бы понятия, действующие на неё угнетающим образом. Если только распространится и умножится материализм, то поднимутся такие понятия, которые, хотя и были в человеческой душе, но поднимались бы из подсознания, и относительно которых человек не знал бы причины, почему он их, собственно имеет. Удушающие кошмары в бодрствующем состоянии стали бы общим неврастеническим симптомом у большого числа людей. Люди стали бы говорить: я должен так думать, но не знаю почему; я должен думать о чём-то, но не знаю, почему.

Выработать что-либо против этого можно будет только благодаря тому, что в человеческие души будут насаждаться понятия, пришедшие из духовной науки. В ином случае силы прозрения поднимающихся понятий, приходящих идей, будут надломлены. И не только Христа, но и другие проявления эфирных свершений, которые человек должен увидеть, будут упущены человеком, пройдут мимо него. От этого он не только потерпит ущерб, но и должен будет развить те силы, которые являются болезненными эрзац-силами, заменой тех сил, которые должны были бы развиваться здоровым образом.

Из инстинктивных потребностей широчайших кругов человечества изошло стремление, выразившее себя затем в потоке литературы и сочинений, о которых я уже говорил. Видите ли, как по отношению к тому, что проявлялось в самом теософском движении, а именно в Теософском Обществе, так и по отношению к другому наплыву всевозможных сочинений, работающих со спиритуальным, средневропейское антропософское движение особым образом противостояло, ибо представляло собой особенное явление. Вследствие условий эволюции 19 и начала 20 века было возможно, что большое число людей находили духовную пищу в литературе, выявлявшей всё, что было возможно; большое число людей было страшно удивлено тем, что выступало благодаря Синнетту и Блавацкой. Однако

последнее не совсем хорошо согласовывалось со среднеевропейским сознанием. Ибо для того, кто знает среднеевропейскую литературу, не было сомнения в том, что, например, можно просто стоять в фарватере среднеевропейской литературы и наравне со многими другими быть включенным в тот вздымающийся (литературный) прилив, ибо в среднеевропейской литературе имелось бесконечно много того, что хотели иметь спиритуально ищущие; и только вследствие своеобразия языка, с которым многие люди не хотели иметь дела, оно оставалось скрытым.

Мы часто говорили об одном из мыслителей, кто поистине может служить доказательством того, насколько спиритуальная жизнь может воить и править в художественной литературе, в прекрасной духовной литературе: это Новалис. Мы с таким же успехом могли бы указать, будучи озабочены прозаическим настроением, - на Фридриха Шлегеля, который писал о мудрости Индии так, как пишет тот, кто не только воспроизводит мудрость Индии, но воспроизводит её из западного духа. Мы могли бы также указать на многое, что не относится к тому приливу, о котором я говорил, на многое, чей, так сказать, исторический абрис был характеризован мною в моей книге «О загадке человека». У таких людей, как Штеффенс, как Шуберт, как Трокслер можно найти всё это, но в гораздо более точном виде, на более высоком современном уровне, нежели в том литературном приливе, внезапно вторгшемся в последние десятилетия 19 и в начало 20 века. Надо сказать, что в сравнении с той глубиной, которая была заложена в Гёте, Шлегеле, Шеллинге, вещи вызывавшие удивление, в качестве якобы высокой мудрости, были поистине тривиальны, действительно тривиальны. Ибо, в конце концов, даже нечто такое как «Свет на пути» является чем-то тривиальным для каждого, кто принял в себя духовность Гёте, дух Гёте. Я считаю, что об этом не стоит забывать. Кто воспринял высокий порыв Новалиса или Фридриха Шлегеля, кому принесло радость сочинение Шлегеля «Бруно», для того вся эта теософская литература, в том виде, как она выступила, есть нечто вульгарное и тривиальное, грубо-тривиальное. Вот почему мы стоим перед странным явлением; было много людей, которые имели серьёзную, прямую волю подойти к спиритуальной жизни, и которые, в конце концов, из-за своего духовного строя наши известные

удовлетворение в характеризованной выше тривиальной литературе.

С другой стороны, развитие в 19 веке постепенно принимало такой характер, что научно образованные люди по причинам, которые я часто характеризовал, стали материалистическими мыслителями, с которыми было уже невозможно что-либо начать. Впрочем, если кто-то имеет твердое намерение работать над тем, что появилось на стыке 18 и 19 веков благодаря Шеллингу, Шлегелю, Фихте и другим, ему понадобятся, по крайней мере, некоторые научные понятия. Без них ничего не получится. Вот почему оказываются перед весьма странным явлением. Было невозможно своевременно вызвать то, что могло бы казаться желаемым, а именно, чтобы некоторое число, пусть даже малое число научно образованных людей было бы в состоянии сформировать свои научные понятия так, чтобы они могли найти точку соприкосновения со спиритуальной наукой. Вообще найти таких людей было совершенно невозможно, их совсем не было. В этом вообще состоит трудность, и эту трудность надо ясно иметь в виду.

Допустим, к антропософии обращаются, получив нынешнее научное образование. Если пройдя через нынешнее научное образование, став юристом, медиком, филологом - о теологии тут речи нет, - то в определенном возрасте для них делается необходимым действительно применять в жизни то, что, - не хочу сказать изучали, - но то, что она проходили, ибо этого требует жизнь. При этом у них уже нет больше склонности и гибкости, чтобы из своих понятий выработать нечто другое. Вот почему, если получивший научное образование человек обращается к антропософии, он чаще всего отталкивает её, несмотря на то, что от современного ученого требуется совсем немного, чтобы навести мост. Но он не желает наводить мост. Это смущает его, сбивает с толку. Для чего ему это нужно? Он учился тому, что требует от него жизнь, а нечто другое ему просто не нужно, поскольку это его сбивает с толку, поскольку это делает его неуверенным, как он полагает. Вот почему должно пройти ещё некоторое время, пока получившие образование ученые мужи нашего времени, - как их называют, - наведут мост, по крайней мере, небольшое число таких мужей. Тут надо иметь терпение. Сделать это будет не так уж легко, особенно в некоторых областях. Однако перед тем, как в некоторых областях серьёзно возьмутся за наведение мостов, возникнут всё

большие препятствия и задержки. Прежде всего, будет необходимо навести мосты в тех областях, которые сегодня представлены кругом разнообразных факультетов, за исключением геологического.

Юриспруденция всё больше и больше вырабатывает чисто понятийные шаблоны, которые сплошь и рядом непригодны, чтобы управлять жизнью. Несмотря на это они господствуют в жизни, ибо эта жизнь физического плана есть майя, - если бы она не была майей, они не могли бы господствовать в ней, - но когда их применяют, они всё больше и больше сбивают мир с толку. В сущности, применение современной юриспруденции, а именно гражданского права, только запутывает отношения. Только этого ещё не видят ясно. Как можно это увидеть? Исследуют не то, что возникает вследствие применения юридических шаблонов по отношению к действительности, но изучают юриспруденцию, то есть, становятся адвокатом или судьей, берут эти понятия и применяют их. Что получится из этого применения, их далее не заботит. Или всё же человек видит, какова эта жизнь, несмотря на то, что есть юриспруденция, которую очень трудно изучить; трудно изучить не только потому, что юристы обычно прогуливают первый семестр, но трудно изучить по другим причинам. Человек видит эту жизнь, видит, как она запутана, и очень ругается.

В медицине дело обстоит ещё серьёзней. Медицина действительно, - если она и дальше будет развиваться так, как она развивалась со второй трети 19 столетия, - будет полностью доведена до абсурда. Она превратится, в конце концов, в абсолютную медицинскую специализацию. Но тут дело зашло дальше, нежели было необходимо, чтобы усилить эту тенденцию, - ибо эта тенденция имела и нечто положительное, - теперь эту тенденцию следовало бы преодолеть. Так материалистическое направление в медицине довело хирургию до известной высоты; но только вследствие односторонности медицины хирургия смогла достичь того совершенства, которого она достигла. Но медицина как таковая, пострадала от этого; она должна посредством скачка подвигнуться к одухотворению, против чего сегодня необычайно сильно вооружаются. - Больше всего спиритуализация нужна для всего того, что связано с педагогикой. Об этом мы многократно говорили. Здесь повсюду надо наводить мосты.

Прежде всего, - несмотря на то, что это кажется наиболее отдаленным, - необходимо, чтобы мосты к

спиритуальной жизни были наведены от техники, от непосредственной жизненной практики. Ибо пятая послееатлантическая эпоха имеет дело с развитием материального мира, и если человеку не суждено полностью дегенерировать, то есть, стать всего лишь продолжением, придатком машины, вследствие чего он будет не более, чем животное, то необходимо найти путь от машины к спиритуальной жизни. Для технического практика, прежде всего, необходимо, чтобы он воспринял в свою душевную жизнь спиритуальный импульс. Это произойдет в тот момент, когда технических студентов хотя бы совсем немного больше, чем сейчас будут приучать к мышлению, чтобы они связывали между собой отдельные вещи, которые им преподносят. Сегодня этого ещё не делают. Они слушают математику, они слушают начертательную геометрию, они иногда слушают аналитическую геометрию; они слушают чистую механику, аналитическую механику, техническую механику, они слушают затем разные отдельные, более практические предметы, но связи между отдельными предметами они совсем не ищут. В тот момент, когда эти люди будут, так сказать, побуждены применить здоровый человеческий рассудок по отношению к этим предметам, тогда они будут, - просто вследствие стадии развития, на которой стоят данные отрасли, - будут побуждены проникать в суть этих предметов, а тем самым и в спиритуальное. Действительно, исходя именно от машины, надо будет искать путь в спиритуальный мир.

Всё это я говорю, чтобы указать на трудность, имеющуюся сегодня в духовнонаучном движении, поскольку оно ещё не может найти тех, кто был бы пригоден для создания ауры принимаемой всерьёз. По большей части это движение страдает от того, что его не принимают всерьёз. Достоинно внимания то, как это происходит во всех отдельных случаях. Если бы то, что появляется, появлялось без того, чтобы люди говорили: это написал тот, кто состоит в Теософском Обществе, - то оно воспринималось бы более серьёзно, оно понималось бы совершенно иначе. Но просто оттого, что данный человек состоит в теософском движении, на вещь навешивается ярлык, который содействует тому, чтобы эту вещь не принимали всерьёз. Очень важно принять это к сведению. По мелочам могут выступить против, из-за настоящих мелочей. Я хочу для примера указать на одну мелочь, потому что в последние дни она встретила мне,

указать не из нелепого тщеславия, но просто потому, чтобы обратить ваше внимание на то, как обстоит дело.

В моей книге «О загадке человека» идет речь о *Карле Христиане Планке*, как одном из тех мыслителей, которые, исходя из некоторых основ, прорабатывались к спиритуальности, хотя и в абстрактной форме. Я писал о Карле Христиане Планке не только в этой книге, но и подробно говорил в целом ряде городов в последнюю зиму о Карле Христиане Планке, и, указывая на то, как его недооценивали, как неправильно понимали, указывал, прежде всего, на одно обстоятельство. Я настоятельно указывал на то обстоятельство, что этот человек ещё в восьмидесятые, семидесятые, шестидесятые, пятидесятые годы (19в.) обдумывал вещи, относящиеся к связи индустриальной и социальной жизни, вещи, которые следовало бы осуществить. Если бы тогда нашелся кто-нибудь, кто с пониманием внедрил бы в практику социальной жизни то, что этот человек развивал в идеях, идеях, дружественных по отношению к действительности, тогда, - я не преувеличиваю, - вероятно, этих страданий, которые переносит теперь человечество, не было бы у человечества, ибо они по большей части связаны с тем, что человечество живет, имея совершенно фальшивую социальную структуру. Я указывал на то, что существует как бы некая обязанность, не подпускать людей к тому, к чему пришел Карл Христиан Планк, который, в конце концов, был отчужден от всякой любви к миру внешней физической действительности. Планк был швабом и жил в Штутгарте, он был лишен в Тюбингене философской доцентуры, которая предоставляла ему возможность немного действовать; я вполне намерено указывал на то, что этот человек в своем сочинении «Завет одного немца» пришел к тому, что в предисловии сказал: «Никогда мои кости не должны лежать на родине». Это было острое слово. Как раз такое слово, которое могло бы дойти до современных людей и касалось тупости тех людей, кто не хотел видеть того, что не противоречило действительности. Я намеренно цитировал это в Штутгарте, ибо именно там находилась «малая родина» Планка. Тогда, в сущности, реакция была слабой, несмотря на то, что уже имелись события, которые показывали, что он был недалек от понимания этих дел.

Сейчас же напротив, примерно полтора года назад в швабских газетах появилась статья:

«Карл Христиан Планк. Не просто кто-то в отдельности, но не один дальновидный ум предсказывал современную войну. Однако никто не прочувствовал так точно её полного объёма, никто так остро не понимал её причин и следствий, как наш швабский соплеменник Планк».

Я говорил тогда: Карл Христиан Планк столь точно предсказал эту мировую войну, что настоящим образом указывал на то, что Италия не встанет на сторону сил Средней Европы, несмотря на то, что союз тогда ещё не был заключен и был лишь взят курс на вынесение такого решения.

«Эта война казалась ему неизбежной целью, на которую взяло курс политическое и экономическое развитие последней половины столетия».

Это действительно так!

«Но как он разоблачил ущербное, вредное начало своего времени, так указал он и дорогу, которая могла бы вести нас к другому состоянию».

Это важно! Но никто не услышал!

«От него мы узнаём глубокие причины разрастания войны, и другие чёрные пятна, обнаружившиеся наряду со столь многим прекрасным и радостным в картине современной народной жизни. Но ему известны также и глубинные внутренние силы народной жизни; он знает, как можно высвободить их, чтобы создать нравственное и правовое обновление, тоскуя по наилучшим из нас. Несмотря на все болезненное разочарование, которое уготовали ему его современники, он верил в эти силы и их победоносное проявление».

Тут он доходит до высказывания, которое я цитировал вам!

«Вот почему в широких кругах с благодарностью приветствовали то, что дочь философа в ближайшее время хочет выступить с рядом открытых докладов, как введению в социально-политические идеи Планка».

Интересно, что дочь философа выступает через полтора года. Эта заметка появилась в одной штутгартской газете. В ту пору, когда с моей стороны в Штутгарте было со всей ясностью было указано на философа Карла Христиана Планка, вообще никто не обратил на это внимания, никто не почувствовал стремления как-нибудь познакомиться с этим. Спустя полтора года выступила дочь, которая, очевидно, жила в то время, когда умер отец, - это было в 1880, - и ожидала до сей поры, чтобы выступить с открытыми докладами о нём.

Вот один пример, который можно не только удесятить, но и найти сотни; из него всё снова и снова обнаруживается, как трудно добиться оценки наиболее широкомасштабного в духовной науке, так и практически конкретного, несмотря на их абсолютную необходимость. Ибо только благодаря наиболее широкомасштабному, всеохватывающему в духовной науке, - это ещё надо понять, - возможно исцеление для того, что живет в культуре нашего времени.

То, что мы называем антропософски ориентированной духовной наукой, было необходимо удерживать в фарватере серьёзности, от которого всё больше и больше отходило теософское движение. Дух, который был осмыслен во времена древнегреческой философии, должен был проникнуть в эти вещи, даже если вследствие этого возникало мнение, что тексты трудно читать. Иногда это было действительно нелегко. Ибо именно внутри движения это наталкивалось на самые большие трудности. И одной из самых величайших трудностей была та, что более десятилетия потребовалось на то, чтобы преодолеть основную абстракцию. Надо было медленно и терпеливо работать, чтоб преодолеть основную абстракцию, которая принадлежала к наихудшему, к самому вредному в нашем движении. Эта основная абстракция попросту состояла в том, что придерживались слова «Теософия» будучи безразличны к тому, - если нечто называло себя «теософским», - было ли это действительной эманацией духовности современной жизни, или чем-то непроработанным, или просто вздором. Если это называли «теософским», то это становилось в равной степени правомерным, ибо требовалась «теософская толерантность». И только совсем медленно и постепенно стало возможно противиться такому подходу; ибо нельзя было говорить всё с самого начала, это показалось бы дерзостью, должно было возникнуть чувство, что между этими вещами

всё же есть разница, и что использовать в этом смысле толерантность есть ничто иное, как проявление абсолютнейшей бесхарактерности в суждениях. Тут дело в том, чтобы работать над таким знанием, над такими познаниями, которые возвращают действительность, которые можно сочетать с требованиями действительности. С требованиями действительности можно сочетать только духовную науку, которая работает с понятиями нашего времени. Не просто жизнь в приятных теософских представлениях, но борьба за духовную действительность, - вот то, к чему следует стремиться.

Некоторые люди сегодня не имеют понятия о том, что означает пробиваться к действительности, поскольку ещё не хотят уяснить себе, что понятия, с которыми работают сегодня, непригодны. Позвольте мне провести маленькую пробу относительно борьбы за действительность в представлениях из области, кажущейся отдаленной. Потерпите, что я приведу нечто отвлеченное, абстрактное, это будет сделано лишь вкратце.

В 19 веке всегда находились отдельные люди, которые обходились с действительностью так, что им приходилось иметь дело с совершенно новыми представлениями о жизни, жизненными представлениями не только в тривиальном смысле, но теми жизненными представлениями, которые необходимы в практической жизни. Так в определенное время в 19 веке принятые со времен древнего Евклида понятия о параллельных прямых, обветшали. Когда две прямые линии являются параллельными? Кому же неясно, что две прямые являются параллельными тогда, если они не пересекаются, сколько бы их не продолжали! Таково определение: две прямые параллельны, если они, сколько бы их не продолжали, не пересекаются. В 19 веке были люди, которые всю жизнь свою положили на то, чтобы внести ясность в это понятие, поскольку перед точным мышлением оно не могло устоять. Я хотел бы зачитать вам одно письмо, которое написал один из обоих Больяйев, *Вольфганг Больяй*, чтобы показать вам, что значит борьба за представления. Математик Гаусс начал задумываться над тем, что определение: две прямые параллельны, если они на бесконечном удалении не пересекаются, - в сущности, ничего не говорит, является пустой говорильней. И старший Больяй, отец, был другом и учеником Гаусса, и он побудил своего сына, младшего Больяйя. Отец пишет сыну:

«Заклинаю тебя Богом, - не пытайся заниматься с этими параллельными; я знаю этот путь до конца - у меня тоже были бессонные ночи, они погасили всякий свет, всякую радость в моей жизни! Оставь учение о параллельных прямых в покое. Ты должен иметь к этому такое же отвращение, как перед дурной компанией, которая может погубить весь твой досуг, твоё здоровье твой покой и всё счастье твоей жизни. - Этот бездонный мрак может поглотить тысячу исполинских ньютоновских башен, его никогда не осветить до земли; убогий человеческий род никогда не имел ничего совершенно чистого, даже в геометрии; это глубокая и вечная рана в моей душе; храни тебя Бог, чтобы эта проблема не въелась в тебя глубоко. Эти параллельные похищают любовь к геометрии, к земной жизни; я был готов пожертвовать собой ради истины; я был готов на мученичество, чтобы вручить человечеству геометрию, очищенную от этого позорного пятна. Жуткую, колоссальную работу проделал я, в дальнейшем достигнув лучшего, нежели было до сих пор достигнуто, но не нашел совершенного удовлетворения; тут верно *si paullum a summon discessit, vergit ad imum.* (если немного отступишь от верха, попадешь в низ). - Я вернулся назад, когда увидел, что в этой ночи от Земли достичь дна нельзя, вернулся без утешения, сожалея о себе самом и обо всей семье. Учись на моём примере; когда я познакомился с параллельными, я ещё не знал, что они отнимут у меня моё время и все цветы моей жизни. Здесь корень всех моих позднейших ошибок, которые дождём посыпались из домашних туч. - Если бы я смог открыть (тайну) параллельных, я стал бы ангелом, даже если бы никто не узнал, что я это открыл.

...Не пытайся, ты не обнаружишь ничего, что при непрерывном загибании одной и той же меры нижняя прямая будет пересечена, в этой материи вечно находится циркуль, вращающийся в обратном направлении - лабиринт, всегда манящий того, кто отказывается от себя, становится нищим, как закопавший сокровище, и остается в незнании. Считай это вечным абсурдом, всё напрасно, ты не можешь представить это иначе как аксиому...;

...В этой области стоят Геркулесовы столбы, не делай ни шагу дальше, иначе ты пропал...»

И, тем не менее, молодой Больяй пошёл по этому пути дальше, и всю свою жизнь в ещё большей степени, чем его отец использовал на то, чтобы придти к конкретным понятиям в той области, где вполне реальные понятия есть только видимость, лишь пустая болтовня. Он хотел открыть, есть ли действительно нечто такое, как две прямые, которые не пересекаются на бесконечном удалении; ибо ещё никто не пробегал на это бесконечное расстояние, так как для этого потребовалось бы бесконечное время, а оно никогда не истечёт. Это пустая болтовня. В наиболее отдаленных понятийных разветвлениях содержится эта чистая болтовня, содержатся лишь тени понятий. Я хотел всего лишь обратить ваше внимание на абстракции, на то, что является отвлеченным, для того, чтобы вы видели, сколь основательно страдали люди 19 столетия от абстрактности понятий. Интересно видеть, что в то время, как во всех школах учили: параллельные прямые те, которые не пересекаются, как бы долго их не продолжать, - имелись отдельные мыслители, для которых работа в этом направлении стала адом, поскольку они пытались проникнуть к реальным понятиям, а не к понятийным шаблонам.

Да, это борьба с действительностью, это то, в чем тут дело; люди в наше время в большей или меньшей степени бегут от неё, не хотят её, так как «прозревают», или верят, что прозревают, что у них будто бы есть «высокие идеалы»! Дело не в идеалах, но в импульсах, работающих с действительностью. Представьте себе, если бы здесь предстал некто и говорил прекрасные слова: должно, наконец, придти время, когда самые прилежные обретут надлежащее внимание в жизни. - Это весьма прекрасная программа! Можно даже основывать сообщества с программой чтобы реформировать общество так, что самые усердные в нем займут подобающее им место; на этой фразе можно даже создать науки о государстве. Но дело совсем не в такой фразе, а в том, насколько это наполнено действительностью. Ибо, что пользы от того, если этой фразе придадут такую цену, что она выступает во многих сообществах в качестве первого программного пункта; ведь люди, которые обладают властью, в качестве самых прилежных будут рассматривать своих племянников! Дело не в том, чтобы придавать цену абстрактной фразе о том, что самые усердные должны занять подобающее место, а в том, способны ли люди найти действительно усердных, а не своих племянников! Надо понять, что абстрактные понятия

повсюду оказываются в жизненных оврагах, что они падают в жизненные пропасти, что они ничего не значат, и что всё наше время заполнили громкие прекрасные понятия, против которых, при всей их понятийной красоте и возразить то нельзя; однако дело в понимании действительности, в познании действительности.

Давайте представим себе, что лев захотел бы обосновать мировой порядок для животных, захотел бы учредить земное царство, чтобы оно было справедливо. Что стал бы делать лев? Я не считаю, что льву могло бы придти в голову стремиться к тому, чтобы маленькие животные пустыни, которых лев обычно пожирает, имели бы возможность не быть пожранными львом! Я не верю в это; нет, лев стал бы рассматривать, как своё законное право - пожирать мелких животных, которые ему встретились. И наоборот; льву могло бы придти в голову, в море, например, установить справедливое наказание, чтобы акулы не пожирали маленьких рыбок. Это могло бы подойти; могло бы случиться даже так, что лев установил бы плодотворный, добрый порядок среди животных, так, чтобы в море, на Северном полюсе и везде, где лев не у себя дома, животные были бы свободны, и у них всё было бы хорошо. Но вот пришло бы ему в голову установить точно такой же порядок в своей львиной области, остается вопросом. Этот лев очень хорошо знает, что такое справедливый мировой порядок, и он будет успешно применять его к акулам.

Но поговорим не о львах, поговорим о Хунгарикусе. Недавно я сказал вам, что появилась одна маленькая брошюра: «Условия мира в Германии». Курс этой брошюры совпадает с фарватером той карты европейских стран, первые сообщения о которой содержатся в знаменитой ноте Антанты Вильсону относительно расчленения Австрийской Империи. Мы об этом говорили. Хунгарикус, по существу совершенно согласен со всем в этой карте, за исключением Швейцарии. Сначала он говорит очень мудро, - насколько мудро говорит теперь большинство людей, - о праве наций, даже о праве маленьких национальностей, о праве государств совпадать с национальными силами и так далее. Всё это, само собой разумеется, весьма прекрасно, так же как прекрасна и фраза о том, что самые прилежные должны получать свое законное место. Пока остаются с этими тенями понятий, можно облизывать себе пальцы, будучи абстрактным идеалистом и читая Хунгарикуса. Для швейцарцев читать Хунгарикуса ещё приятнее, по той

причине, что на приведенной мною карте, Хунгарикус не урезает Швейцарию, а даже увеличивает её; он приписывает ей альпийские предгорья и Тироль. Поэтому я именно швейцарцам советую почитать Хунгарикуса, вместо того, чтобы придерживаться той карты. Но он делит и остальной мир. Можно сказать, он предоставляет всем, всем народам, даже самым маленьким своего рода абсолютное право свободного развития - причем он не считает, что он со стороны Антанты чем-либо возбуждает сопротивление. Он немного приукрашивает эти слова: в случае Богемии он говорит о самоопределении, о самостоятельности, в случае же Ирландии, он, само собой, говорит об автономии. Ну что ж, так делают, не правда ли! Эти дела можно причисывать. Итак, мир справедливо нарезан, мир Европы тоже прекрасно разделен, так что за исключением тех вещей, на которые я только что указал, - чтобы не вызвать столкновения, - действительно пытаются наделить маленькие нации теми государствами, относительно которых представители Антанты полагают, что для этих национальностей те маленькие области являются родиной. Дело в меньшей степени решается тем, а действительно ли эти области принадлежали этим национальностям, нежели тем, считают ли на той стороне, что они им принадлежали. Итак, он приложил прекрасные усилия, чтобы поделить мир: мир, расположенный вне пустыни, - ах, пардон, - вне Австро-Венгрии, ибо для Венгрии он использует своё львиное право! Для акул он предоставляет полную свободу! Однако мадьярская нация - это его нация, так что она должна охватить не только то, что ей принадлежит теперь, но стать ещё больше, - хотя мадьяр в ней меньшинство, а большинство составляют другие народы. Итак, тут прямо-таки настоящий лев.

Тут видно, как сегодня создаются понятия, как сегодня думают. Надо изучать, насколько необходимо теперь найти переход мышлению, насыщенному действительностью. Для этого необходимы понятия, которые я приводил вам здесь. Я хочу показать однажды, и должен показать, как спиритуальное мышление ведет к идеям, соответствующим действительности. Повсюду дело в том, чтобы связать с вещами правильные мысли; тогда узнают, соответствует ли вещь действительности, или нет.

Возьмите, например, нынешнюю ноту Вильсона к Сенату. Она является образцовым примером и может оказаться действенной; но дело не в том, а в том, что она содержит

«тени понятий». Если она и оказывает воздействие, то это вследствие запутанности, смутности времени, на которое именно путаница может оказывать некоторое влияние. Возьмите эту вещь совершенно объективно, но попытайтесь построить понятие, с помощью которого вы могли бы измерить степень действительности, степень содержания действительности, которую с этими теневыми понятиями едва ли можно связать. Вам надо всего лишь поставить один вопрос: разве такая нота не могла быть написана в 1913 году? Все те идеальные вещи, которые там стоят, могли бы быть написаны в 1913 году в точности так, как стоят они там сегодня! Видите ли, это мышление не соответствующее действительности, оно верит в абсолютное. То, что в любое время возникает «абсолют» свидетельствует о мышлении, не соответствующем действительности. У современности отсутствует талант, чтобы увидеть несостоятельность этого мышления, его несоответствие действительности, ибо смотрят только на правильность, в то время, как дело в том, соответствует ли это действительности.

Вот почему в моей книге «О загадке человека» я настоятельно подчеркивал, что надо обращать внимание не только на логичность, но и на соответствие действительности. Всего лишь один вывод, который принимает в расчет факты современности, непосредственной современности, имел бы большую цену, нежели вся фразеология. Возможно, в исторических документах можно будет увидеть, как то, о чём тут говорится, уж связано с реальностью, ибо постепенно на поверхность выносятся те люди, которые хотят править миром на основе абстракций, что и привело к этому нынешнему состоянию, в то время как настоящее мышление, которое проникает в суть дела, повсюду находит действительность. Она располагается, так сказать, столь близко, эта действительность! Вы только подумайте: возьмите это реальное понятие, это понятие действительности, которое в последние дни я уже приводил здесь с другой точки зрения, когда я показывал, как с Юга наверх, - это тогда должна была бы быть Италия, - устремляется клерикальное, культовое начало, создающее себе оппозицию в среднеевропейском протестантизме; как с Запада формируется дипломатически-политическое начало, опять-таки создающее себе оппозицию, как с северо-востока образуется меркантильное начало, которое снова создает себе оппозицию, так что в Средней Европе по необходимости

должна существовать оппозиция из общечеловеческого начала. Ещё раз поставим перед собой эти излучения.

Naehrstand Merkantilisch - «кормящее сословие», меркантилизм

Wehrstand Diplomatisch-Politisch - военное сословие, дипломатичеки-политическое начало

Lehrstand, Prinstlich - «учащее сословие», священническое, клерикальное начало

Уже в четвертую послеатлантическую эпоху начали, - что было прогрессом по отношению к древности, когда говорили о о подразделении на четыре касты, - это подразделение представлять несколько иначе. Платон говорил о профессии преподавателя, сословии учителей; сословие учителей - это те, кто имел приоритет в древнем Риме, клерикальном, папистском Риме. Сословие учителей исходило из того, чтобы единственно и только для себя устанавливать догматическую фиксацию истины и не позволять никому устанавливать истину от себя. Только исходя отсюда, распространялось учение, учение даже о самых высших вещах.

Политически-дипломатическое начало явилось, хотя и в другой местности ничем иным, как платоновским военным сословием. Я уже сообщал вам, что, несмотря на так называемый прусский милитаризм, военное сословие сложилось именно во Франции, после того, как его основные принципы были созданы в Швейцарии. Исходя оттуда, военное сословие, естественно, создало себе оппозицию вследствие того, что оно хотело бы задержать у других то, на что само претендовало. Это военное сословие хотело, используя солдат, господствовать над миром; если же ему откуда-то со стороны противостоял солдатский элемент, оно считало это несправедливым, точно так же как и Рим считал несправедливым, если ему с другой стороны противопоставлялось нечто о мировых истинах. Здесь с таким же успехом мы могли бы меркантильное начало обозначить как «кормящее сословие». То, что поистине в своей глубочайшей внутренней сущности соответствует этому

третьему фактору, - это «кормящее сословие». Вы только обдумайте это, вы только медитируйте над этим. Что будет тут задерживаться, утаиваться? Само собой разумеется, продукты питания! *(ответ на вопрос, кто организовывал голод в 20 веке? - примеч. перев.)*

И если вы правильно используете понятия Платона, используете в соответствии с действительностью, тогда вы всюду откроете, обнаружите эту действительность. Тогда ваши понятия будут выработаны так, что с этими понятиями вы сможете погрузиться в действительность. Исходя из понятий, вы должны найти путь в действительное; вы должны найти понятия вплоть до самых конкретных проявлений действительности. Тени понятий ни в чём не обретают действительность, но с помощью этих понятийных теней можно болтать обо всём, можно всё идеализировать, в то время как вы, если вы работаете с настоящими понятиями, будете понимать вещи вплоть до отдельных подробностей.

Здесь вы видите перед собой задачу духовной науки: она ведёт к таким понятиям, посредством которых вы поистине сможете раскрыть жизнь, которая, в сущности, есть творение духов; посредством их вы сможете, однако, вести повсеместную борьбу за то, чтобы реальным образом сотрудничать с этой жизнью.

В отношении одного понятия необходимо, - особенно сегодня, когда судьба так сильно загнала человечество вниз, - мыслить в соответствии с действительностью; ибо недействительные понятия особенным образом сближаются с этой областью. Наиболее далекие от действительности речи ведут сегодня пасторы, когда они говорят где-либо о какой-либо области. Наиболее далекие от действительности речи они, конечно, ведут об этой войне, ибо, когда они описывают, как в этой войне нашло своё выражение христианство, или Божественное сознание, - это все равно, что, как говорится, карабкаться на стену. От этого возникает нечто страшное. С этой стороны и в других областях часто исходит нечто страшное, но именно в этой области дело доходит до абсурда.

Возьмите в руки тексты о войне, которые появляются сейчас с этой стороны в качестве проповедей или чего-то иного, и посмотрите их с точки зрения здравого человеческого рассудка, здравого смысла. Ближе всего оказывается тут то, где говорится: должно ли человечество подвергаться тяжкой, болезненной судьбе? Разве Божественно-духовные силы не могут вмешаться непосредственно на благо человечества, чтобы привести его

к этому благу? Здесь надо было бы сказать: с блеском высшей правоты говорят это, однако при этом отсутствует понятие, соответствующее действительности, ибо это не отвечает тому, на чем с этой точки зрения основана действительность. – Я хочу посредством сравнения пояснить вам, в чём тут дело.

Человек известным образом организован. Он принимает продукты питания; продукты питания организованы или устроены так, что человек может продлить свою жизнь. Представьте, что если бы человек отказался принимать пищу, он стал бы тощим, больным, наконец, голодным. Надо ли говорить, что тут проявляется слабость и злость Бога, Который позволяет человеку голодать, хотя тот сам совершенно не желает есть? Никакой слабости Бога в этом нет. Божество создаёт средства питания, человеку нужно всего лишь есть. Мудрость Божества обнаруживается в том, что средства питания поддерживают человека; если же он отказывается принимать их, то он не должен пенять на Бога, Который, будто бы позволяет ему голодать.

По аналогии перенесите это на другое: человечество должно рассматривать духовную жизнь как средство питания. Божества предоставляют их, но ведь надо их употреблять. Так что говорить: боги должны непосредственно вмешаться, - значит, ничто иное, как сказать: если я не хочу кушать, Господь Бог обязан насыщать меня иным образом. – Благодаря исполненному мудрости мировому порядку всегда имеется в наличии то, что может привести к исцелению, ко благу, но человек должен вступить в соответствующие отношения с этим. Вот почему столь необходимая в 20 веке спиритуальная жизнь не может наступить сама собой, но люди должны бороться за неё, они должны сами принять её. Если же они её не примут, то наступят всё более и более мрачные времена. То, что происходит внешне, есть всего лишь майя, ибо внутренняя связь такова, что в современности древнее время борется с новым временем. В настоящее время всюду поднимается борьба общечеловеческого начала против того, что стоит в отдельности. И если сегодня полагают, что нации борются друг с другом, - это майя, - на эту майю я уже указывал с различных точек зрения, - это всего лишь то, - если эти вещи группировать по тому или иному признаку, что не точно соответствует внутреннему процессу: в действительности тут заложены совершенно иные противоречия. Тут заложено противоречие между старым и новым. Здесь вступают в

борьбу совершенно иные законы, нежели те, которые традиционно правили миром.

И опять-таки, было майей, - то есть тем, что выступает в фальшивом облике, - было майёй то, как проявили себя эти другие законы в социальной жизни. Социализм не является тем, что связано с истиной; прежде всего, он не связан со спиритуальной жизнью, но он представляет собой нечто такое, что хочет быть связано с материализмом. То, что хочет пробиться, - это всестороннее, гармоническое человеческое начало по отношению к односторонности учительского, военного и кормящего сословий (состояний). Борьба будет, несомненно, длиться долго, но она может вестись самыми разными способами. Если бы в 19 веке обратились, - в смысле Планка, - к здоровой практике жизни, то кровавая практика первой трети 20 века была бы, по крайней мере, смягчена. На основе идеализма смягчить эти вещи невозможно; но это возможно, если думать реалистически, а думать реалистически - всегда означает думать спиритуально.

Точно также можно сказать: то, что должно произойти, всё же должно было произойти. То, что поднималось наверх, должно было полностью испытать всё это, для того, чтобы соединить с душой спиритуальность, чтобы пробудиться спиритуально. Трагическая судьба человечества состоит в том, что поднимающиеся наверх, выдающиеся люди хотят подниматься не под знаком спиритуальности, а под знаком материального. Это, прежде всего, приводило их к конфликту с теми братствами, которые, по большому счёту, хотели материалистически развивать импульсы меркантилизма, материалистически развивать индустриально-коммерческую сущность. Ибо в этом состоит главное столкновение современности: другие являются всего лишь сопутствующими явлениями, зачастую страшными сопутствующими явлениями. Именно это видно в этой страшной майе. Однако эти вещи могут быть достигнуты по-разному. Так было бы необходимо, чтобы вместо агентов этих братств, властью обладали бы другие люди. Ведь тогда мы бы уже вели мирные переговоры, тогда бы не проглядели рождественский призыв к заключению мира!

Было бы чрезвычайно трудно отыскать в отношении некоторых вещей ясные, несущие действительность понятия и идеи; но каждый должен пытаться найти их в своей области. Тот, кто немного проник в смысл духовной науки, и этот смысл духовной науки сравнивает с другим,

выступающим в современности, тот увидит, что духовная наука является единственным путём к достижению понятий, наполненных действительностью.

Вот с какими серьёзными словами хотел я обратиться к вам в это время, чтобы некоторым образом показать, - несмотря на то, что задача духовной науки может быть понята только из духа, а не посредством внимания к тому, что сегодня обсуждалось, нет, только посредством познания, из самого духа, - какое, однако, значение имеет существо духовной науки для современности и как необходимо было бы, чтобы всё то, что может произойти, чтобы сделать духовную науку известной, действительно произошло. Необходимо, чтобы мы в это тяжкое время приняли духовную науку не только в свои головы, но приняли её в своё горячее сердце. Ибо только в том случае, если мы примем её в огонь нашего сердца, мы будем в состоянии развить силы, в которых нуждается современность. И тогда пусть никто не думает, что он на своём месте, будто бы, не подходит, чтобы делать то, о чем идет речь. Каждый на своём месте благодаря карме найдёт возможность, в правильное время поставить перед судьбой соответствующие вопросы. И если это правильное время наступит не сегодня и не завтра, так или иначе оно придёт. Дело в том, что надо прочно и уверенно стоять в импульсах этого духовного движения, если однажды его понял. Особенно сегодня необходимо, эту прочность и уверенность поставить себе как цель. Потому что нечто значительное в каком-то отношении произойдёт в ближайшее время, - что может быть, но на что нельзя рассчитывать, - или все жизненные отношения встретятся с большими затруднениями. Если кто-то не желает уяснить себе это, проявляет необдуманность, недомыслие. Два с половиной года длится то, что теперь называют войной, и условия пока остаются сносными, терпимыми, как они были до сих пор; однако в следующем году так не будет. Таким движениям как наше, придется перенести испытания. Тут нельзя говорить: когда мы соберемся снова? - или: почему мы не собираемся? - или: почему не появляется то или иное? - но надо будет, даже через угрожающие времена пронести в своём сердце надежное чувство взаимной принадлежности.

Именно теперь хотел я обратиться к вам с этим словом, поскольку возможно, что в не очень отдаленное время не будет транспортных возможностей, чтобы мы снова собрались вместе; я не имею в виду визовые возможности, но транспортные возможности. Ибо эти вещи могут не прийти в

порядок в течение такого времени, которое погасит всю культурную жизнь, если в эту культурную жизнь ворвется то, что, хотя и происходит из этой культурной жизни, но в высшей степени противоречит ей. Но именно вследствие этого существует тот абсурд, что из самой жизни происходят вещи, которые затем противоречат ей самой. Так и нам следует понять, что для нашего движения могут наступить тяжелые времена. Но они не смутят нас, если мы обрели внутреннюю уверенность, ясность и истинное чувство относительно значения и сущности нашего движения; если мы в столь серьезное время можем отстраниться от личного. Наше движение должно прилагать силы к тому, чтобы подняться над отдельной личностью даже во взглядах, направить наш взгляд на великие свершения человечества, которые поставлены на карту. Но самым большим является всё же следующее: достигнуть понимания реального, соответствующего действительности мышления. – На каждом шагу, повсюду мы встречаемся с невозможностью обрести реальное, соответствующее действительности мышление. Человек должен всем своим сердцем участвовать в таких делах, и тогда эгоизм не сможет ввести его в заблуждение в частностях.

Вот то, что я вам сегодня хотел бы пожелать, как бы на прощанье, поскольку мы должны будем на некоторое время проститься. Сделайте же себя настолько сильными, – даже на тот случай, когда это не понадобится, – чтобы ваше сердце в душевном уединении могло нести то, что пульсирует в духовной науке, то, чем мы хотим заниматься здесь. Уже одна мысль, что мы хотим быть верными, может помочь, и очень помочь; ибо мысли есть действительность. Некоторые трудности, которые предстоят, могут быть устранены благодаря тому, что мы предпримем искренние, серьезные поиски в том направлении, которое нынче часто обсуждалось здесь.

Пока это не возлагается на нас, тех, кто некоторое время должен будет находиться далеко отсюда; эти заботы мы понесем, если сможем собраться снова. Но даже в том случае, если на это понадобится долгое время, и заботы должны будут возложены на других, мы никогда не дадим исчезнуть из наших сердец, из наших душ тем мыслям, которые в этом центре, там, где наше движение воплотилось в видимое здание, мыслям, отвечающим самым интенсивным требованиям придерживаться нашего движения так позитивно, так конкретно так энергично, чтобы мы

действительно сообщая перенесли то, что может прийти. Поэтому, где бы мы не были, мы будем верно, интенсивно и сердечно вместе пребывать в мыслях и слышать друг друга, даже если и не с помощью физических ушей. Мы будем слышать друг друга, если только мы будем искать этого слышания в сильных мыслях, а не в сентиментальностях. Для сентиментальности наше время мало подходит.

Таков смысл моего прощального слова, которое во многом является также и приветствием, чтобы в духе жить в большей степени сообщая, чем могли мы это здесь на физическом плане. Надеюсь, что последнее может состояться снова в не столь отдаленное время.